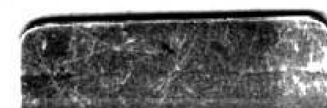

ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

— Полетишь с нами в Москву, мишка!
На снимке: летчики-полярники М. С. Васильев, В. Н. Иванов и В. А. Фурманов. Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: идут самолеты спортивной авиации... Фото В. Тюккеля.

На последней странице обложки: в июне исполняется 10 лет со дня создания Нахимовского военно-морского училища в Ленинграде. На снимке: курсант Саша Нахимов, потомок славной семьи Нахимовых. Фото Я. Халипа.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 25(1410)

20 ИЮНЯ 1954

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕРЕД ПАРАДОМ

Послеполетный разбор.

За дружеской беседой.

Погожий день, высокая облачность. А в небе — сплошное беспокойство: шелестящий гул и свист, словно сотни снарядов рвут на куски упругий весенний воздух.

Невольно запрокидываешь голову и шаришь глазами в небе. Но ничего не находишь: чисто, ни пятнышка. И только где-то вдали замечаешь, как в лучах солнца сверкнули серебром три короткие стрелы. Словно пущенные из одного лука, они пронзают голубую бесконечность и, растаяв в ней, исчезают...

Человек в кожаной куртке, стоя у вездехода и держа в руке «переговорку», бросает отрывистые слова команды. В воздухе — летчики-гвардейцы. Сейчас особенно ответственные дни: началась подготовка к традиционному воздушному параду.

В Тушине сотни тысяч людей, вскинув головы, будут любоваться четким строем пролетающих, как метеóры, реактивных самолетов. Многие зрители скажут: «Будто накрепко связанные!» Но не все представляют, скольких трудов стоят эти четкость и красота.

И от пехотинца требуется напряжение, чтобы идти точно так, как товарищи справа и слева. Что же сказать о летчиках? До какой степени точности должны быть доведены глазомер, чувство ритма, места и быстроты у человека, «шагающего» в строю со скоростью звука!

...Буксировщики вывозят на зеленое поле самолеты и расставляют их в стрельчатом строю по три. Летчики закрывают кабины. Вы ждете запуска двигателя, но машины стоят недвижимо. Идет наземная тренировка. Это значит: летчики «набивают глаз», всматриваются, запоминают ориентиры, привыкают к месту,— словом, вживаются в строй. Идет сложный процесс создания единства и цельности коллективного действия.

Укрывшись в тени хвостового оперения, сидят три летчика и толкуют о том, как лучше «приработаться» друг к другу в звене. Машины идут на параде плотным строем. Малейшее нарушение интервала — и ты заставишь нервничать товарища. Малейший просчет или отклонение — и ты сам можешь очутиться в потоке «возмущенного» воздуха.

Место в воздушном строю — это не просто точка в пространстве. Это и сумма навыков летчика, и строго очерченные обязанности, и определенные личные качества. А в общем, это характер человека. Красота и единство возникают как результат командирского ис-

В кабину садится лейтенант Н. Тараканов.

кусства расстановки сил. Ведущие и ведомые, летящие в середине и по краям девятки — у каждого свое задание, и все частности и особенности командир обязан учесть, чтобы получился ансамбль.

Вот мы видим: в кабину садится лейтенант Николай Тараканов. Он впервые участвует в параде. Ему определено положение ведомого. Понятно состояние лейтенанта. Парад не только праздник, но и большое испытание. Сам Тараканов готовится к этому событию в своей летной жизни с таким же чувством, с каким сравнительно недавно готовился к первому самостоятельному вылету. То же самое переживают в эти дни и молодые участники парада Константин Кузнецов и Виктор Хонин.

По-своему волнуются и старые боевые летчики, и больше всех, вернее, за всех, волнуется командир, хотя и принято считать, что летчикам волнение противопоказано. Но мыслимо ли творчество без волнения?

Подготовка к воздушному параду напоминает многоступенчатую лестницу в несколько маршей. Шагать через ступеньки нельзя. Сначала сколачивание звеньев, потом слетанность девятки и, наконец, полет колонны девяток. Все надо учесть, взвесить, проанализировать, оценить действия каждого в отдельности и коллектива в целом. Ежедневно можно видеть, как командир, собрав своих подчиненных, подвергает обстоятельному разбору прошедший полет и намечает задачи на завтра. Посмотрите на собравшихся летчиков — вы не найдете здесь равнодушных.

Много сил потребуется, много будет пережито, прежде чем командир скажет: «Хорошо, товарищи!»

Кипучей, напряженной жизнью живет аэродром. Но вот задание выполнено. Зачехлены самолеты. Убраны антенны раций. Ушли заправщики горючим. В небе тихо.

Зато весело и шумно на волейбольной площадке, на реке.

Любители купания и рыбной ловли выехали на собственных машинах в тихое место пожариться на солнце, а если будет клёв — поймать десяток пескарей. Среди любителей удочек и плавания есть и шахматисты. Увлечение тем и другим легко совмещается.

Завтра — снова аэродром. Синоптики дали хороший прогноз погоды. А скоро и праздник — большой, радостный, всенародный.

Я. ФОМЕНКО

Фото А. НОВИКОВА.

Держись, сирень!

Николай КРИВАНЧИКОВ

Распаханных полей мираж весенний
Колышется от старта в стороне.
На бронеспинке веточка сирени
Доверчиво склоняется к броне.

Маршрут я без полетной карты знаю,
И через миг уйдет со мной в полет
Сирень, вся, до корней своих, земная —
Пусть видит, на какой земле цветет!

Держись, сирень!
Дают «добро» на взлет нам.
Как дружеские руки, горячи
Протянутые в бортовые окна
Степного солнца звонкие лучи.

Смотри, как вылетающий чуть позже
Завидует поодаль экипаж,
Как за колхозным станом
В раздорожье
Серебряный волнуется мираж.

Его волненье кончится с посадкой...
За килем высокó взметнулась пыль,
Пригнувшись, обронил росу украдкой
Заждавшийся лихой косы ковыль.

Еще секунды, и, как зыбь морская,
Степь под крылом стремительным
блеснет.
Я тормоза тугие отпускаю.
Держись, сирень!
Идем с тобой на взлет.

Спокойно под крылом играют всходы.
Сиренью машет вешняя земля...
Как счастлив я, что дороги народу
Колхозные и летные поля!

В предвечерний час у реки.

Когда тихо на аэродроме,— весело на спортивных площадках.

ВОЗДУШНЫЕ ВОРОТА ГОРОДА

Ночной старт.

За Волгой, на возвышенном месте, открытый взору со всех сторон, вырос белокаменный дворец — новый Казанский аэропорт.

Когда смотришь на новое здание с высоты, то видишь, как свободно и непринужденно поставлено оно зодчими среди зелени, как сочетаются в нем монументальность с легкостью.

Когда же воздушный корабль касается бетона и мчится вдоль посадочной полосы, полнее и ярче раскрывается панорама дворца, и тогда замечаешь неуловимые с высоты детали и архитектурные тонкости — светлые портики, шатер башни с белой колоннадой, национальную татарскую резьбу по камню, малахитовой расцветки газоны.

Цветными флажками дежурный по аэропорту указывает место, где пилоты должны поставить самолет на стоянку. Летчики выглядывают из своей стеклянной кабины, приветливо машут руками: как ни велика транссибирская воздушная магистраль, в каждом аэропорту знают и любят старых пилотов. Носильщики подкатывают металлическую лестницу, и перронный контролер с врачом поднимаются в кабину.

— Здравствуйте, граждане пассажиры! — звучит дружеское приветствие.— Вы прибыли в порт Казань. Стоянка сорок минут. Прошу вас пройти в аэровокзал. К вашим услугам телеграф, междугородный телефон, почта, ресторан, парикмахерская, газетный киоск. Есть комната матери и ребенка. Услуги носильщиков бесплатны.

Новый аэропорт — одно из лучших зданий Казани. В просторном зале отдыха словно вырастают из потоков солнечных лучей золотистого цвета колонны и стволы пальм.

Во время стоянки воздушного экспресса в Казани. А. Ящинская принесла свою дочку Таню в комнату матери и ребенка. Дежурная няня П. Игнатова занимается с девочкой

Зал отдыха пассажиров Казанского аэропорта.

Харьковский аэропорт.

Пассажиры ходят из зала в зал, как по картинной галерее. Декоративная роспись стен и полотна художников открывают виды новой Волги, несущей корабли и плоты-гиганты.

Если москвичи сравнивают Казанский аэропорт с лучшими зданиями столицы, то пассажиры, прибывшие с берегов Тихого океана или Балтики, не без ревности сравнивают его

Ждут прибытия очередного воздушного корабля. Слева направо: дежурный Казанского аэропорта Я. Круглов, стартовой врач Н. Фомина, дежурный по аэровокзалу А. Аполлонова, носильщик М. Бакалдин.

с аэровокзалами на берегах Амура и Даугавы. Почти одновременно с Казанским воздушным портом открыли свои резные дубовые двери новые здания на самых противоположных точках величайшей авиационной магистрали — в Хабаровске и в Риге. Гладкий мрамор колонн Рижского порта, его темная, почти бордовая окраска никак не похожи на лепные колонны и светлый фасад Хабаровского порта, но каждый из них по-своему прекрасен и радует архитектурными формами, удобствами, простором, обилием света, комфортом.

Обновление авиационных трасс Гражданского воздушного флота происходит с большим размахом. Хорошие аэровокзалы действуют в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Иркутске. Уютные аэровокзалы имеются и в сравнительно небольших пунктах воздушных линий — в Горьком, Воронеже, Усть-Каменогорске. Пассажиров принимает хорошо оборудованная новая гостиница в Свердловске. Полным ходом идет строительство аэровокзала на скрещении многочисленных авиационных дорог — в Красноярске. На днях примет воздушных путников аэродворец в Харькове.

Широкая асфальтированная площадь, украшенная клумбами и газонами, подводит к главному входу Харьковского аэровокзала. Цветные витражи занимают всю стену за мощной колоннадой. Входишь в операционный зал — и невольно останавливаешься полюбоваться скульптурами, размещенными в куполе, стенной росписью, резьбой по камню. Пройдем налево, в зал отъезжающих. Высокий потолок расписан художниками и обрамлен лепным фризом. На фоне голубого неба самолеты вычертили «Слава СССР».

Выйдем на перрон. Сюда рулят самолеты, летящие в Москву, Киев, Одессу, Сочи, Запорожье. Как бы передавая характер всего сооружения, устремляется ввысь чешуйчатый зеленый шпиль с бронзовой эмблемой Аэрофлота.

Прекрасны и кажутся неповторимыми новые аэропорты страны. Но есть еще невидимая, «закулисная» жизнь авиации, о которой могут только догадываться люди, устремляющиеся на самолетах из города в город, из республики в республику. Эту «закулисную» жизнь нам привелось наблюдать и в башнях командных пунктов, и в диспетчерских, и на старте, и на радиомаяках и радиолокационных станциях — там, где люди в форме гражданской авиации направляют движение каждого самолета, обеспечивают летчиков сведениями о погоде, в сложных метеорологических условиях ведут их через ливни, снежные бури и туманы.

По протяженности внутренних воздушных линий Советский Союз занимает первое место в мире. Ежедневно по этим авиационным дорогам перевозят десятки тысяч пассажиров. Самая главная задача у работников Аэрофлота — обеспечить безопасность полета. Побудьте ночью на аэродроме. Светятся над головой звезды, и, как бы сливаясь с ними, горят электрические звезды на старте. Мелькают в небе зеленые, алые и белые самолетные огоньки. Сложные приборы помогают летчику безошибочно привести свой воздушный корабль к аэропорту, дождаться в воздухе своей очереди на посадку, получить по радио нужную информацию.

...Дворцами авиации называют пассажиры новые аэропорты, появившиеся на карте страны своеобразные «воздушные ворота» городов.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

Самолеты улетели. Можно и отдохнуть несколько минут... Швейцар Казанского аэропорта Дмитрий Яковлевич Ивин углубляется в газету.

Старт дается в небе

Международная товарищеская встреча парашютистов СССР, Болгарии и Чехословакии. Заслуженный мастер спорта Иван Федчишин (СССР) приземляется невдалеке от центра круга.

П. СТОРЧИЕНКО,
заслуженный мастер спорта

Фото Б. Вдовенко, А. Гуськова, Ю. Коровкина, В. Тюккеля.

26 июля 1930 года группа парашютистов совершила в Воронеже показательные прыжки, и этим было положено начало массовому развитию замечательного спорта.

Теперь все пятнадцать мировых рекордов, зарегистрированных Международной авиационной федерацией, принадлежат советским парашютистам. В таблице мировых достижений стоят имена только спортсменов СССР.

Много раз в минувшие годы советские парашютисты улучшали мировые рекорды, а начал почетный счет Н. А. Евдокимов. 22 мая 1932 года, прыгнув с высоты 1 200 метров, он пролетел, не раскрывая парашюта, 600 метров! В то время считалось, что падать с нераскрытым парашютом более 200 метров опасно для жизни. Каково же было удивление сторонников этой «теории», когда они убедились, что Николай Евдокимов невредимым приземлился на зеленое поле аэродрома!

Судьи замеряют результат прыжка. Николай Щербинин (стоит) приземлился в девяти метрах от центра круга.

Имена пионеров советского парашютизма, внесших в таблицу рекордов не одну поправку, широко известны в нашей стране. Василий Харахонов, Василий Романюк, Галина Пясецкая, Юрий Иванов, Николай Гладков, Дмитрий Жорник и многие другие открыли спортивной молодежи новые пути.

Теперь с парашютом прыгают десятки тысяч спортсменов, и сильнейшие из них прыгают с больших высот с задержкой свыше 10 тысяч метров, прыгают днем и ночью, на сушу и на воду.

На заре парашютного спорта смысл прыжка заключался в том, чтобы, набравшись мужества, покинуть борт самолета, пролететь 2—3 секунды, открыть парашют и повиснуть на его прочных стропах. Теперь для воздушного спортсмена раскрыть парашют значит примерно то же, что для мотогонщика остановить машину. Парашютисты стремятся к тому, чтобы, управляя своим телом, как можно большее расстояние пролететь с нераскрытым парашютом.

Затяжной прыжок требует отточенной техники и большого самообладания. С первых же секунд скорость падающего парашютиста все возрастает и возрастает. По мере ее нарастания растет и сопротивление воздуха. Уже примерно на пятнадцатой секунде это сопротивление становится равным весу парашютиста, а вес его вместе со снаряжением достигает ста килограммов.

Стокилограммовая сила упругого воздуха заставляет спортсмена кувыркаться и вращаться при скорости почти двести километров в час. В этих условиях стоит парашютисту очутиться во власти стихии, и он не сможет рассчитывать на пощаду. Ураганный поток подхватит его, начнет беспорядочно крутить, словно былинку, и, не выдержав такого испытания, человек вынужден будет раскрыть парашют.

Но как же можно противостоять слепой силе воздушной

Прыжком с вышки начинает свой путь воздушный спортсмен. Высота небольшая, но все же боязно.

Высотный затяжной прыжок. В свободном падении с помощью рук и ног парашютист управляет полетом.

Парашютист на старте.

стихии? Ведь человек не птица, за спиной у него нет крыльев...

Нет, у воздушного спортсмена выросли крылья!

Советскими парашютистами разработана техника затяжного прыжка, которая позволяет им управлять своим телом во время падения. С помощью рук и ног, как птица с помощью своих крыльев, они управляют полетом. Несмотря на огромную скорость и сопротивление воздушного потока, спортсмен может падать в любом положении, выполнять в воздухе различные фигуры, перемещаться по горизонту.

Так падение стало полетом.

Взяв старт на огромной высоте, парашютист устремляется к земле, распластавшись в воздухе, раскинув руки и ноги. Он то и дело поглядывает на секундомер, надетый на левую руку, определяя время свободного падения...

Но вот секундная стрелка сигнализирует, что пора открывать парашют. Над головой вспыхнул шелковый купол. Можно ли и теперь управлять спуском? Ведь долгое время считалось, что парашют неуправляем, что перемещаться в сторону или увеличивать «относ» невозможно.

Наши спортсмены опровергли это утверждение, долгое время мешавшее развитию парашютного спорта. Были найдены новые способы управления парашютом, позволившие спортсменам приземляться с значительно большей точностью.

Сейчас борьба идет уже за каждый метр отклонения от центра круга. Известная спортсменка минского аэроклуба мастер спорта Л. Шимохина (Панкевич) установила два рекорда в прыжках на точность приземления. С высоты 600 метров она приземлилась в 21,55 метра от центра круга, а с высоты 1 000 метров — в 18,87 метра. Спортсмен сталинградского аэроклуба Н. Климов, прыгнув с высоты 600 метров, приземлился в 7,11 метра от центра круга.

Шесть раз разыгрывалось лично-командное первенство СССР по парашютному спорту. Его программа очень обширна, требует высокого мастерства и усложняется с каждым годом. И, тем не менее, результаты с каждым годом улучшаются.

В прошлом году советские парашютисты впервые выехали за рубеж, встретившись в Чехословакии с болгарскими и чехословацкими спортсменами. Обмен опытом был полезен как нам, так и нашим друзьям.

Секундная стрелка сигнализирует, что пора открывать парашют.

Проводит состязания парашютистов и Международная авиационная федерация. В 1951 году в Югославии было разыграно первенство мира. В нем приняло участие небольшое количество стран. Лучшие результаты показали спортсмены Франции и Италии. Советские спортсмены в этом соревновании не выступали.

Весьма интересна программа предстоящего в августе второго лично-командного первенства мира. В его программу входят три упражнения. Вот первое из них: парашютист, отделившись от самолета, должен падать горизонтально, устойчиво, после десятой секунды сделать левый разворот на 360°, а затем — такой же разворот вправо и раскрыть парашют на двадцатой секунде.

Интересно другое упражнение. Парашютист после двадцати секунд свободного падения должен приземлиться как можно ближе к центру круга. И, наконец, последнее, заключительное упражнение: прыжок с высоты шестисот метров в круг.

Поистине небо теперь стало воздушным стадионом!

И когда в день воздушного парада над Тушинским аэродромом вспыхивают в высоте разноцветные купола парашютов, заполняя все неоглядное пространство, — тысячи зрителей восхищаются бесстрашием, мужеством, ловкостью воздушных спортсменов.

Абсолютный чемпион СССР по парашютному спорту, член команды ДОСААФ Нинель Швейнова.

Руководитель команды СССР Герой Советского Союза Евгений Степанов поздравляет победителя товарищеских соревнований СССР — Болгария — Чехословакия Ивана Федчишина.

СОЛИ КАМСКИЕ

Фото И. Богданова.

В. ТИТОВ

— Места наши обширные, лесные, богатые. Вон погляди на восход — там всё леса бегут. На полночь — там тоже леса. И за Камой леса, и за Печорой леса. А за этими реками, где леса кончаются, — там тундра взбежала, а за нею — океан. Вот и смекни, какое приволье. К тому же и богатства дивные. На океане зверя бьют, рыбный лов прибыльной. Про Воркуту слыхал? Новый город стоит, уголь каменный берут. А уж от Воркуты совсем рядом Ухта, и там нефть. Вот такой и есть наш север от Молотова и до самого Белого моря. Ну, а сами мы на соли живем, соль добываем. Теперь о соли скажу!..

Возница разговорился, но дорога кончается. В сыром ночном воздухе, вся в сигнальных огнях, с красным полотнищем дыма открылась высокая труба; показалась под огромным облаком седого пара могучая башня; открылись копры и корпуса фабричных зданий, и замелькали улицы рудничного поселка. Рядом где-то — Соликамск, знаменитая старинная русская «солонка».

С тех пор, как новгородские «хожие» люди разведали в этих местах «солоные ключи», вся земля на многие километры стала зваться Соли Камские.

Первыми сюда варить соль пришли «гостиные» новгородские люди братья Калинниковы. На речке Боровице поставили они свои соляные варницы. То было в 1430 году. Позже спустились они на речку Усолку «к гораздым рассолам», и тут встал тогда посад Камские Соли, будущий Соликамск, город, которому позднее было суждено сыграть огромную роль в освоении этого края.

Здесь когда-то море оставило под землею неисчерпаемую кладовую — огромные залежи солей.

...И вот стоишь зачарованный в чертоге, выработанном взрывами, и не знаешь, куда отвести глаза, чтобы не кололо разбегающихся глаз голубыми, синими или зелеными дрожащими снопиками. Блещет все, и как блещет!

Поглядишь наверх — над головою темный, грязно-серый «корж», глинисто-соляная прослойка, покрывающая гофрированную кровлю — мощный многометровый пласт каменной соли. Соль эту сжало с боков, покоробило, и она, как цельнолитая ребристая металлическая крыша, висит над головою. Поглядишь вниз — под ногами такой же многометровый в толщу пласт прозрачной каменной соли. А между ними зажата толща сильвинита, сдавленная сверху и снизу пластами с силою сорока атмосфер, играющая несчетными лучами отраженного света. Молочно-белые кубики галита тесно спрессовались с прозрачными кристаллами голубой соли, и видишь, как каждая эта солиночка пустила от себя голубой длинный лучик, и он горит, не дрогнув и не колеблясь. А вот там, в углу, горит и светит всей своей массой розовая глыба соли, и кажется, светит она из глубины самого пласта своим же собственным светом, и тогда вглядываешься туда и ищешь этот таинственный источник розового огня. Выше над нами, на двести пятьдесят метров вверх, лежат вновь соли сильвинита, карналлита, и опять их перекрывает каменная соль, а поверх всего залегли глина, галечник, песок, и там уже стоят города, холмы, леса, мчится Кама. А ниже, в глубину на двести пятьдесят метров, идет опять все тот же могучий слоеный каменный соляной пирог. Мы в середине этого пирога, в богатом пласту сильвинита — хлористого калия, «камня плодородия», как называют эту соль за ее чудодейственные свойства.

Путешествие к сильвиниту было недолгим. Едва вошли в клеть, засветили свои шахтерские лампочки, как клеть дрогнула, пошла вниз, а через полторы минуты в стволе блеснул свет, и рудничный участковый геолог Валентина Алексеевна Андреева шутливо сказала:

— Вот и «Арбат», прошу выходить.

Название сразу запомнилось. «Арбат» открылся гигантской высокой галереей, очень похожей на московскую станцию метро. В стенах ее показали мне рудничный двор с электровозами, огромную ремонтную мастерскую с электрическими молотами. Под высокими сводами пылали здесь огни кузнечных горнов. А потом мы свернули и шли по неосвещенному штреку к «свежей» камере. По бокам штрека, между мощных «целиков», зияли камеры — отработанные взрывами пустóты, полные мрáка и затаенной тишины. В каждой из них мог бы вместиться большой дворец. И когда слабый луч шахтерской лампочки достигал угла отработанной камеры, тогда из этой черной тишины вдруг стремглав вылетал снопик зеленых или голубых лучей. И казалось, что там, в этом мраке, сейчас что-то произойдет, откроется, может быть, самая главная дверь кладовой природы, и тогда все ее богатства можно будет увидеть и взять разом. Долго так шли мы по штреку и забавлялись этими световыми эффектами.

А вот и забой — камера, где рвут сильвинит. Теперь можно увидеть, как открывают к подземным богатствам дверь и как берут их отсюда.

У стены сильвинита, обрушенной взрывом, в камере работает бурильщик Иван Григорьевич Тютюников, весь расцвеченный лучиками света. Он обуривает новую «уходку». Я вижу, как легко, словно гвоздь в землю, вгоняет он трехметровое сверло в соль. Иван Григорьевич рассказывает, что в этом месте пласт «пережало», что бурить на «клин»,— ну, так, что ли, как, скажем, вырезают клином ломоть арбуза,— нельзя, испортишь «уходку», и что он бурит сейчас шпуры «на веер».

Что значит бурить «на веер», от мастера сразу узнать не удается. Приходит подрывница Клара Серевтник, здоровается и просит всех покинуть камеру. Она закладывает в шпуры патроны с бикфордовым шнуром. Одни шнуры подлиннее, другие покороче. Мы уходим. А через двадцать минут слышны «пачки» взрывов — идет «отпалка». Взрывы слышатся в определенном порядке. Теперь здесь, в штреке, за надежной от взрывов защитой, я догадываюсь, почему шнуры были разной длины. Она разыграла «музыку взрывов» по строгому замыслу — так, чтобы заряды рвались по очереди, чтобы весь сильвинит легко и надежно во все стороны из пласта выбросило в камеру. Это и значило — обурить уходку «на веер».

Почти всю калийную соль, добываемую из «камня плодородия», расходует сельское хозяйство.

Если удобрить почву калийной солью, то самой «отзывчивой» на калий окажется сахарная свекла— урожай возрастет на десятки центнеров, увеличится сахаристость.

Лен-долгунец прибавит и волокна и масла.

Хлопчатник раскроет тысячи новых коробочек с удлиненным волокном.

Под Кировом и Костромой, где почвы кислы, яровая пшеница выкинет тяжелый колос.

Огурцы, дыни, помидоры не только ответят прибавкой веса, но и «улучшат» свой вкус.

Вот каков сильвинит — «камень плодородия»!

...Мы возвращаемся по «Арбату» к стволу и поднимаемся наверх, на четырехэтажную высоту копра, чтобы проследить дальнейший путь сильвинита.

Об этом пути рассказывает Василий Алексеевич Лазарев, начальник смены обогатительной фабрики. Рудник и фабрика здесь — одно слитно действующее предприятие. Мы спускаемся в цех, и Лазарев подводит нас к многоэтажным бункерам-приемникам. С высоты копра из-под шаровых мельниц сыплется сюда

Лирика

Лев ОШАНИН

Медовый месяц

Почему зовут — «медовый
месяц»!
В чем его такой уж сладкий мед!
В том, чтоб окна плотно
занавесить,
Скрыться от забот и непогод!
Молодость пусть на слово
поверит,
Кто постарше, верно, знает сам,
Что одной закрытой крепко двери
Для любви, конечно, мало нам.
Время — лучший тут судья и
лекарь.

В самом деле, ты не позабудь:
Об руку выходят в дальний путь
Два совсем не схожих человека,
Завтра утром выяснится вдруг,
Как различны вкусы и желанья.
С первой лаской милых губ и рук
Первое придет непониманье.
И не только будет в том оно,
Что она не так рубашку сложит,
Любит цвет не тот, не то кино,
Или он котлет терпеть не может.
Будь ты всех Ромео горячей,
В сан мужей ответственно вступая,
Ты пройдешь сквозь сотни
мелочей,
Каждый миг ей в чем-то уступая.
Это радость — уступать, любя,
Но границу как и чем отметить!
В самом главном растерять
себя —
Значит бледной тенью жить на
свете.

Сколько будет пылких
объяснений,
Первых женских слез, пустых
обид,
Может быть, жена пальто
наденет,
На денечек к маме убежит.
Ведь подружка, девочка твоя,
Пусть всего Толстого прочитает,
Все равно она еще не знает,
Что такое счастье и семья.
И какие б чувства ни владели,
Что она — жена, она поймет
Не назавтра, не через неделю,
Может статься, где-то через год.

А ведь счастье строят не в
пустыне —
Целый мир вокруг шумит живой!
Пусть горячность первой ласки
схлынет,
Ты тогда оценишь выбор свой.
Вот ты говоришь: «Медовый
месяц»,
Улыбаясь счастью своему.
Милый, глупый месяц ссор и
песен.
Почему «медовый»! Не пойму.

Семья

Не случайное прикосновенье
Нас с тобою на земле свело —
Глаз неукротимое волненье,
Сердца беспокойное тепло.
Разошлись по разным институтам
Наши комсомольские пути.
Время мы считали на минуты,
Пять ночей не спали из шести.
И, еще совсем не зная жизни,
Спорили, бывало, ты да я,
Будет ли семья при коммунизме!
Может быть, любовь, а не семья!

За пятнадцать этих лет на свете
Битвам и победам нет числа.
За пятнадцать этих лет
столетье
Родина в истории прошла.
Мы с тобою все ей отдавали,
Радовались радостью ее,
Общим с нею горем горевали,
Вместе с ней вставали под ружье.
А пока летели годы эти —
Не считали ранних мы седин —
Подрастали маленькие дети,
Наши дети —
девочка и сын.
Ты —
сама недавно босоножка,
Мало что успевшая узнать,—
Может быть, впервые под
бомбежкой
Поняла, что значит слово «мать».
Их от смерти закрывая телом,
В дальний край с собою увезла,
Всем теплом и всем, чем ты
сумела,
Жизни их и души сберегла.

Сколько надо им тепла и света!

Часто далеко, всегда в пути,
Если я позднее понял это,
Ты меня, любимая, прости.

Как теперь понятно нам с тобою,
Сверстница и спутница моя,
Вслед за словом «Родина»
святое
Это слово чистое — «семья»!

в бункера по скрытому желобу размолотый сильвинит. Трудно узнать его теперь: он померк, превращен в соль, уже не взлучится и не бросит ни одного синего лучика. От бункеров его подхватывает поток горячих щелоков. В них растворяется хлор, а мельчайшие кристаллики калия щелоков не боятся. Поток растворителя движется и несет кристаллики калия то быстро, то медленно, и там, где он движется медленно, на дно выпадают мельчайшие частицы глины. Но вот поток устремляется в вакуум-аппараты.

Мы долго смотрим в «глазок» металлического купола башни. Василий Алексеевич сообщает:

— При кипении в пониженных температурах калий начинает активно кристаллизоваться и превращается в зернистый порошок. А хлор в горячем растворе не кристаллизуется и уносится потоком отсюда обратно в цех, в растворители.

Но не готова еще соль урожая. Она еще мелка. И для того, чтобы кристаллы ее стали крупнее, калий выбрасывают «на мороз». Мы подходим с Василием Алексеевичем к «осадочной» башне. Окутанная клубами пара, она высится над поселком, и белая шапка густого пара скрывает ее от нас. С силой выбрасывают пульповоды жидкую калийную массу на воздух. В воздухе родятся укрупненные кристаллы и падают вниз. Теперь из них на центрифугах отожмут оставшуюся влагу, просушат соль в огромных вращающихся печах, и тогда...

Мы сходим с башни и спускаемся на железнодорожное полотно. Соль плодородия лежит уже в вагонах. На них выведено мелом: «Фергана», «Полтава», «Псков», «Кострома». Лязгают буфера, паровозы легко берут с места тяжелые составы. Соль урожая начинает свое путешествие. Она бежит туда, где на полях заложен будущий урожай этого года. Там соль снова ляжет в землю. Под Ферганой она обернется белым волокнистым хлопком, под Полтавой — крупными корнеплодами сахарной свеклы, под Костромой и Ярославлем она еще раз порадует глаза людей голубым цветением льняного поля и золотыми куделями льна-долгунца.

...А вот было же, и недалеко еще от нас, то время, когда о чудодейственной силе этой соли никто ничего не знал. Не знали, что есть здесь соль, которую можно превратить в аммиачную селитру, прекрасное удобрение для хлопковых полей, что из другой соли можно гнать чистейший магний, который делает металл легким и прочным, что вот если знать, как обработать еще одну соль, то получится сода кальцинированная и сода каустическая. А что можно сделать сейчас без соды? Стеклодел задумается, текстильщик разведет руками, мыловар просто скажет: «Работать мне без нее невозможно». Вот, видимо, потому на Камских Солях каждый и говорит с гордостью о том, что здесь построено.

С одним из старожилов старинного села Чуртан бродили мы по новому городу Березники, что стоит в тридцати километрах от Соликамска. Чудесен этот город. Как-то не верилось, что еще совсем недавно здесь почти наглухо смыкалась тайга. Город заложен в 1929 году. Сколько прямых улиц, проспектов, отличных многоэтажных домов, скверов, магазинов, парков, театров открыл нам в этот день новый город на соли! А старожил все водил и показывал:

— Видите вот ту махину, что у Камы,— то и есть содовый завод, а тот, в стороне,— то азотно-туковый, а то завод анилиновых красок, а то...

Так и в Соликамске. Огромные новые корпуса стоят под самым городом. Но мне захотелось повидать старинное солеварение. И мне сказали:

— Поезжайте в город Боровск, там и сейчас стоит и работает солеваренный завод, построенный еще в прошлом веке.

Через час пути открылся Боровск среди сосен и темных елей красивым зданием огромного бумажного комбината и розовыми домами прямых, новых улиц. Потом, уже в конце города, показались поставленные в ряд очень странные с виду здания под четырехскатными крышами. Возле каждого дымилась кирпичная труба.

— Соляной завод, бывшее село Усть-Боровица, — сказал Лукич.

Так вот где открывалась одна из крышек знаменитой когда-то великой русской «солонки»!

На этом заводе все сделано из дерева (разве что кроме «цренов» — огромных клепаных прямоугольных сковород, на которых вываривают соль): и гигантский двухэтажный амбар, в который засыпают готовую соль сверху, и варницы, и буровые вышки, и даже лари — огромные срубы для собирания рассола. Ничто так не долговечно перед солью — ни камень, ни железо,— как дерево.

Завод и сейчас варит соль.

Мы зашли в солеварню — под огромный крытый сруб, поставленный над кирпичной длинной печью. Здесь лежала «црена» — большая клепаная сковородка. Под ней горел жаркий огонь, а с поверхности поднимался пар. На дне лежала рыхлым влажным слоем вываренная соль. Потом нас повели на одну из буровых скважин. Она выстроена в начале этого века. В глубину скважина уходит почти на двести метров и наполовину «обсажена» деревянными трубами. И вот стоят те кедровые сверленые стволы и служат!

Скважина эта знаменита тем, что при ее бурении, впервые в истории Солей Камских, был обнаружен и извлечен на поверхность «камень плодородия» — «красная соль» — сильвинит. Тут нас познакомили с одним из могикан старинного солеварения — Михаилом Петровичем Лапиным. Высокий, худощавый, седобородый старик стоял у «коромысла», которое то опускалось, то поднималось, качая из глубокой скважины рассол.

Михаилу Петровичу восемьдесят один год; на заводе он работает шестьдесят восемь лет, и, поди же вот, все работает! Мы спросили о здоровье, и старик сказал:

— Ничего, не жалуюсь, хватает. С тринадцати годков на соли, просолился, как дерево, ржа не берет.

Мы сели и долго говорили с ним о старинном тяжелом житье-бытье на соли. Под конец я спросил:

— Ну, а как нашли сильвинит, помните?

— Как же не помнить! — воскликнул старик и рассказал всю историю.

В 1906 году техник Рязанцев впервые тут обратил внимание на «красную соль», которую добыли случайно при бурении скважины. Он послал ее в Соликамск к провизору Власову с просьбой взять анализ: в глухом городке обратиться с этим было не к кому. Провизор исследовал соль и сообщил, что соль калийная. Образцы соли Рязанцев послал тогда в Петербург. Исследовали ее там в Геологическом комитете и дали отрицательный ответ: в «красной соли» содержание калия якобы ничтожно. И, странное дело, в то же самое время заговорили об открытии на Каме заграничные журналы, утверждая, что добыча «красной соли» в России почти невозможна: глубоко-де лежит, и калия в ней ничтожно мало. И Петербург скоро забыл о рязанцевской «красной соли».

Старик хорошо помнил эту историю и рассказывал ее со множеством интереснейших подробностей. Помнит он хорошо и известнейшего химика старой России академика Н. С. Курнакова, который приезжал сюда и в 1917 и в 1918 годах и исследовал рассолы из буровых скважин. Академик Курнаков опроверг выдумку о бедности соликамского месторождения и направил поиски соликамских богатств в строгое научное русло. Вот когда еще заботу о солях камских проявило молодое Советское государство!

Обратно мы возвращались по берегу Камы. Могучая река несла свои темные сильные воды вниз.

— Хорошо на Каме! — говорил Лукич и показывал кнутом на кипящие водовороты и несущиеся мимо них караваны плотов.

г. Соликамск.

Ценная коллекция

Виноград «Тарнау».

Всесоюзный институт растениеводства получил письмо. Колхозники одной из артелей Западной Украины просили прислать «все образцы пшеницы, какие у вас есть». При всем желании институт не смог выполнить просьбу: его коллекция пшеницы насчитывает более 40 тысяч образцов.

Институт находится в Ленинграде, в огромном здании, выходящем на набережную Мойки, Исаакиевскую площадь и улицу Герцена. Это учреждение собирает образцы всех сельскохозяйственных растений, возделываемых не только в СССР, но и за рубежом. Здесь хранится свыше 180 тысяч образцов различных культурных растений: зерновых, крупяных, овощных, зернобобовых, кормовых...

Почта ежедневно доставляет сюда десятки писем. Есть корреспонденты, которые поддерживают связь с институтом в течение многих лет, пользуются его коллекцией. Как-то сибирскому хлеборобу Терентию Семеновичу Мальцеву выслали двадцать зерен одной разновидности пшеницы. А сейчас в ленинградской коллекции есть новые сорта, выведенные Мальцевым — руководителем центральной опытной лаборатории колхоза «Завет Ильича», Курганской области.

Первый образец пшеницы зарегистрирован в каталоге института, тогда еще небольшом «Бюро по прикладной ботанике ученого комитета Министерства земледелия», свыше полувека назад. Но научный отбор и изучение растений начались только в годы Советской власти. Сейчас в коллекции все виды и сорта пшениц, возделываемых в нашей стране: ценнейшие твердые и мягкие пшеницы, высокоурожайные сорта озимой и яровой, ветвистая пшеница пятидесяти разновидностей.

Перед нами небольшая стеклянная колбочка. Внутри на кусочке глины лежат обуглившиеся зерна. Этой пшенице шесть тысяч лет, она была найдена советскими археологами во время раскопок в одном из сел близ нынешнего Каменец-Подольска. На Кавказе пшеница росла еще в IV веке до нашей эры, а на Севере, в районе Ладоги, эту культуру возделывали более тысячи лет назад.

Почти во всех земледельческих районах земного шара побывали ученые института. Мы видим в коллекции десятки видов китайской пшеницы, собранной в различных климатических зонах. Изучение китайских образцов позволило академику П. М. Жуковскому выделить новый вид — широколистную пшеницу. Тут же хранятся зерна горной пшеницы Абиссинии, влаголюбивые сорта из средиземноморских стран, растения из Польши, Болгарии, Чехословакии, Индии, Бразилии, с Цейлона...

Большую роль в создании многих сортов, получивших мировое признание, сыграла русская пшеница. На сортах Крыма и Украины базируется стекловидная пшеница Северной Америки. Пшеница горной Армении ценится в Австралии. Многие семена, завезенные в свое время в США, до сих пор сохранили русские названия: белоглинка, бархатка, крымская, одесская, кубанка...

Прежде чем зерна окажутся в металлических коробочках и получат паспорт на право пребывания в коллекции, они проходят карантин. В распоряжении института в районе Ладожского озера находится один из островов. Там высеваются все поступающие из-за границы семена, если возникает подозрение в их зараженности опасными болезнями.

Тридцать две тысячи образцов проса, гречихи, кукурузы, четыре тысячи образцов капусты, свыше двух тысяч сортов огурцов, свыше пяти тысяч дынь... Институт располагает и самой полной в мире коллекцией картофеля. Значительная часть этой огромной коллекции поддерживается в «живом» виде. В течение трех — шести лет, в зависимости от культуры, семена высеваются на плантациях 14 опытных станций института, расположенных в разных географических пунктах страны. Осенью «омоложенные» зерна вновь возвращаются в шкафы.

Каждый образец находится под наблюдением ученых. В стенках коробок, предохраняющих семена от грызунов, сделаны круглые отверстия, прикрытые проволочной сеткой. Это необходимо для того, чтобы зерна могли «дышать». Время от времени семена приносят в рентгеновский кабинет. Здесь ученые просвечивают зерна, наблюдая, не проникли ли в них бактерии. А когда наступает вечер, по залам прогуливаются пятнистые коты, охраняющие растения от грызунов. Иногда сотрудники на несколько дней покидают помещение. Его наполняют газом, убивающим всех насекомых.

Но есть в институте и такие образцы растений, которые при всем желании нельзя поместить в доме на Исаакиевской площади. Это многолетняя коллекция плодовых культур, занимающая многие сотни гектаров. Близ Ташкента, на Среднеазиатской станции, изучается более полутора тысяч сортов винограда, абрикосов, персиков...

Собранные институтом коллекции постоянно используются научными учреждениями, государственными селекционными и опытными станциями, колхозами и совхозами для выведения новых высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур. Свои достижения институт будет широко демонстрировать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Нам показали необычный сорт огурцов под названием «Китайский длинный». Созданный путем многолетнего отбора, он отличается исключительной урожайностью, хорошим вкусом. Длина плода достигает метра, а вес — полутора килограммов. «Китайский длинный» развивается без опыления, не имеет семян, хорош для приготовления салатов.

Вот куст, сплошь усеянный плодами. Это новый вид исключительно урожайного сорта помидора «Уральский многоплодный», выращенный научными сотрудниками института. На одной кисти образуется около 40 плодов, каждый из них весит по 60—80 граммов.

На огромной плантации Среднеазиатской станции, где коллекция винограда насчитывает около 500 сортов, после долголетних испытаний создан виноград «Тарнау», дающий урожай примерно в 5 раз больше обычного — до 65 тонн с гектара.

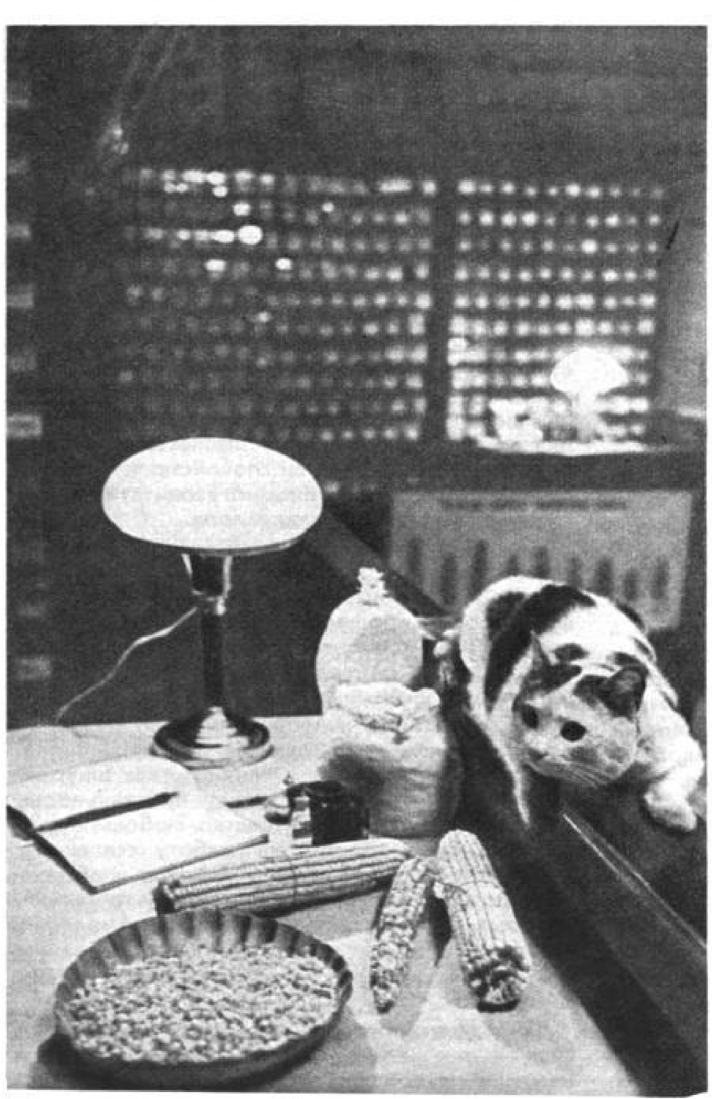
Каждую весну научные сотрудники института переносят исследовательские работы на земли Крайнего Севера и левобережья Украины, на осушенные участки Полесья и в Крым, на Урал и в Туркмению, на Дальний Восток и Северный Кавказ. Осенью Государственная комиссия по сортоиспытанию засвидетельствует рождение новых сортов растений...

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото И. Бардова, Н. Ананьева.

В гнезда многоярусных шкафов вложены металлические коробки с образцами семян.

Вечером в хранилищах появляются коты.

Помидор «Уральский многоплодный».

ЧЕТЫРЕ ГОДА

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки П. Малояна.

Город Т. стоял на равнине, и еще издали, когда вы подъезжали на автобусе, вы видели вдали высокие трубы мартеновского цеха и над ними тонкий, летящий, словно нарисованный размытой тушью дым.

Справа был расположен поселок металлургов; белые домики выстроились вдоль прямой улицы. Ветер доносил сюда ровный гул прибоя. У Азовского моря нет слепящей и пышной черноморской синевы. Это — трудолюбивое, небогатое красками море; желтоватые его воды пахнут рыбой и водорослями.

На центральной улице поселка стоял дом сталевара Порфирия Козлюка. Порфирия Ивановича знали в городе все. В городском парке, на главной аллее, среди портретов знатных людей завода висел его портрет. В местной газете не раз появлялись о нем заметки. На торжественных собраниях Козлюка часто выбирали в президиум, и когда он шел по проходу к эстраде, невысокий, степенный, с чисто выбритым лицом, на котором розовели обожженные печным жаром скулы, то было слышно, как деликатно позвякивают на его груди ордена и медали.

Порфирий Иванович был холост. Ему уже давно перевалило за сорок, а он до сих пор не женился и жил один. Дом он держал в порядке, на грядках цвела картошка, и после работы Порфирий Иванович собственноручно поливал помидоры. Накануне выходного он уезжал вместе с председателем цехкома на рыбалку. У него был мотоцикл, но без коляски, и когда Козлюк катил на своем мотоцикле по поселку, а сзади торчала, как антенна, удочка, привязанная к багажнику, из многих окон на него поглядывали не без интереса. По совести говоря, это был завидный жених.

Учетчица Любочка Седых, хорошенькая, бойкая блондинка, узнав, что Порфирий Иванович уезжает в заводской дом отдыха, взяла путевку и укатила вслед за ним, оповестив подруг, что «тут ему придет конец». Обратно Любочка вернулась на три дня раньше срока, мрачная, с поджатыми губами, и на расспросы, почему она так рано приехала, ответила коротко:

— Кинокартин абсолютно не показывали.

И вдруг Козлюк женился.

К общему удивлению, он женился на незаметной рыженькой девушке, работавшей официанткой в диэтической столовой. Звали ее Лиза. Она была узкоплеча, с маленьким, нежным лицом в веснушках и красными большими руками. Хороши у нее были только глаза — зеленые, всегда чуть удивленные, излучающие застенчивое сияние. Ей было двадцать четыре года, но выглядела она много моложе.

На свадьбе у Козлюка гулял чуть не весь мартеновский цех. Лиза сидела рядом с мужем в новом, чересчур просторном, нескладном платье; лицо ее окаменело от смущения. Порфирий Иванович держался, как всегда, степенно, с достоинством и произнес за столом речь. Утром все проходившие мимо дома Козлюка видели, как молодая стояла на крылечке и, порозовев от старания, чистила щеткой мужнин пиджак.

Лиза переехала к Козлюку вместе с матерью, чернобровой дородной женщиной с темными, без седины, волосами. Лиза была непохожа на мать и, по общему признанию, уступала ей миловидностью. Мужа молодая стеснялась, говорила ему «вы» и называла по имени-отчеству.

Козлюк купил к своему мотоциклу коляску и по выходным дням уезжал с семейством в дубовую рощу или к морю. Чернобровая теща долго усаживалась, и коляска кренилась под тяжестью ее могучего тела. А Лиза, легкая, как травинка, садилась верхом на багажник, крепко уцепившись за мужа, и по лицу ее и сияющим робким глазам было видно, что ей весело, приятно, хоть она и побаивается быстрой езды.

По настоянию мужа Лиза оставила работу в столовой и поступила в техникум. В поселке отнеслись к этому с одобрением, и только Косариха, теща завальщика, сказала с кривой улыбкой:

— Козлюк,— конечно, мужчина красивый — нос бульбой, подбородок топором. А в техникуме — молодежь, стюденты... От такой науки не привела б она маме внука. А?

Косариху все знали как бабу вредную, и с ней предпочитали не связываться. Только крановщица Степанова, женщина неукротимого нрава, сверкнув глазами, двинулась на Косариху, приговаривая:

— Ты что сказала? Нет, ты мне повтори, змея, старая злыдня, что ты про Лизу сказала?!

Вечером, играя с соседкой в «петуха», Косариха сдавала карты и жаловалась:

— И стала она меня, милая, обзывать — ну, невыносимо!..

Козлюки жили хорошо. По вечерам, когда Порфирий Иванович возвращался из цеха, Лиза поджидала его на углу, чтобы идти домой вместе. Она стояла у фонаря, в платочке и короткой шубке, тоненькая, как лучик, и вглядывалась, ища мужа. Увидев Козлюка, она бежала к нему, помахивая портфелем с книгами. Потом они шли вместе, и Лиза все время забегала вперед и заглядывала мужу в лицо, что-то оживленно рассказывая. Козлюк окончил только четыре класса, но при жене старался об этом не упоминать. И когда она жаловалась, что ей трудно дается математика, он говорил солидно:

— Лично я тригонометрию уважаю. Я без тригонометрии, Лизавета, как без рук.

Через год Лиза родила дочку. Техникум Лиза не бросила, но теперь уже мужа возле цеха не встречала, а после занятий бежала домой.

Порфирий Иванович работал в мартеновском цехе более двадцати лет. Его уважали на заводе, и к этому уважению он привык и принимал его, как должное. На общих собраниях Порфирий Иванович всегда брал слово и говорил дельно, толково, а в особо выигрышных местах приостанавливался, ожидая аплодисментов. И зал действительно аплодировал. Козлюк пришел на завод чернорабочим, а сейчас был одним из лучших сталеваров.

День за днем шло время, и вдруг в жизни завода и поселка произошло неожиданное событие.

На завод приехали из Грузии сорок юношей. В Грузии строился большой металлургический комбинат, и будущих сталеваров послали в город Т. учиться. Приняли их на заводе хорошо и выделили для их обучения лучших мастеров.

К Порфирию Ивановичу прикрепили трех учеников.

По утрам в поселке видели, как приезжие, ежась от ветра, шли на завод. На них были одинаковые белые новые полушубки, грубые башмаки, и было заметно, что им неудобно и тяжко в этих торчащих полушубках и жесткой обуви. Юноши оказались красивыми, как на подбор, высокие, широкоплечие; на смуглых лицах темнели горячие, блестящие глаза. У одного из них были такие тонкие, дерзкие, красиво изогнутые брови, что Любочка Седых, до сих пор не вышедшая замуж, сказала подруге задумчиво:

— Иметь мужа с такими бровями — это же развитие в жизни!..

Декабрь был неуютный, с ледяными нордостами и долгой бесснежной стужей. Грузинские юноши, привыкшие к ласковой природе юга, мерзли и томились. В заводской столовой их кормили украинским борщом и котлетами; обеды им не нравились, и они вставали из-за стола голодными. Один из них, уныло читая меню, сказал с грустью:

— Лоби нет, цицматы нет. Сациви, понимаешь, тоже нету. Неинтересно люди кушают!

К работе у мартеновских печей они приучались медленно. Никто из них сроду не был на металлургическом заводе, и торжественные просторы цеха с орудийным грохотом завалочных машин и гулом пламени вызывали в юношах смущение. Выпуск стали, который они увидели впервые в жизни, потряс их молодые души. Как завороженные, стояли ученики возле желоба, по которому струился огненный металл. Но когда дело дошло до того, чтобы управлять этой стихией, когда прямо перед ними взвилась дверца печи и длинный хобот завалочной машины, словно ствол орудия, двинулся вперед, толкая мульду в печь, — юноши оробели.

Трое из них, в том числе красавец с дерзкими бровями, поразивший сердце Любочки Седых, однажды утром молча сложили свои пожитки, простились с товарищами и отбыли назад в Грузию. Но другие остались на заводе.

Каждый день то утром, то в ночную смену они шли в цех. Старые мастера обучали юношей старательно и вместе с тем ревниво; можно было приметить, как они поглядывали с беспокойством, словно боялись, что ученики отнесутся с недостаточной почтительностью к благородному, трудному делу. Ученики постепенно привыкли в цехе. Они перестали робеть, и когда сторонились прыгающих искр или машины, то делали это незаметно, и на их лицах уже нельзя было прочесть того напряженного, показного спокойствия, которое отличает новичков. Понемногу они стали разбираться и в работе сталеваров.

Но поймут ли они, сколько красоты и мужества в этой работе, какой она требует истинной любви? Понимали ли они уже сейчас, к какой высокой профессии приобщились? Беспокойство и самолюбивая тревога одолевали мастеров, когда они поучали почтительно стоящих перед ними юношей.

Из трех своих учеников Порфирий Иванович Козлюк более всего отличал Вано Шалидзе. В этом веселом парне с тонкими, как шнурок, черными усиками он учуял ту пристальность, ту поглощающую все существо любовь к труду, без каких не мыслил работу сталевара. И Козлюк с особой придирчивостью и обстоятельностью старался втолковать ему те знания, которые почитал важнейшими в их ремесле.

Однажды после работы Козлюк, возвращаясь домой, привел с собою молодого Шалидзе.

Вано долго топтался в передней, отряхивая снег и расстегивая окоченевшими пальцами негнущийся полушубок, и наконец выпорхнул из него, как бабочка из кокона. Навстречу гостю выплыла теща Матрена Егоровна, прямая

и важная, в новом пестром бумазейном платье. Все пошли в комнату.

После женитьбы Козлюк купил хорошую обстановку. Стулья были в белых чехлах, кругом лежали накрахмаленные салфеточки. На стенах висели под стеклом грамоты, выданные Козлюку, а из дубовой рамы глядел на гостя усатый сердитый старик в черной паре, и рядом с ним мерцала крохотная старушка с кротким личиком. То был отец Порфирия Ивановича, обер-мастер Иван Козлюк, с супругой.

Пришла Лиза и, сняв шубку, тут же побежала в соседнюю комнату, к дочке. Козлюк с гостем заглянули туда. Девочка стояла в кроватке, ухватившись за решетку; после сна она была не в духе и, сердито нахмурившись, глядела на мать. А Лиза, раскрасневшаяся, с растрепавшимися от ветра рыжими волосами, проворно натягивала на нее теплые штанишки и приговаривала:

— А мы с Ирочкой плакать не будем. Мы с Ирочкой супчик будем есть. Правда, Ирочка?

Матрена Егоровна поставила на стол закуску и квашеную домашнюю капусту. Лицо у нее было сосредоточенное и гордое. Покосившись на закуску, Козлюк достал из буфета графинчик. Продрогший Вано, не отводя зачарованных глаз от графинчика, продолжал с неестественным оживлением рассказывать о лекции, которая состоится вечером в Доме культуры.

— А мы с Ирочкой на лекцию не пойдем,— доносилось из соседней комнаты.— Мы с Ирочкой гулять пойдем...

Наконец сели за стол. Лиза не пила, но Матрена Егоровна, деликатно поджав губы, поставила и перед собой рюмку. Вано, взяв рюмку за ножку, как розу, встал. Хозяева, не искушенные в грузинских тостах, пышных, пространных и лестных, восторженно внимали гостю. После тоста все выпили; мужчины закусили капусткой, Матрена Егоровна выпила и кашлянула. Налили по второй, хозяин хватился было сразу за рюмку, но Вано опять встал, и Козлюк, вздохнув, поставил рюмку на место. После этого он уже каждый раз терпеливо дожидался, пока Вано произнесет тост, и только потом удовлетворенно опрокидывал рюмку.

После обеда Лиза одела дочку и пошла с ней гулять. Матрена Егоровна, шевеля бровями, собирала со стола тарелки; щеки ее пылали.

— Капустку нам, мамаша, оставьте,— степенно сказал Козлюк.

Он даже не разрумянился, только его небольшие, глубоко посаженные глаза блестели весело и шустро.

— Вот что я тебе скажу, Ванюшка! — проговорил он и поднял вверх палец.— Я ученых техникумов не кончал, образование у меня, скажем прямо, незаконченное низшее. Но печь только на меня дыхнет, и я уже знаю, чего она хочет. Я все об ней понимаю, как есть. Сталевар — это не то, что токарь или, скажем, фрезеровщик. Валик какой обточить или гаечку нарезать — все ж не то, что сталь сварить, скажем по чести. Того размаху нету! И рыск, понимаешь, не тот. В нашем деле без рыска нельзя: тут, брат, огонь, стихия. И ты над этой стихией первый человек. Так или не так?

— Правду говоришь, дорогой! — воскликнул Вано.

Он с жадным вниманием слушал Козлюка.

— Я в тебе, Ванюшка, сердце сталевара вижу, — с чувством сказал Козлюк и положил руку на плечо Вано.— В тебе искра есть, а в нашем деле без искры нельзя. И я из тебя настоящего сталевара сделаю, так и знай! Будешь ты первейший мастер на всю Грузию. Что ты молодой,— это не страшно. Молодость не болячка: с годами пройдет...— Он помолчал.— Ученые люди, конечно, писали, не гуляли,— проговорил он раздумчиво и поднял выгоревшие брови.— Но ты меня ночью разбуди и покажи печь, я тебе на глаз, без всяких приборов, скажу, какая в ей температура и чего она требует. Потому что у меня сердце сталевара.

Козлюк поднял рюмку.

— Выпьем, Ванюша! — сказал он. Вано схватил свою рюмку и встал; лицо его горело.— Выпьем за наше родное дело! — проговорил Козлюк и сам растрогался от собственных слов. — Дай я тебя поцелую...

Они поцеловались, выпили, и Козлюк снова потянулся к графинчику. Но графин уже был пуст.

— Ну, другим разом, как говорится! — добродушно сказал Козлюк.— Ты к нам захаживай, хлопец. Лизавета — дивчина славная. Мы тебе завсегда будем рады.

— Жена у вас красавица! — восторженно сказал Вано.— Глаза, как огонь,— вся душа в них...

— Да и я тоже не горбатый,—сказал Козлюк, подумав.— Словом, приходи. И слушайся меня, я тебе добра желаю. Первейшего сталевара из тебя сделаю, ей богу! Такого парня обучить — одно удовольствие...

Не зная, что ответить, Вано только краснел и поминутно вскакивал с места. Они проговорили еще час, пока Лиза с дочкой, обе запыхавшиеся, засыпанные снежком и до смешного похожие друг на друга, ввалились в дом. Вано стал прощаться, и Козлюк его не удерживал.

С той поры Вано стал часто приходить в маленький дом Козлюков. Лиза перестала его стесняться, а Матрена Егоровна, когда его не было день или два, говорила озабоченно:

— Что-то Ваня не заходит? Может, простудился? Все ж таки не Кавказ, у нас деликатности в климате нету...

На что Порфирий Иванович неизменно отвечал:

— В нашем деле, мамаша, простужаться не положено. Печь этого не любит.

Молодые грузины совсем обжились в поселке. Они работали подручными, завальщиками, машинистами. Вано Шалидзе был первым подручным у Козлюка.

Так незаметно летел месяц за месяцем, и наконец в город Т. пришло из Грузии сообщение, что строительство завода подходит к концу. В Т. приехал из Грузии будущий начальник мартеновского цеха — плечистый лысый мужчина с неожиданно тонким голосом. Он беседовал с молодыми грузинами и с их учителями, подолгу стоял у печей, наблюдая, как ведется плавка, и однажды, уходя из цеха, попросил Козлюка зайти после работы к нему в гостиницу.

Вечером Козлюк, надев новую синюю пару, отправился в городскую гостиницу «Москва».

Начальник сидел в номере за столом и пил чай с бубликами. Лицо его раскраснелось, маленькие голубые глаза смотрели добродушно и пытливо. Он налил Козлюку чаю и тут же, не теряя времени, предложил ему переехать на работу в Грузию, на новый металлургический завод.

— Завод современный, по последнему слову техники оборудован,— говорил тонким голосом начальник, вытирая лоб платком.— По сравнению с нашим цехом у тебя, милый человек, не печи, а лоханки. На старых конструкциях живете! — весело сказал он, словно хотел обрадовать этим Козлюка.— А новый завод, друже, уже в будущее заглядывает. Понятно? И такие мастера, как Порфирий Козлюк, там очень нужны.

Козлюк только хотел открыть рот, но начальник замахал на него руками.

— Ты не вздумай говорить, что ты к своему городу привык! — сказал он.— Я тоже не в Зугдиди родился и не в Тбилиси женился. В Грузию из Тагила перемахнул, и ничего, привыкаю. У грузин, брат, никогда раньше своей металлургии не было, откуда же кадрам взяться, только сейчас растут. Надо им помочь, как полагаешь?

Козлюк опять открыл рот, но начальник перебил его.

— Город возле завода выстроили — загляденье! Кругом пальмы, опять же самшиты...— сказал он решительно.— Тысяча и одна ночь! Квартирку хорошую получишь. Жена у тебя работает?

— В химическом техникуме учится,— сипло ответил Козлюк и прокашлялся.

— Будет у нас продолжать учиться,— быстро и деловито проговорил начальник.— Решайся! Через недельку буду ребят поднимать, и тронемся. Крамаренко отсюда с нами поедет, Якушин, Иванцов с третьей печи... Они уже согласие дали. Словом, решайся, Порфирий Иванович, не пожалеешь...

Всю дорогу, пока Козлюк шел по знакомой, исхоженной улице поселка, он думал о неожиданном предложении, и чем ближе подходил к дому, тем невозможней казалась ему самая мысль о переезде в Грузию. Входя в дом, он окончательно решил, что никуда не поедет и даже не будет обсуждать этот вопрос с женой и тещей.

Козлюк переоделся и сел в кресло. На душе было легко, в голову лезли приятные мысли... Ему захотелось рассказать дома, как высоко ценят его работу. Не без самодовольства, улыбаясь, он принялся пересказывать Лизе и Матрене Егоровне разговор в гостинице, незаметно для себя прибавив к нему соображения, которые обдумывал во время беседы с начальником, но так и не успел произнести вслух.

Когда он кончил, теща сказала встревоженно:

— Господь с вами, Порфирий Иванович, как же это так: вдруг взять и переехать на другой конец света! Что мы, молоденькие или у нас детей нет? — Матрена Егоровна глядела на зятя с испугом.— Конечно, там на каждом шагу пальмы, но вы, слава богу, сорок с лишним лет без пальм прожили и не скучали. И нам с Лизочкой пальмы не так уж срочно нужны. А жизнь тут спокойная, все по порядку, кругом знакомые, родные... Зачем же ехать?

Все, что говорила Матрена Егоровна, было как будто резонно, но — удивительное дело! — чем убедительнее говорила она, тем настойчивее Козлюк думал о переезде. Ему рисовался новый завод, великолепное оборудование, современные машины; он видел себя в этом цехе, видел, как учит молодых сталеваров... Крамаренко едет, Иванцов тоже, а ведь он, Козлюк, считается в цехе сильней. Может, зря он отказывается?

Он покосился на жену. Лиза сидела молча, и только верхняя губка у нее чуть вздрагивала и морщилась.

— Что же ты молчишь, Лизавета? — не выдержал Козлюк. — Сидишь, будто тебя это и не касается! Если насчет твоей работы есть думка, то начальник сказал, будешь учиться и сможешь работать в лаборатории при цехе. Как об этом соображаешь?

Лиза покраснела.

— Тебе видней, Порфирий Иванович,— сказала она и остановилась. Она уже давно говорила мужу «ты», но, как и раньше, называла по имени-отчеству.— А если хочешь мое мнение знать, — прибавила она застенчиво и устремила на мужа сияющие глаза,— то мне кажется, что на новом заводе работать интересно. Конечно, мы здесь привыкли, но дерево — и то в другую землю пересадить можно. Чего же нам бояться с места тронуться?

Козлюк промолчал, и Лиза тоже умолкла. Больше в семействе Козлюков разговор на эту тему не поднимался. Но через неделю

Порфирий Иванович пришел домой серьезный, торжественный и, как-то по-особому наморщив лоб, сообщил, что дал согласие на переезд в Грузию.

* * *

В Тбилиси приехали поздно вечером. Дул холодный, мокрый ветер, над вокзалом висел туман. Вокзал был ярко освещен, но то ли от тумана и непогоды, то ли оттого, что перрон был покрыт жидкой, растоптанной грязью, Козлюку показалось, что кругом темно и неуютно. На перроне стояла веселая, шумная толпа: молодых сталеваров встречали родственники и друзья, слышалась оживленная грузинская речь, смех... Подали автобусы, грузовики для вещей, долго и суматошно грузились; Порфирий Иванович два раза терял в толпе Лизу с тещей и бегал между машинами, сердито взывая: «Лизавета!»

Наконец автобусы тронулись. Проехали ярко освещенные улицы, и везде было шумно, оживленно, везде гуляли люди, словно весь город высыпал на улицу, как в праздник. Но от мелькающих за окном огней, от незнакомой песни, громко льющейся из репродуктора, на душе у Козлюка почему-то становилось все тревожней. Разболелась голова, во рту был такой вкус, будто он долго сосал медную ручку. Козлюк покосился на жену. Лиза сидела, прижав к себе уснувшую дочку, и глядела в окно.

Автобус выехал из Тбилиси. Огни исчезли; на поворотах по сгущающейся мохнатой темноте угадывались нависшие над дорогой горы. Откуда-то снизу слышался суровый шелестящий гул,— очевидно, в ущелье шумела река. Дорога показалась Козлюку бесконечной. Но вот вдалеке вспыхнуло розоватое дымящееся зарево, осветившее край неба; Козлюк узнал его, как узнают кров родного дома. Впереди был завод.

Вещи выгружали перед домом, с деревьев сыпались крупные капли, ветер распахивал пальто. Мокрый, продрогший Козлюк вытаскивал из грузовика чемоданы, узлы... «Вот тебе и Кавказ, ну его к бису!» — хмуро думал он, ставя чемоданы на грязный асфальт. Когда вошли в пустую квартиру, теща тяжело, как куль, опустилась на подоконник. Мокрые волосы ее уныло свисали на посиневшие от ветра щеки, и на лице так явно были написаны укор и осуждение, что у Козлюка заныло под ложечкой. Лизу укачало в автобусе; болезненно морщась, она расстилала на полу одеяло, чтобы уложить дочку.

— Дай я помогу...— виновато сказал муж. Но Лиза даже не повернула к нему головы.

Наутро Козлюк отправился на завод.

По дороге мчались грузовики, двигались, важно покачиваясь, автокраны. На площадках бульдозеры с грохотом толкали панцырной грудью тяжелую, мокрую землю. Вокруг еще шла стройка.

Козлюк вошел в мартеновский цех. Там стояла тишина.

Пустынно темнели печи, безмолвно возвышались огромные завалочные машины, неподвижно повисла под высокой кровлей пустая кабинка крановщика. Но это не была та зловещая тишина разрушения, какую на всю жизнь запомнил Козлюк, когда, вернувшись в родной город с войны, впервые вошел во взорванный фашистами цех. О, какая то была дымная, страшная тишина! Из мертвой печи тогда вылетел вспугнутый голубь и пролетел мимо его щеки, обдав теплым запахом птичьего пера. И это биение живой жизни показалось таким горестным, таким одиноким в пустом, ледяном цехе!

Нет, здесь все было живо, все ждало своего часа. Под потолком со звуком, напоминающим треск разрываемого полотна, заработала электросварка. Коротко и звонко ударил молоток. Живые, чистые звуки, торопливые шумы то и дело рассекали тишину, но в темной глуби печей она таилась неподвижно и величаво.

Цех готовили к пуску. И не успел оглядеться Козлюк, не успел рассмотреть завод и город, подивиться неожиданной ясной синеве неба и теплу, как уже целиком, всеми помыслами, ушел в эту подготовку.

Прибыл вагон с домашней утварью. Лиза поступила на работу, продолжала учиться в техникуме. Жизнь налаживалась, но Порфирий Иванович даже не замечал этого. Он был поглощен новым делом.

Приближался срок пуска цеха, а работы еще был непочатый край. Многое, по мнению металлургов, нуждалось в переделке, и они настойчиво требовали этого от строителей. Строители, создавшие великолепный цех с новыми, современной конструкции печами, упрекали эксплуатационников в чрезмерной требовательности. Эксплуатационники не сдавались. Всюду — в цехе, у печей, в конторке инженера, в кабинете начальника строительства — шли бурные споры.

Вано работал вместе с Козлюком. Он заметно возмужал за последнее время, раздался в плечах, возле губ пролегли твердые, упрямые складочки, словно намеченные резцом.

Как-то после работы Порфирий Иванович забежал к Иванцову, старому дружку, приехавшему вместе с ним из родного города. Иванцов выставил домашнюю настойку такой крепости и соблазнительного запаха, что под выпивку можно было съесть целого гуся. Экономный Иванцов положил на тарелочку только несколько кусочков копченого леща. Козлюк, обсосав рыбью голову и хлопнув на прощанье еще одну чарку, помчался рысью домой, ощущая в ноздрях запах тещиного борща.

Он открыл дверь своим ключом и, уже войдя в переднюю и повесив на вешалку пальто, вдруг вспомнил, что забыл у Иванцова папку с материалами. Возвращаться не хотелось, но папка была нужна для завтрашнего собрания. Козлюк, огорченно посапывая, стал снова натягивать пальто.

В доме было тихо: теща, очевидно, ушла с Ирочкой гулять, а Лизавета приходит из техникума к девяти. Козлюк нехотя пошел к выходу. Неожиданно он услышал за дверью в столовой голоса и остановился.

Он не сразу узнал голос Вано: столько в нем было мягкости и смущения. Чуть вздрагивающий молодой басок просил о чем-то; еще не разбирая слов, Козлюк вслушивался в удивительные и незнакомые для него интонации, и смутное тягостное чувство кольнуло его.

— Что здесь плохого? — вкрадчиво и робко говорил Вано.— Я прошу пойти вместе со мною в театр! Подумать только, вы ни разу здесь в театре не были, ни одной картины в кино не видели... Все вечера дома или в техникуме. Разве это жизнь для молодой женщины? — Он вздохнул.— Сегодня чудный спектакль, лучший театр приехал из Тбилиси. Пойдемте!

— Порфирий Иванович еще с работы не пришел. Как же я уйти могу? — ответила Лиза.

Козлюк настороженно вслушался в голос жены. Голос был спокойным и ровным, но человек, который знал Лизу так глубоко и полно, как он, мог уловить какую-то новую, чрезмерную полноту спокойствия, словно Лиза защищалась этим спокойствием от чего-то.

— Он просидит у Иванцова весь вечер,— пылко сказал Вано.— Ему будет только приятно, если вы пойдете развлечься. Клянусь честью! Пойдемте, дорогая, прошу вас... Неужели вам не хочется посмотреть спектакль?

— Хочется! — засмеялась Лиза.— Очень хочется... Но не в этом дело.

— Когда вы улыбаетесь, у меня сердце теплеет...— сказал Вано тихо.— Почему это? Ни у одного человека на свете нет такой улыбки, как у вас...

Лиза что-то ответила, но Козлюк не расслышал. Быстро, словно за ним кто-то гнался, он открыл дверь и вышел на лестницу.

Он был растерян. Как будто не было ничего дурного ни в словах Вано, ни в том, как ответила ему Лиза, и вместе с тем он испытывал растерянность и тревогу. Хуже всего было вспоминать то мучительное и непонятное ощущение, когда он, как чужой, стоял в передней, слушал голоса за дверью и не мог войти в комнату.

Почему он не вошел сразу, почему не сказал Лизе: «пойди в театр» или «останься дома»? Что удержало его? Он шагал по улице, засунув руки в карманы и глядя перед собою. Какой-то человек окликнул его по имени, Козлюк поздоровался и даже улыбнулся, но так и не понял, кто это. Он был поглощен своими мыслями.

Когда Порфирий Иванович пришел к Иванцову, тот спал. Коротенький и толстый, он лежал, свернувшись клубочком, на клеенчатом диване и причмокивал во сне, словно доедал своего копченого леща. И детски-безмятежная ясность, какой веяло от спящего Иванцова, от его рыжих, раздувающихся, как у кота, усов и маленьких поджатых ног в полосатых носках, неожиданно успокоила Порфирия Ивановича. Он обрадовался самой возможности вернуть привычный душевный покой, и тут же ему начало казаться, что, собственно, ничего не случилось и он напрасно, без всяких на то причин, тревожит себя дурными мыслями.

Когда он пришел домой, Лиза, сидя у стола, штопала дочкины чулочки. Теща с важным и печальным выражением лица, как на похоронах, ощипывала гуся, купленного на базаре. Ирочка рисовала кукле усы. Все было знакомым, таким, как всегда, и Козлюк, войдя в уютную комнату, совсем отошел.

— Кто-нибудь заходил? — спросил он на всякий случай и тут же устыдился, что проверяет жену.

— Вано был,— без выражения ответила Лиза и откусила нитку.

В голосе жены снова почудилась ему какая-то новая, искусственная безмятежность, но он торопливо отогнал от себя эти мысли.

— Дай борщочку, Лизавета! — сказал он и, потерев руки, прошелся по комнате.

Он ел борщ, Лиза сидела рядом, он рассказывал ей о делах на заводе, а она внимательно слушала, наклонив голову с двумя коротким, торчащими, как у девочки, косичками. Все было, как всегда. На секунду он подумал, что надо бы расспросить Лизу, как идет у нее работа, и тут же позабыл об этом. Лиза положила ему на диван подушку, он прилег, взяв газету, и через пять минут, прикрыв газетой лицо, уже спал крепко и сладко.

На следующий вечер он снова застал Вано у себя дома. Вано, как бывало не раз, сидел с Ирочкой и рисовал ей пароход. Вдруг словно нежная, быстрая тень скользнула по его лицу: в комнату вошла Лиза. Он смотрел на нее исподлобья, с новым для Козлюка выражением робости и смущения, а Лиза даже не поглядела в его сторону.

Вано просидел до ночи, они толковали с Козлюком о делах; потом, уже одетый, он долго и нерешительно топтался в передней... Но Лиза так и не вышла с ним попрощаться. И хотя, если вдуматься, могло показаться странным, что Лиза, обычно радушная, не вышла проститься с гостем,— Козлюку это было приятно.

Он стоял в прихожей, заложив руки за спину, и с сознанием превосходства глядел на смуглое красивое лицо Вано, на котором то проступал, то таял румянец... Вано, покосившись в последний раз на плотно закрытую дверь в комнату, где занималась Лиза, огорченно вздохнул и ушел. Порфирий Иванович неторопливо и аккуратно запер за ним все задвижки и щеколды, напевая «Распрягайте,

хлопцы, кони...» Но когда он вернулся в пустую столовую, ему вдруг стало печально и смутно, и он долго стоял посреди комнаты, глядя на неубранный стол и слушая, как за дверью покашливает и шелестит страницами жена.

* * *

Первую печь готовили к пуску, и Козлюк все последние дни с утра до позднего вечера находился в цехе. Сроки пуска приближались. Как часто бывает в такую пору, Порфирию Ивановичу казалось, что времени не хватит, не успеют сделать самого необходимого, не успеют переделать то, что нуждается в исправлении... В десятый, вероятно, раз Козлюк с товарищами примеряли и прикидывали, спорили и снова убеждались, что к сроку успеть невозможно.

Но срок настал, и произошло то чудо, которое уже не раз видел в своей жизни Козлюк. Все было готово к назначенному дню. Печь ожила, она гудела ровно и торжественно, как самолет; завалочная машина с грохотом загружала в печь шихту, позванивал кран, и из застекленной кабинки под кровлей цеха безмятежно глядела вниз черноокая крановщица. Это был разноголосый гул труда, и казалось, что стены цеха с жадностью впитывают его звучание.

Козлюку и Вано, работавшим на третьей печи, или, как они говорили, «на третьем номере», выпала честь пускать первую плавку.

На балконе рабочей площадки, около желоба, по которому должна хлынуть сталь, и внизу, в разливочном пролете,— везде толпился народ. Козлюк с серьезным и торжественным лицом сам пробивал летку. По увеличивающейся напряженности его движений, по неясному отсвету пламени, нарастающему, точно звук, по приближающемуся дуновению зноя можно было ощутить, что сталь вот-вот вырвется из печи наружу.

И вот наконец узкая, ослепительно белая струя ударила из отверстия, промчалась по желобу и тотчас же хлынула в огромный ковш.

Туча искр взлетела под кровлю цеха и с треском обрушилась. Мускулистая струя вздувалась и перекатывалась; отчетливо был виден ее объем, ее литая сила. Искры летали и прыгали вокруг желоба, как живые, но люди не отодвигались, а только иногда проворно увертывались от укуса огненной пчелы. Колдовская притягательность была в зрелище этого упругого огня, этой пылающей реки, что струилась с грозным шелестом по своему жесткому руслу, наполняя ковш...

— Шибко идет! — пробормотал Козлюк.— Скоро вся выскочит...

Он стоял, опершись на лом, как на посох, и, сощурившись, глядел на сталь, не защищаясь синим стеклышком от ее обжигающей белизны. Вано стоял рядом. Струя действительно начала постепенно суживаться, словно мелела. Теперь уже не река, а огненный ручей мчался из горловины летки. Обмелел и ручей, последние жаркие капли сползали по желобу. Погасли искры, затух багряный отсвет. Но никто не расходился, народ попрежнему толпился вокруг, глядя, как в ковше мерно вздувается, словно дышит, розовая корка шлака, затянувшая металл.

Завод дал первую сталь!

Козлюк вместе с Вано возвращались из цеха. Они были возбуждены и веселы. Каждому из них хотелось поскорее рассказать другому, что он думает и чувствует, и они перебивали друг друга, торопясь и повышая голос.

— Высокой марки дали сталь. Чуешь, хлопец? — кричал Козлюк.— Понимать надо!

— Грузинская сталь, дорогой,— это же для всей страны событие! — пылко говорил Вано.

Они размахивали руками, беспричинно смеялись, и со стороны можно было подумать, что сталевары уже хватили по чарке водки. Их переполняли гордость и радость, и казалось, что все — голубизна неба, блеск солнца, музыка, несущаяся из рупора радио,— все это блещет, светит, поет в честь выпуска первой стали, в честь их трудового праздника.

Когда они вошли в дом, навстречу выплыла теща и, шевеля бровями, сказала:

— Поздравляю вас с исполнением чувств!

И хотя было не совсем понятно, что она хотела сказать, Козлюк и Вано растрогались и поочередно расцеловались с нею. Лиза, сияя улыбкой, стояла возле них. Она заколола рыжие косички, но они попрежнему торчали, как у подростка, и она в своем клетчатом коротком платьице выглядела девчонкой. Муж, наклонившись, поцеловал ее в щеку, и Лиза вдруг смутилась и покраснела так, что даже шея и лоб у нее стали пунцовыми.

— С праздником!— сказала она тихо.

Вано стоял против нее, опустив большие руки; Лиза отошла, и он двинулся за нею, как привязанный.

— Первую сталь дали, сейчас завод начнет силу набирать,— сказал Козлюк, отвечая своим мыслям, и Вано замигал глазами и остановился.— Ты, брат, вполне можешь быть самостоятельный сталевар. Разбираешься в нашем деле. Слух идет, на второй номер тебя назначают. Хватит в подручных ходить...— Он подумал и добавил наставительно: — Только ты, хлопче, не забывай, кто тебя сталеваром сделал. Настоящий сталевар должен это всю жизнь помнить. Понял?

— Вы для меня, как родной отец! — с чувством произнес Вано, прижав обе руки к груди.

Через некоторое время Вано действительно перевели сталеваром на вторую печь, а Козлюка назначили мастером.

Работа вошла в привычную колею. Козлюк дежурил то в утреннюю смену, то в ночную; день мелькал за днем, и он не успевал оглянуться, как бурную южную весну сменило лето с жгучими, стеклянно прозрачными днями, а потом осень стукнула в окно румяной веткой клена... Уже он привык к новому месту и жаркому солнцу, съедал по две тарелки харчо за обедом, завел новых друзей... Лиза работала в лаборатории, училась. Теща еще больше расползлела и стала говорить с легким грузинским акцентом. Все шло, как обычно, если не считать того, что Вано стал редко бывать в доме Козлюков.

Порфирий Иванович как-то в цехе спросил его:

— Что не заходишь?

Вано сослался на занятость, и Порфирий Иванович сочувственно покачал головой. Он заметил, что жена невесела, реже смеется, больше молчит, но не придал этому значения. В доме был порядок, все шло, как всегда, чего еще надо человеку? Он не хотел сознаться себе, что ему стало спокойней, когда Вано перестал приходить к ним каждый вечер. Неясная, глухая борьба между его расположением к ученику и тем смутным, неуютным беспокойством, которое ощущал он, видя Вано рядом с Лизой, была для него тягостной. И когда все вокруг снова стало простым и ясным, он почувствовал облегчение.

Он видел, что Вано изменился. Что-то новое появилось в ученике, словно между ним и Порфирием Ивановичем встала невидимая преграда. Да и сам он был с Вано не таким, как раньше; с досадой примечал он, что держится с учеником неестественно, с какой-то несвойственной ему неприятной суетливостью. Слишком часто он хлопал Вано по плечу, слишком оживленно говорил и все время похохатывал излишне раскатистым баском. И откуда это взялось? Порфирий Иванович чувствовал, что ученик словно ускользает от него, отодвигаясь все дальше; это огорчало и тревожило его добрую, простую душу. Он старался быть особенно приветливым с Вано, но приветливость эта была беспокойной и только тяготила его.

Вано работал хорошо; из всех молодых сталеваров он, бесспорно, был лучшим. Но большой, мудрый опыт подсказывал Козлюку, что именно сейчас в трудовой жизни молодого сталевара наступила сложная пора. Ох, как легко поверить душой, что ты уже все знаешь, все умеешь! Тут-то и должен во-время предостеречь учитель,— это его первейший долг...

Так размышлял Козлюк, возвращаясь из цеха домой. Он вспомнил, каким неестественно оживленным голосом сейчас говорил с Вано, и сморщился, словно от зубной боли.

Его беспокоили и мысли о заводе.

Старый сталевар Козлюк испытывал восхищение, видя великолепную оснастку цехов, могучую современную технику. Но части этой громадной махины производства еще не притерлись друг к другу, двигались неровно, рывками. По беспокойству характера Порфирий Иванович захаживал и в другие цехи и там видел такую же картину. Присмотревшись к работе прокатчиков, он заметил там немало неполадок и сунулся указывать на них мастеру Семену Денисовичу, старому своему приятелю. Сделал это он грубовато, без должного такта, и Семен Денисович, человек обидчивый, наговорил ему резкостей, а в конце ни к селу, ни к городу припомнил Козлюку, как тот однажды на рыбалке, еще в бытность в Т., выпил лишку и уснул, засунув голову в корзинку с бычками. Вспоминать такие глупости во время серьезного разговора было совершенно ни к чему, и Порфирий Иванович рассердился.

Словом, было над чем поразмышлять! Козлюк, не торопясь, степенно шагал по людным улицам. Вокруг шумел молодой город. Сигналили машины, бежали, пофыркивая, автобусы; в скверах дворники поливали деревья, и вода, сердито потрескивая, вырывалась из шлангов. И вдруг ветер принес знакомый солоноватый запах, напоминивший дыхание моря.

Столько тревожной прелести было в этом запахе, словно сама юность повеяла в лицо. Сердце Козлюка дрогнуло. Ему захотелось в родной город, на знакомые с детства улицы, в старый цех; захотелось снова услышать шум моря, увидеть желтоватые волны с пушистыми, мыльными гребешками... Как далеко все это отодвинулось от него!

На следующий день Порфирий Иванович пришел на завод задолго до своей смены.

Ему не сиделось дома. Навстречу попался Иванцов. Он шел, слегка переваливаясь, толстенький, домовитый, из кармана спецовки торчала шариковая ручка. Рядом с Иванцовым шагал Вано. Он был без кепки, густые, чисто промытые волосы блестели на солнце, глаза глядели весело. Вано с удовольствием посматривал на заводской двор, на клумбу с вялыми от жары цветами, на самого Порфирия Ивановича в соломенной рыбацкой шляпе и аккуратном пиджачке...

— Слыхал новости? — сказал Иванцов, раздувая рыжие усы.— Ученика твоего мастером выдвигают, в гору идет...

Порфирий Иванович остановился.

— Мастером? — переспросил он в изумлении.— Пожалуй, мастер в тебе, брат, еще не выстоялся...— Он увидел, что Вано нахмурился, и осекся.— Я тебя, Ваня, обидеть не хочу! — торопливо добавил он. Сейчас он говорил с учеником просто, как в былые времена.— Ты сталевар добрый, работаешь хорошо,— это я где хочешь скажу. Может, ты со временем средь сталеваров генералом станешь, вполне возможное дело. Но сдюжишь ли сейчас с работой мастера? Не рано ли?

Вано молчал.

— А может, и потянешь! — сказал Козлюк задумчиво, не видя и не замечая, что ученик ничего ему не отвечает.— Сила в тебе не дура — с умом. Только ты помни, тридцать раз на день поминай, что тебе доверие наперед оказали. Понял? Чем больше честь, тем больше спрос. И не думай, что ты все кругом в нашем деле превзошел, не стыдись у других учиться. Я тебе говорю, а ты запоминай,— может, сгодится...

— Спасибо за советы,— сухо ответил Вано и отошел. Распрямив широкие плечи, он шел по мягкому от полуденного солнца асфальту, и короткая тень путалась у него в ногах и бежала рядом. Два старых сталевара смотрели ему вслед.

— Авторитет тебя ушиб, Порфирий Иванович! Что ты парню настроение испортил? — наконец сказал с укоризной Иванцов.— Позвали на крестины, а говоришь про помины. Погодил бы трошки с советами.

— А что я сказал? — пробурчал Козлюк, насупившись.— Ничего я такого не сказал.

— Молодых выдвигать надо, тут без риска не обойтись. Гляди, кругом молодняк, мы же сами их уму-разуму учили. А если им подсобить придется, так мы и подсобим. Разве не так?

— А что я такого сказал?! — закричал Козлюк раздраженно.— Жужжишь над ухом, как оса. Я ж правду говорил, по чести!

— Торопишься ты со своей правдой, Порфирий Иванович! — вздохнул Иванцов и сдвинул на ухо старенькую кепку.— Добрый совет к доброму времени, как говорится. Беспокойный ты человек. Как был, так и остался...

— Таким и помру! — сердито ответил Козлюк и пошел в цех.

Он увидел Вано возле печи. Тот толковал о чем-то с молодым подручным. Задрав голову, Козлюк с преувеличенным вниманием разглядывал кабинку крановщицы. Потом, словно нехотя, подошел к печи ближе. Ему хотелось поговорить с учеником, загладить неловкость.

Вторую печь готовили к завалке. Козлюк глянул на пламя и неодобрительно покачал головой. Забыв все свои добрые намерения, он торопливо подошел к Вано.

— Погодь заваливать! — строго сказал он.— Дай температуру посильней.

Вано, словно не расслышав, пошел к машинисту.

— Чуешь, что я говорю? — Козлюк озабоченно зашагал за учеником. Он хорошо знал вторую печь, ее особенности, ее ход. Он знал, что если ее завалить слишком рано, то кажущийся выигрыш времени все равно будет потом потерян на затяжке плавки. От этого он и хотел предостеречь ученика.

— Погодь начинать завалку! — строго повторил Козлюк.

Вано остановился.

— Вы меня, Порфирий Иванович, извините,— сказал он и нагнул голову, как молодой бычок. Глаза его потемнели, брови сдвинулись.— Вы меня извините,— повторил он, сдерживаясь.— Но позвольте мне самому решить, заваливать или нет. Я отвечаю за плавку.

— Упрямая твоя голова! — закричал Козлюк.— Я дело говорю, чего ты обижаешься?

— Осторожничаете, страхуете себя! — уже не сдерживаясь, сказал Вано, в упор глядя на Козлюка.— Я на простое буду, а вы смену у меня примете и на плавке время заработаете? Так, что ли?

Ошеломленный Козлюк остановился. Он видел, что молодой подручный в недоумении и растерянности глядит на него, видел, как они с Вано о чем-то заговорили, подошли ближе к печи... Пробежала мимо шустрая лаборантка в синем коротком халатике. Раздался деликатный звонок: кран поплыл вперед. Все были заняты своей работой, он стоял один. Дверца второй печи поползла вверх, выпустив розовое, дышащее огнем облако. Завалка все-таки началась. Козлюк рывком повернулся и пошел прочь из цеха.

Когда Порфирий Иванович вернулся домой, дверь ему открыла теща. Она тут же прошествовала на кухню и там закрылась. Теща чувствовала себя виноватой.

Днем она встретила на улице двух пьяненьких, которые несли большое зеркало. Они предложили Матрене Егоровне его купить, и она согласилась, потому что зеркало очень подходило для передней.

Когда пьяненькие повесили зеркало и отбыли, Матрена Егоровна глянула в него и ужаснулась. Все предметы, которые отражало зеркало, непомерно вытягивались в длину, и сама она выглядела в этом зеркале худой и длинной, как удочка. Словом, история получилась пренеприятная.

Прикрыв двери, она сидела в кухне и прислушивалась, что делает зять. По счастью, зеркала он не заметил. Было слышно, как звякнул графин для воды, потом Порфирий Иванович раздраженно сказал:

— Две хозяйки в доме, а человек приходит с работы и напиться не может. Порядочек!

Матрена Егоровна сделала вид, что не слышит. Зять прошелся по комнате и громко спросил:

— Когда Лизавета придет?

— Скоро...— ответила Матрена Егоровна, не открывая дверей. Послышался топот детских ножек — это Ирочка побежала к отцу. Наступила тишина.

Отсидевшись на кухне, Матрена Егоровна осторожно вышла в переднюю. Она увидела в зеркале незнакомое длинное лицо и, глухо застонав, повернулась спиной к своей покупке. Из столовой доносился шорох. Порфирий Иванович сидел за столом и рассматривал старые вырезки из газет.

Здесь были маленькие заметки и большие статьи, фотографии и даже очерк, написанный приезжим писателем. Порфирий Иванович аккуратно вырезывал и прятал каждую заметку, где была о нем хоть одна строка. Больше всего нравился ему очерк. Он назывался красиво и загадочно: «Творчество»,— словно Козлюк был не сталеваром, а артистом. В свое время, пряча очерк, Козлюк сказал значительно:

— Вырезываю для слога. Как образец!

Сейчас Козлюк вынул все это богатство из папки и, нахмурив лоб, старательно раскладывал на столе.

— Что это? — спросила Ирочка, осторожно беря пожелтевшую, потрепанную на сгибах вырезку.

— Папины документы, деточка,— ответил Козлюк, продолжая сосредоточенно разглядывать бумаги.— Положь. Это папина память.

— А это что?

— Папины очки, детка. Положь на место, я тебя прошу.

— А это что такое? — продолжала допытываться Ирочка и потянула к себе вырезку.

— Это мартеновская печь в разрезе,— сказал Козлюк грустно.— Чертеж, значит. Пойди папе папироску принеси, во-он там лежит, на комоде!

Матрена Егоровна заглянула в комнату.

— Может, покушаете чего? — спросила она.

— Покушаете? — язвительно переспросил Козлюк и пожал плечами.— А что здесь кушать? Фасоля да трава,— это у них лучшая еда считается...

— Я харчо сварила,— обиженно сказала теща.— Дивное кушанье...

— Харчо! — Козлюк иронически усмехнулся.— Если б я не был дурак, я б никуда с родного города не уезжал. И жил бы, как человек. Я б имел десяток курей, имел бы поросят,— одного резал, другого кормил... А здесь что? Ни сарайчика, ни погреба, живу на тычке, как петух...

— Что вы, Порфирий Иванович! — удивилась теща.— Квартирка у нас хорошая, живем в самом центре, на проспекте...

Козлюк промолчал. Хотелось рассказать о незаслуженной обиде, о том, что произошло в цехе... Но вместо этого он говорил о сарайчике и курах, и ему казалось, что он засоряет себе душу чепухой, а душе и без того тяжело.

Он достал лист бумаги и начал писать. Писал он быстро, размашистым почерком, с множеством прихотливых завитушек.

«...Поскольку я был вызван с родного завода для воспитания кадров, я ту почетную работу производил со всей ответственностью, не покладая сил, и воспитал сталеваров, а также подручных, поименно гр. Шалидзе В., Гогуа М., Думбадзе Г., Комахидзе В. и других, в чем вы можете убедиться ежедневно и неоднократно при обозрении цеха. Поименованные Шалидзе, Гогуа, Думбадзе стали вполне справными сталеварами, хотя до приезда к нам на завод не знали даже в малости, что такое есть мартеновская печь. Сейчас они могут вполне работать самостоятельно, а гр. Шалидзе В. стал такой шибко образованный, что ежели ему указываешь, что рано начинать завалку, он отходит без всякого звука, и делает по-своему, и еще намекает, что я за счет его смены страхуюсь, хотя каждому человеку ясно, что температуру надо дать посильней. Ввиду изложенного прошу освободить меня от должности мастера для возвращения на прежнее место работы, поскольку здесь вышеуказанные сталевары и подручные могут вполне обойтиться без моего дальнейшего руководства...»

Он остановился и прислушался. В передней скрипнула входная дверь: Лиза вернулась домой.

Она вошла в комнату и остановилась у стола. На лице ее было смущение и торжество. Муж не повернул к ней головы, но она даже не заметила этого.

— Меня выбрали старостой курса! — сказала она, сияя всем лицом.

Козлюк, не отвечая, укладывал свои вырезки обратно в папку.

— Меня старостой выбрали! — радостно и удивленно, словно не веря самой себе, повторила Лиза.— Можешь представить, Порфирий Иванович!

— До девяти часов ребенок ничего не ел,— сказал Козлюк сухо.— Сидит, как сирота.

— Как это не ел? — обиделась теща.— С чего вы взяли?

Лиза смотрела на мужа, и радостное оживление постепенно гасло на ее лице.

— Уложите Ирочку спать, мама,— сказала она, беря дочку за плечо.

Лиза подошла к мужу.

— Что с тобой, Порфирий Иванович? — спросила она мягко.— Неприятности какие?

Козлюк молча протянул жене письмо. Нахмурив светлые брови, Лиза читала, а он сидел, откинувшись на спинку стула, и постукивал по столу крепкими короткими пальцами.

— В общем пора собираться до дома,— с достоинством сказал он, когда жена кончила читать.— Был на Кавказе Козлюк и весь вышел. Понятно?

Лиза встала и положила письмо на стол. Лицо ее было серьезным.

— Никуда мы сейчас не поедем,— тихо и решительно сказала она — И письма этого не отправляй, не срамись.

— То есть как это не поедем? — строго переспросил Козлюк.— Ты об чем таком рассуждаешь?

Жена стояла и все с той же непостижимой решимостью глядела на него.

— Ты не горячись,— сказала она спокойно, как старшая.— Такие дела под горячую руку не решают.— Муж только открыл рот, как рыба, и задохнулся. Но Лиза будто и не заметила этого.— Раз взялся за дело, так и доводи его до конца,— проговорила она упрямо.— Сам видишь, завод еще ход набирает, то там неполадки, то здесь,— только и разговор об этом на собраниях. Еще работы непочатый край! А ты обиделся и от работы в кусты, так, что ли? — спросила она, серьезно глядя на мужа.— Стыдно тебе, Порфирий Иванович...

— Ты что за моду взяла мужу указывать? — грозно спросил Порфирий Иванович, поднимаясь со стула. Но Лиза только отмахнулась от него.

— Если Вано сделал ошибку, так это не только твоя обида, не одного тебя касается,— сказала она с решимостью и покраснела.— Это дело завода, дело государственное. Не беспокойся, ему десять раз на это укажут и взгреют, если понадобится! Не один ты, Порфирий Иванович, за дело болеешь, не один хочешь, чтобы завод в гору пошел.— Она помолчала.— Ты думаешь, мне самой домой не хочется? — спросила она, и голос ее чуть дрогнул.— Но не про это сейчас разговор. Наладится дело, тогда и о переезде можно подумать, если думка об этом не пройдет. А горячиться не надо, ты не малый ребенок, гляди, голова седая... Порви это письмо и забудь о нем думать.

— Что-то тебе очень не хочется уезжать отсюда! — Козлюк, сощурившись, зло поглядел на жену.— Может, сучок какой держит, зацепилась за него, Лизавета? А?

Наклонив голову, Лиза исподлобья смотрела на мужа. Лицо ее было печальным, как у ребенка.

— Стыдно слушать! — дрогнувшим голосом сказала она и ушла из комнаты, закрыв за собою дверь.

Козлюк остался один. Сердце у него билось так часто, будто он поднимался в гору. Из соседней комнаты доносились шуршанье, шепот, сонный ирочкин голосок, скрип кроватки... Потом все затихло.

Порфирий Иванович выключил свет и лег в темноте на диван. Он решил, что уедет один, без жены. Разгорячаясь и растравляя в сердце обиду, он представлял себе, как уезжает отсюда. Лиза плачет и просит взять ее с собой, но он отказывается...

На стене торопливо и весело стучали часы, где-то далеко вскрикнул, словно разбуженный, паровоз; с площади, из рупора радио донесся величавый полночный бой кремлевских курантов... А Козлюк все не спал.

Лежа в темноте, он представлял, как едет один в поезде и глядит из окна на горы, поросшие могучей зеленью, на быстрые и злые речки, на виноградники, поля кукурузы, на все то, что видел когда-то вместе с женой. Но Лизы с ним нет и не будет. И когда он на минуту полностью поверил в это, он так заволновался, что вскочил в темноте и сел на диван.

В соседней комнате было тихо. Козлюк снял башмаки и в одних носках прошел туда.

Ирочка спала, а Лиза сидела возле ее кроватки на низеньком табурете и, положив голову на подушку рядом с головкой дочери, тоже уснула. Сидела она неудобно, согнувшись, но спала крепко. Ночник освещал ее лицо, оно было усталым, грустным, возле губ пролегли морщинки...

Порфирий Иванович смотрел на большие красные лизины руки, руки рабочего человека, на худенькую шею, на капельку пота, выступившую, словно росинка, над верхней губой... Лиза моя, Лизавета, что тебе снится? Спишь и не чуешь, что муж стоит возле тебя и на сердце у него худо...

Четыре года прожили они вместе, а сколько событий произошло за эти годы! Он глядел на спящую жену и вспоминал переезд в Грузию, дождливый вечер, пустой, необжитой дом, первый приход в цех, первую плавку... Потом мысли его перескочили, и он вспомнил, как Лиза вернулась после экзаменов домой, сияя счастьем, а он даже не приготовил ей подарка. Вспомнилось ему застенчивое и торжественное лицо жены, когда она впервые входила в заводскую лабораторию, на новую работу, а он, посмеиваясь, смотрел на нее из окна. Как незаметно выросла Лиза, как изменилась!

Чем больше вспоминал он прожитую вместе с Лизой жизнь, тем больше его охватывали печаль и нежность. И, стоя в тихой комнате, наполненной сонным дыханием, он ощутил вдруг такое нестерпимое чувство одиночества, такую тревогу, что ему захотелось тут же, немедля разбудить жену.

Но Лиза пошевелилась, и Козлюк, испугавшись, отступил за дверь.

В столовой было темно, за окном синела южная ночь. На полу лежала подвижная тень: ветер раскачивал ветку платана.

И вдруг в комнате что-то неуловимо изменилось.

Сумрак порозовел, резче обозначились все предметы. Свет разрастался, комната постепенно наполнялась его прерывистым, легким дыханием; все ожило. Дымящееся, золотое тепло вливалось в окна. На заводе одна из печей дала сталь.

Козлюк подошел к окну.

Зарево поднялось над крышей, охватив полнеба. На ночных улицах было пусто, и зарево величаво и медленно плыло над спящим городом.

КАСКАД ГЭС В ГОРАХ

По склонам и обрывистым уступам горного ущелья взбираются ввысь металлические мачты высоковольтной передачи. Вместе с мохнатыми тянь-шаньскими елями они доходят почти до снежных вершин Заилийского Ала-Тау.

Разбросанные по ущелью валуны говорят, что здесь когда-то кипящим потоком мчалась горная река. Сейчас по ущелью не летят студеные брызги, в русле не видно пенистых волн. И все же слышно, как шумит река; звук этот доносится из огромных труб, которые, так же как и мачты, уходят к снежным вершинам.

Река Большая Алматинка берет свое начало из высокогорного озера. На своем пути она принимает несколько притоков, текущих с ледников. Каждый раз в период грозовых ливней и бурного таяния снегов река несла с гор огромные каменные глыбы. Снопы искр летели от сталкивающихся валунов, и казалось, река горит.

В годы Великой Отечественной войны здесь началось строительство каскада гидростанций. Ступени этого каскада создавались по восходящей линии — первые гидростанции закладывались в предгорьях, а потом строители поднимались все выше и выше. Сейчас в каскаде насчитывается уже семь постоянно действующих станций. Разбросанные среди гор, они являются цехами одной фабрики энергии и света.

Условия горной местности, летние паводки, зимние бураны и гололеды не мешают энергетикам широко использовать для управления станциями автоматику и телемеханику.

— Пять станций,— говорят они,— находятся у нас на замке.

Это значит, что на пяти станциях нет ни одного человека. На дверях висят замки, а в машинных залах неумолчно гудят турбины. Всем каскадом управляет дежурный инженер, сидящий у пульта. Перед ним сигнальные лампочки, ключи, приборы, показывающие нагрузку агрегатов. Инженер нажимает ключ — и автомат, находящийся за несколько километров, тотчас выполняет его приказание.

Недавно вступила в строй восьмая по счету станция. Но называется она Первая Озерная: ею открывается каскад.

Первая Озерная находится на высоте 1 900 метров. Это самая высоконапорная гидростанция в Союзе. Она принимает поток воды, падающей из озера, лежащего на высоте 2 500 метров.

Всего в каскаде будет десять гидростанций. Сейчас строители заканчивают сооружение девятой станции. Проходчики в горах пробивают шестикилометровый туннель, по которому вода хлынет к турбинам десятой станции. После ее сооружения будет завершено строительство всего каскада. Общая длина каналов и трубопроводов превысит 15 километров.

В. ЛАВРОВА

ИЗ ЗАМЕТОК ХУДОЖНИКА

Русский народ издавна чутко прислушивался ко всем сообщениям об Индии, проникавшим к нам еще в далекие времена. Мифические сказания «об Иосафе, царевиче Индийском», «об Индийском царстве» долго жили в нашем народе. Представление об Индии тогда связывалось с утопической мечтой трудовых людей о стране сказочных богатств, где все нравственны и справедливы, не знают нужды и раздоров. Значительно позднее наши соотечественники узнали, что рядом с богатствами в Индии соседствуют нищета и голод. Гнет колонизаторов сковывал развитие страны. Вспомните полотна В. В. Верещагина, в которых он клеймил террор захватчиков. Художник-гуманист обращался к совести всего мира, призывая человечество встать на защиту угнетенного народа Индии.

В последние годы мы ближе узнали культуру индийского народа. Всем нам памятна интереснейшая выставка индийского искусства, показанная в залах Академии художеств СССР. Тогда же мы с чувством горячей симпатии приняли посланцев Индии — делегацию художников.

Мое давнее желание самому воочию увидеть эту великую страну, ее сказочную природу недавно исполнилось. За два с половиной месяца пребывания в Индии я увидел многое. Всех советских людей глубоко волнует и радует пробуждение к новой жизни многомиллионного народа Индии, создавшего древнейшую культуру. Чувство большого уважения и симпатии к индийскому народу руководило мною, когда я в акварелях пытался запечатлеть непосредственные, правда, беглые впечатления, сложившиеся во время пребывания в Индии.

Разумеется, мне пришлось сразу же ограничить свою задачу. Большую часть времени я постарался отдать изображению людей, сцен уличной жизни. И понятно, что сделанное мною лишь в очень небольшой степени дает представление об этой прекрасной стране.

В Индии все привлекает глаз художника: и великолепная природа, и величественные памятники архитектуры, и необычайных размеров деревья в весеннем наряде, и изобилие цветов и плодов.

Каждый художник может представить, как было трудно рисовать на базарах и улицах, где в непрерывном потоке смешались пешеходы и велосипедисты, тележки, запряженные волами или осликами, верблюды и роскошные машины. Непосредственно на улице писать было просто невозможно из-за зрителей, которые постоянно нас окружали. Неоценимую помощь оказали нам индийские художники Кришна Хеббар, Барада Укил, Пандит и их друзья. Без их поддержки я не сделал бы и половины того, что успел сделать. Новая встреча с индийскими художниками, которых мы видели в Москве, дает основание считать, что наши дружеские отношения окрепли еще более.

Первый город Индии, увиденный нами, был Бомбей. В ночной темноте (мы летели на самолете) вдруг внизу заблистало огнями огромное пространство, словно усыпанное изумрудами. Потом перед глазами возникли правильные линии бульваров. Наутро город предстал перед нами во всем своем великолепии. Минуло несколько суток с той морозной ночи, когда наша делегация выехала из Москвы, и сейчас мы очутились среди пальм, в ласковой жаре тропической весны.

Советские читатели уже знают, с каким живейшим интересом были встречены в Индии выступления наших артистов, музыкантов и танцоров. С своей стороны, и наши артисты были увлечены изысканными приемами индийского танца. Поразительны костюмы и головные уборы индийских танцовщиц, настолько своеобразные по форме и краскам, что, кажется, ни один режиссер не смог бы придумать ничего более роскошного, яркого и гармоничного. Я не мог не сделать несколько этюдов с профессиональных танцовщиц.

В древних памятниках особенно поразительно слияние архитектуры и скульптуры: некоторые пилястры и колонны сплошь покрыты орнаментом, свидетельствующим о неисчерпаемой фантазии и высоком вкусе строителей. Во всех городах и их окрестностях, даже там, где особенно сильный отпечаток наложил капиталистический «коробочный» стиль, сохранились и красуются памятники древнего зодчества. Не говоря уже об их образной силе,— каким высоким должен быть уровень техники, чтобы высекать в монолитных скалах пещеры с тысячами изображений, иногда почти ювелирных, иногда достигающих колоссальных размеров! То, что мы видели в Аджанте и Элефантине, в Бомбее и Дели, в Калькутте и Мадрасе, в Майсуре, Бенаресе и Джайпуре, навсегда оставило в нашей памяти неизгладимый след.

Интересно отметить, что и сравнительно новые здания сооружались в стиле древних памятников, сохраняя многие стороны индийской классики.

Бомбей — современный портовый город с присущими ему контрастами богатых кварталов в центре и нищетой окраин. Здесь, как и в других городах Индии, нельзя было не заметить удивительной любви к животным и птицам: они чувствуют себя вольготно и привольно даже на самых оживленных магистралях. Птицы готовы есть зерна из рук прохожего. Даже орлы часами неподвижно сидят на воротах и как будто лишены своего хищного нрава.

Дальше наш маршрут лежал в столицу Индии — Дели; здесь, как позднее и в других городах, мы видели старое и новое, богатство и нищету, людей всяких профессий, возрастов и положения. В Дели я имел честь написать портрет премьер-министра Индии Неру, политического деятеля, известного всему миру.

В Калькутте чрезвычайно красив бульвар на берегу Бенгальского залива. В Майсуре, Хайдерабаде и Бангалуре, кроме памятников старины, имеются и новые, грандиозные и по-своему очень эффектные постройки. Подлинной феерией выглядела вечерняя иллюминация дворца магараджи в Бангалуре. Около Майсура я сделал этюд с колоссальной статуи быка, высеченной из монолитной скалы.

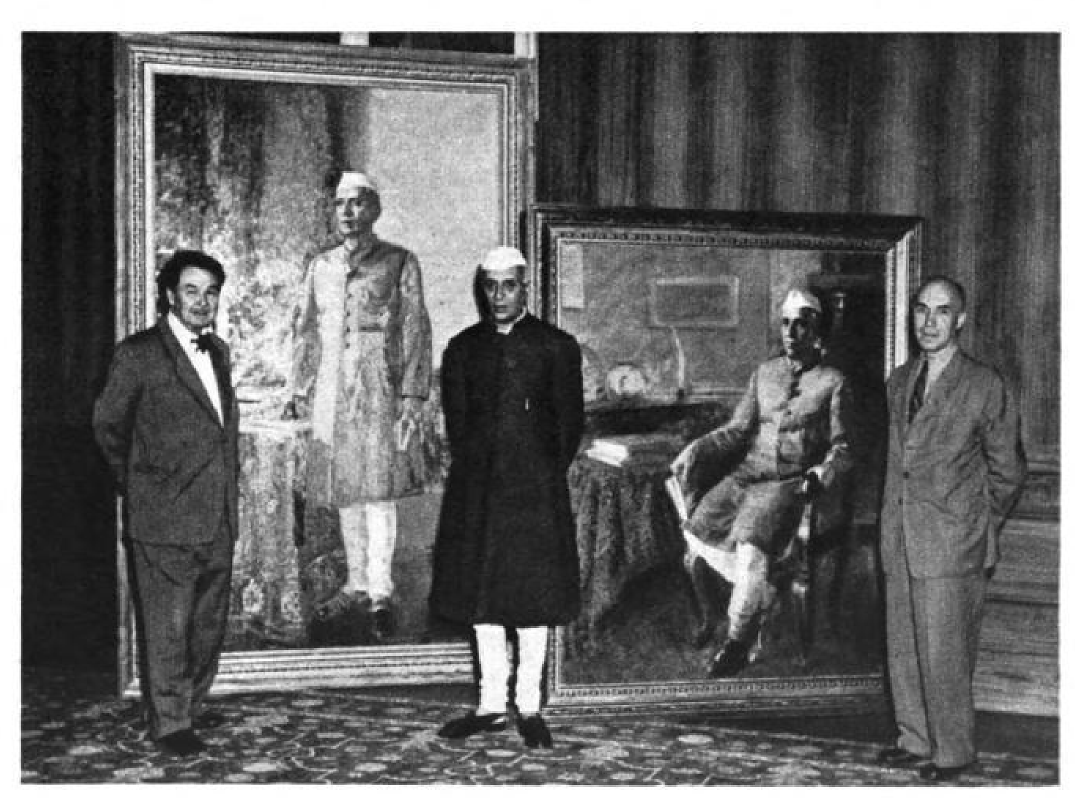
Нам удалось несколько дней провести в Бенаресе. Хотя знаменитая лестница на берегу Ганга окружена теперь торговыми постройками стандартного архитектурного стиля, она производит все же огромное впечатление. Я был рад возможности сделать этюд Ганга и даже выкупаться в его голубых водах.

Джайпур, быть может, в большей степени, чем другие, сохранил облик средневекового города. К сожалению, мне не удалось заняться зарисовками этого сложнейшего архитектурного комплекса, раскинувшегося на возвышенном плато.

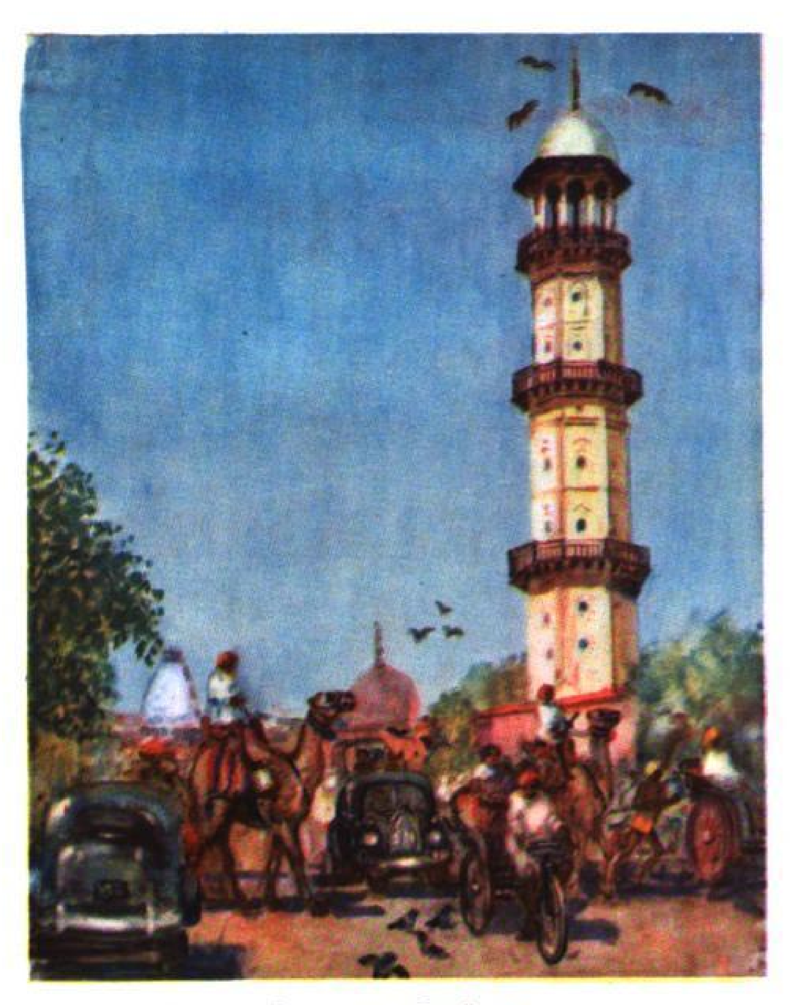
В 1853 году Карл Маркс пророчески писал об Индии: «Во всяком случае мы с уверенностью можем ожидать в более или менее отдаленном будущем возрождения этой великой и интересной страны...» Говоря о благородстве населения этой страны, Маркс сослался на свидетельство русского исследователя Индии А. Д. Салтыкова, утверждавшего в 1848 году, что население Индии «более утонченно и более искусно, чем итальянцы».

Показывая на страницах «Огонька» некоторые итоги своей поездки, мне хочется еще раз сказать, что в своих работах я стремился выразить глубокое уважение к народу этой страны, которая привлекает нас сегодня не только своим прошедшим, но и открывающимся перед нею будущим.

А. ГЕРАСИМОВ,
народный художник СССР

Советские художники А. М. Герасимов (слева) и К. И. Финогенов на приеме у премьер-министра Индии г-на Неру.

Площадь в Джайпуре.

Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру.

Из индийских этюдов А. М. Герасимова

Улица в Дели.

Портрет девочки. Бомбей.

Шофер. Дели.

Портрет художника Пандит. Бомбей.

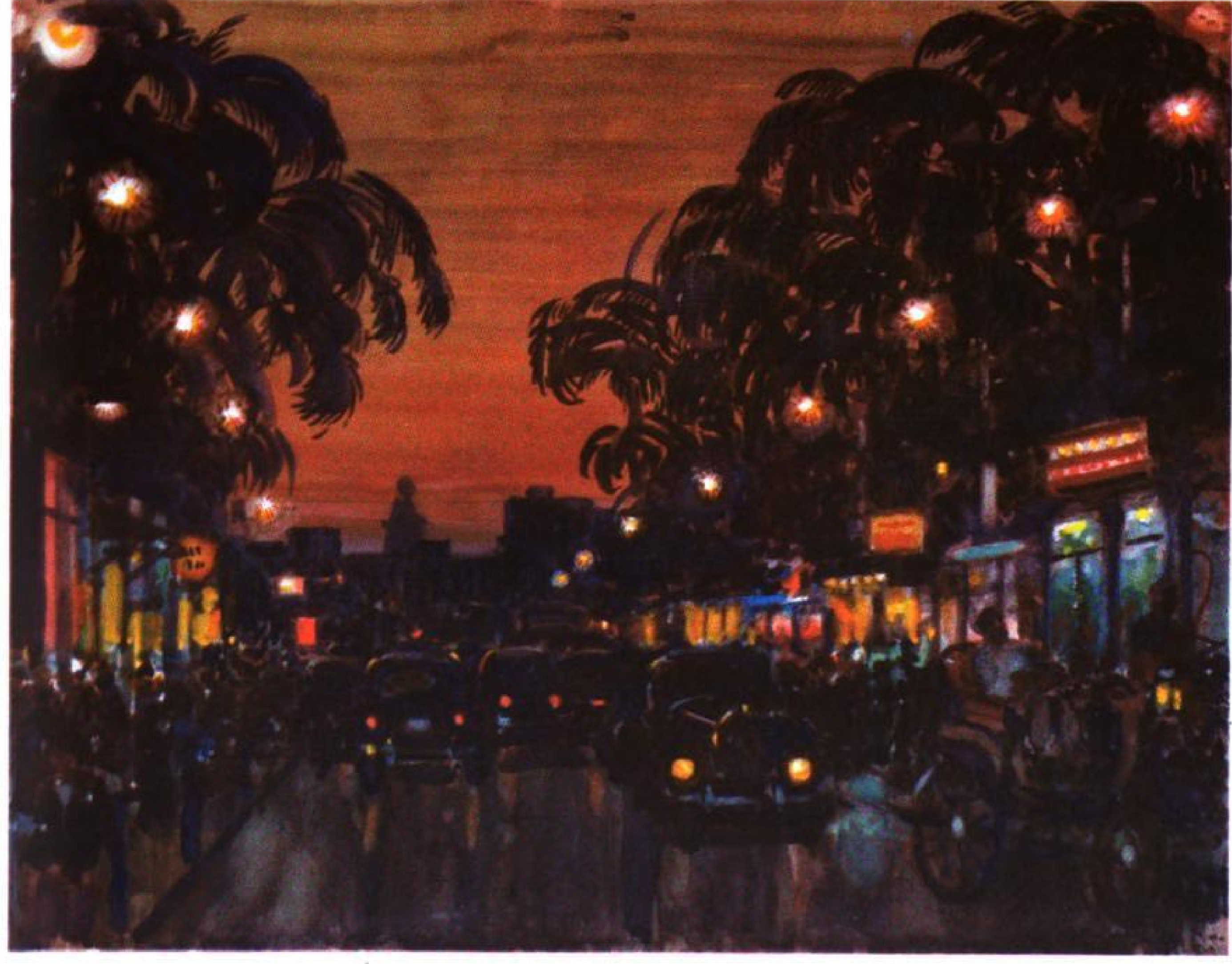

Пилигрим. Бомбей.

Утро в Бомбее.

Деревня.

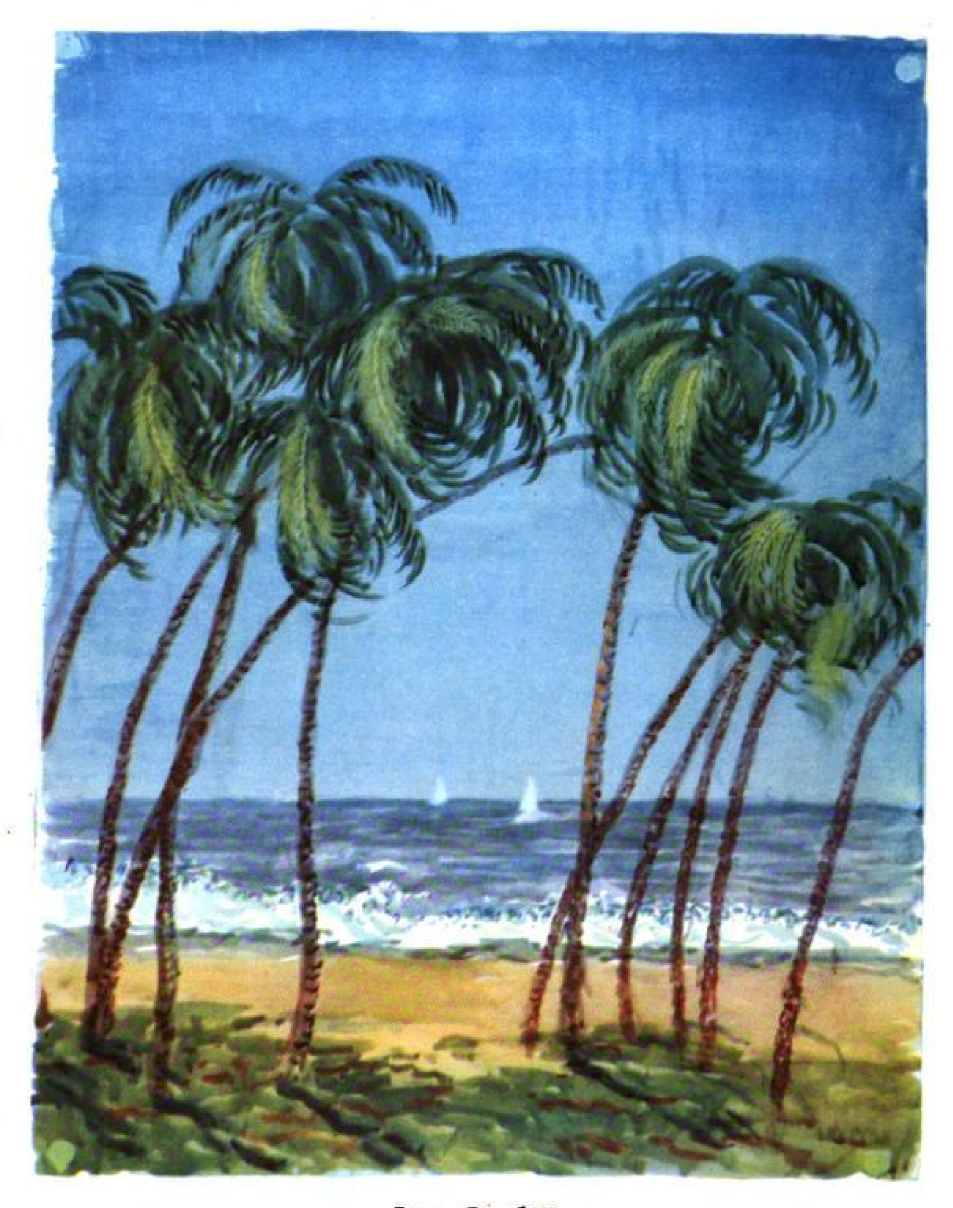
Вечер в Бомбее.

Танцовщица. Мадрас.

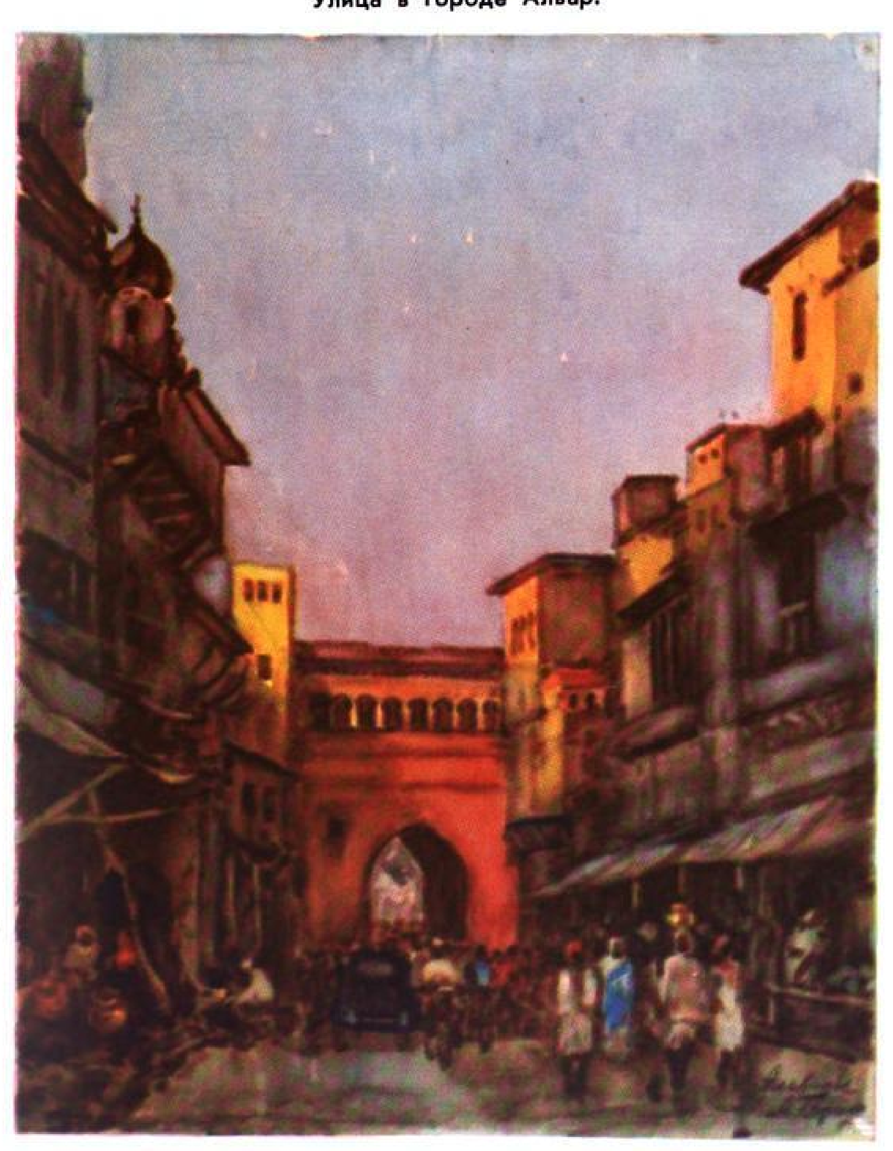
Женский портрет. Калькутта.

Бриз. Бомбей.

Улица в городе Алвар.

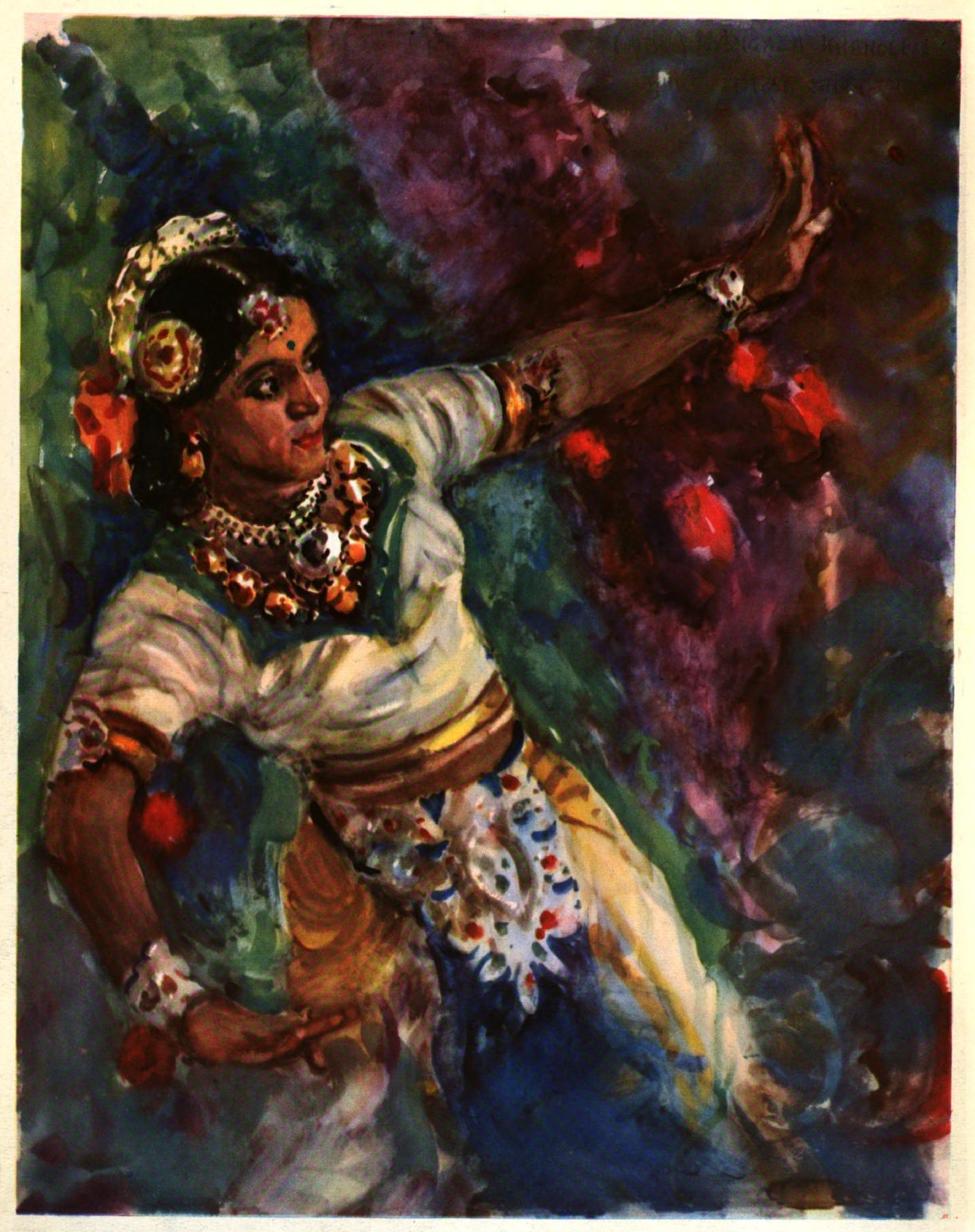

Кули.

Бенарес.

Майсур ночью.

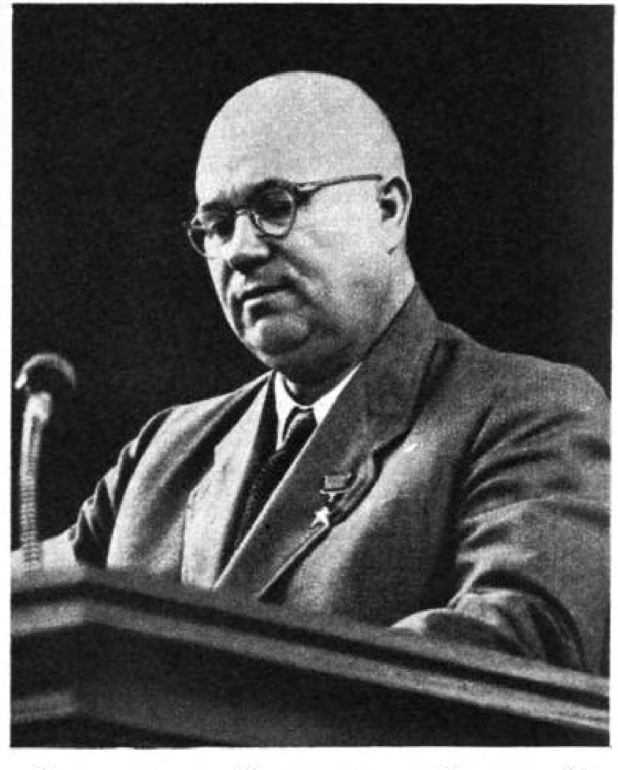

Танцовщица. Бомбей.

В президиуме съезда. Слева направо: члены президиума ЦК Коммунистической партии Чехословакии товарищи К. Бацилек, В. Широкий, А. Запотоцкий, Я. Доланский, А. Новотный.

Глава делегации Коммунистической партии Советского Союза первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев выступает на съезде с приветственной речью.

НА X СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Справа: общий вид зала заседаний съезда.

На снимках внизу.
Слева: рабочие Радотинского машиностроительного завода обсуждают доклад первого секретаря ЦК КПЧ Антонина Новотного.
Справа: газеты с материалами о работе съезда пришли на поля: с глубоким вниманием слушают чтеца члены единого сельскохозяйственного кооператива села Спанёв, Домажлицкого района.

На XI съезде профсоюзов

Фото А. Гостева и С. Фридлянда.

Москва. Большой Кремлевский дворец. Здесь проходили заседания XI съезда профессиональных союзов СССР. Трудящихся нашей страны представляли на съезде лучшие сыны героического рабочего класса и советской интеллигенции, труженики совхозов и МТС. У многих делегатов на груди золотые звезды Героев Социалистического Труда и Героев Советского Союза, значки лауреатов Сталинских премий.

С огромным вниманием выслушали делегаты и гости секретаря ЦК КПСС товарища М. А. Суслова, огласившего приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров СССР XI съезду профсоюзов. Как боевую программу дальнейшей работы советских профессиональных союзов восприняли делегаты это приветствие.

Глубоко и всесторонне обсуждали делегаты отчетный доклад ВЦСПС товарища Н. М. Шверника и отчетный доклад Центральной Ревизионной Комиссии профсоюзов товарища Е. М. Савкова. Выступая с трибуны съезда, делегаты смело вскрывали недостатки в деятельности профсоюзных организаций, подсказывали конкретные пути улучшения работы.

Генеральный секретарь ВФП Луи Сайян передал ВЦСПС красное знамя Всемирной федерации профсоюзов.

Гости из Индии (справа налево): Раджарам Шастри, Срикантан Наир и Вирендра Бахадур Сингх.

Члены французской и вьетнамской делегаций (слева направо): Анри Рейно, Леон Мовэ, Ву Хуэй Тинь, Жермен Гийе, Ален Ле Леап и Нгуен Минь.

Всего в прениях по отчетному докладу ВЦСПС и Центральной Ревизионной Комиссии выступило 56 делегатов.

Затем съезд заслушал доклад секретаря ВЦСПС тов. Н. В. Поповой об изменениях в Уставе профессиональных союзов. Новый Устав, принятый съездом, повысит роль профсоюзов в государственном, хозяйственном и культурном строительстве.

Далеко за пределами нашей Родины известна та благородная борьба, которую ведут советские профсоюзы за дело мира, за укрепление единства международного рабочего движения. Свидетельством этого явилось присутствие на съезде представителей зарубежных профсоюзов почти 40 стран.

От имени 80 миллионов трудящихся, объединенных во Всемирной федерации профсоюзов, съезд горячо приветствовал генеральный секретарь федерации Луи Сайян. Он передал Всесоюзному Центральному Совету Профессиональных Союзов красное знамя Всемирной федерации профсоюзов—символ непобедимой силы международной рабочей солидарности.

Яркие примеры этой солидарности можно было ежедневно наблюдать на съезде. Вот стоят представители французских и вьетнамских профсоюзов. Современные правители Франции развязали кровавую войну в Индо-

Делегаты осматривают подарки, преподнесенные съезду пионерами Москвы.

Китае, но вьетнамцы знают: французские трудящиеся — их лучшие друзья.

Сколько волнующих встреч происходило в эти дни в залах и коридорах древнего Московского Кремля! О единстве целей и устремлений наших людей можно было судить по крепким рукопожатиям представителей всех национальностей Советского Союза, по дружеским разговорам в кулуарах.

На балконе Большого Кремлевского дворца собрались делегаты. Познакомились они здесь, на съезде: мастер-швея производственного комбината Военторга в Воронеже В. А. Цыкунова, бригадир виноградарского совхоза «Малая земля», Краснодарского края, Герой Социалистического Труда Л. А. Стеклова, комбайнер Голышмановской МТС Тюменской области Герой Социалистического Труда Н. С. Лопатин и знатный шкипер пароходства «Волго-танкер» К. Д. Ильичев — работники промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

На балконе Большого Кремлевского дворца. Слева направо: В. А. Цыкунова, Л. А. Стеклова, Н. С. Лопатин, К. Д. Ильичев.

В перерыве.

...Кончилось очередное заседание. Делегаты съезда, многие из которых впервые в Кремлевском дворце, спешат осмотреть замечательные памятники древнего русского зодчества — Грановитую палату, Теремной дворец, Успенский и Благовещенский соборы, побывать в Оружейной палате, у Царь-пушки и Царь-колокола.

Девочку и мальчика, двух московских школьников, окружили посланцы далекой Индии. Пионеры повязали индийцам свои галстуки, подарили им цветы.

Большая группа делегатов осматривает подарки, преподнесенные съезду пионерами Москвы. Действующие модели кораблей, самолетов, паровозов, сельскохозяйственных машин — все это сделано руками юных умельцев.

XI съезд профсоюзов СССР прошел в обстановке большой активности делегатов. Он принял решения, направленные на дальнейший подъем народного хозяйства и повышение благосостояния трудящихся.

УСПЕХ НОВОГО ЗАЙМА

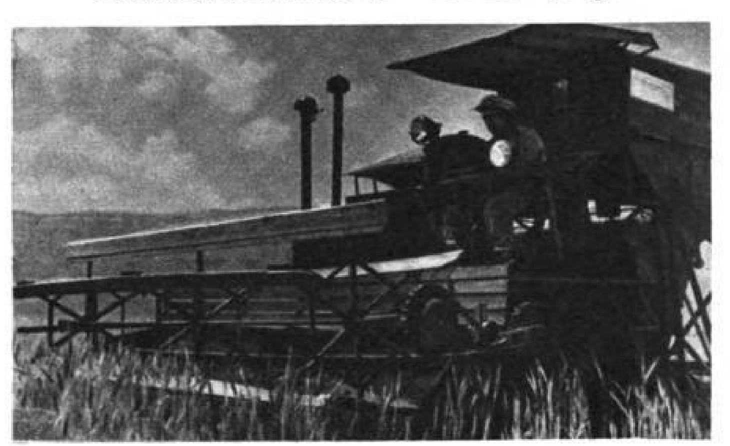
В городах и селах нашей страны с большим успехом прошла подписка на новый Государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1954 года). Трудящиеся Советского Союза хорошо знают, что средства, которые поступят в Государственный бюджет от подписки на заем, будут использованы для дальнейшего подъема экономики и народного благосостояния, для укрепления могущества нашей Родины, вот почему они с радостью отдают свои сбережения взаймы государству.

На шахте Центральнозаводской треста «Куйбышевуголь», Сталинской области. Проходчик Александр Афанасьевич Таранченко подписывается на заем.

Фото Е. Комма.

На новых землях заколосилась пшеница

Уборку ведет комбайнер Давлят Бабаев.

Шесть лет назад из высокогорного кишлака Санг-туда, что значит «куча камней», в Вахшскую долину Таджикистана переселились горцы. Перед ними лежала безжизненная степь, изборожденная глубокими трещинами, вздувшаяся холмами. Немало пришлось потрудиться людям, прежде чем они подвели сюда воду, разгладили морщины веками пустовавшей земли. Но труд их не пропал даром.

Широколистые айланты и густые акации обрамляют дороги, скрывают от знойных южных ветров сады и посевы на полях колхоза имени Маленкова. Над журчащими арыками склоняется тенистый тал, везде буйно поднялась растительность.

Здесь засевают различные культуры: хлопчатник, пшеницу, люцерну, разбиты большие сады и огороды. Только в лимонарии растет 1 800 деревьев. Колхоз получает в год около 6 миллионов рублей дохода. В поселках — новые дома, ясли, школы, клуб, своя электростанция. На ферме много скота.

Каждый год колхозники осваивают новые земли, расширяют свои угодья. Близ склонов Чанг-тау — сотни гектаров целины. Но она лежит намного выше уровня канала. Колхозники прорыли новый канал и установили двигатель, который поднимает воду на 7 метров.

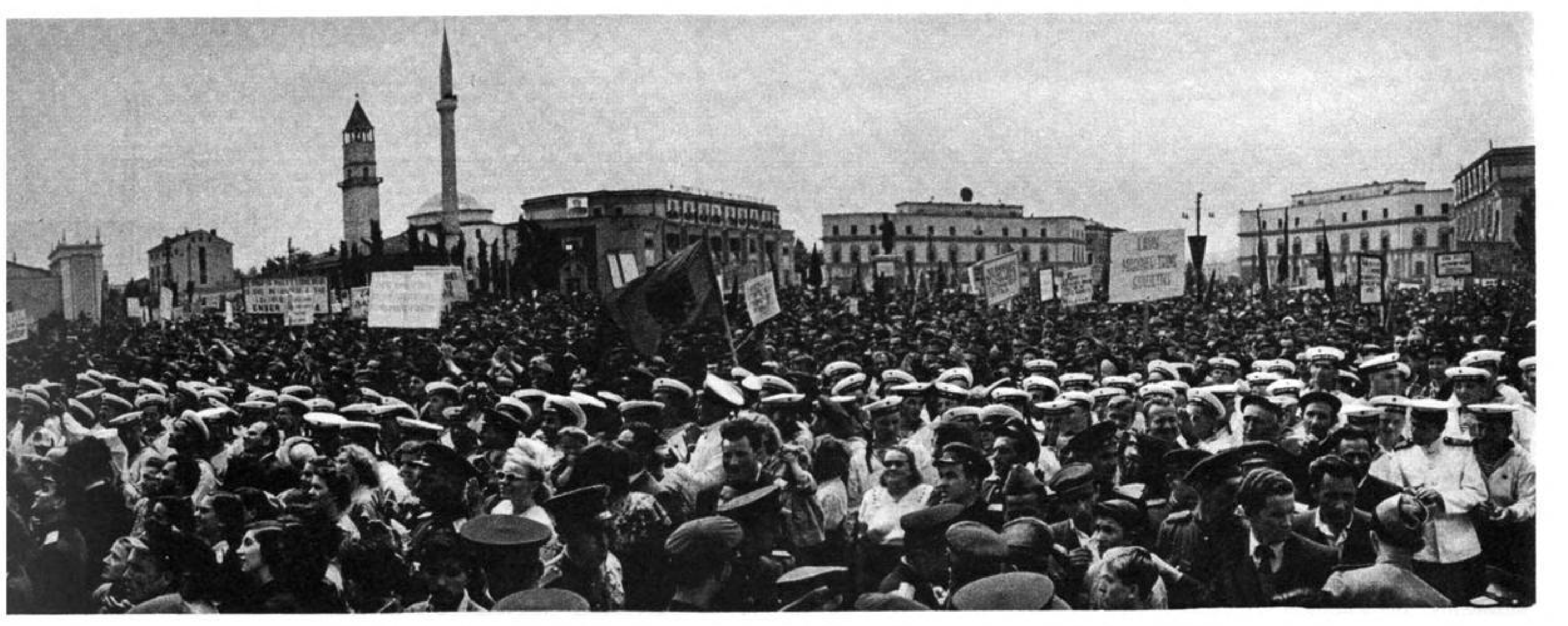
Освоение новых земель поручили опытному бригадиру Хаттану Малаеву. В 1953 году 38 гектаров земель было отвоевано его бригадой у пустыни. На них вырос богатый урожай хлопка. Весной этого года правление колхоза составило большой план освоения новых земель. Там, где в марте люди еще только начинали работы, выросла, заколосилась пшеница, поднялись зеленые кустики хлопчатника.

На отдельных участках колхозов Вахшской долины уже можно убирать урожай. Первым вышел в поле комбайнер Давлят Бабаев.

Н. КЛАДО

Фото Б. Шлихтинга.

Митинг на площади Скандербега в честь советских военных моряков, посетивших столицу Албании — Тирану.

В ГОСТЕПРИИМНОЙ АЛБАНИИ

Фото В. Егорова (ТАСС).

На Черное море возвратились корабли, ходившие с визитом дружбы в Народную Республику Албанию. Отряд кораблей совершал поход под флагом командующего Черноморским флотом адмирала Сергея Георгиевича Горшкова.

В беседе с корреспондентом «Огонька» С. Г. Горшков рассказал:

— Каждый дальний поход от берегов Родины отмечается не только счетом пройденных миль, но и впечатлениями, памятными моряку. На своем веку мне довелось повидать немало морей, но самым гостеприимным оказалась солнечная Адриатика. Ни одно прошлое плавание не было столь богато радостными встречами, как наш недавний визит в дружественную Албанию. В последние дни перед походом на крейсере «Адмирал Нахимов» и на других кораблях отряда царило приподнятое, праздничное настроение. Черноморцы тщательно готовились к плаванию по семи морям Средиземноморского бассейна, издавна известного русским мореходам.

Пройдя Черное море, корабли вступили в Босфор, стиснутый гористыми берегами двух континентов. Почти вплотную к воде подступают старинные мечети и минареты, многоэтажные здания деловых кварталов Стамбула. Тут, на перекрестке больших морских дорог, встречаются все флаги мира. Каждый корабль, входя в Босфор, обычно берет турецкого лоцмана. Но мы отказались от его услуг. Наши штурманы и рулевые уверенно провели корабли по узкому извилистому фарватеру.

За кормой остались штилевая равнина Мраморного моря, холмистые берега Дарданелл, бесчисленные острова греческого архипелага. Пройдены — Эгейское, Критское, Ионическое моря, приближалась Адриатика...

Ступив на землю Албании, мы сразу ощутили, как любят и уважают здесь советских людей. Встречая черноморцев, десятки тысяч албанцев запрудили узкие улицы Дурреса. Тут были и обветренные, опаленные солнцем рыбаки, и труженики полей в живописных национальных костюмах, и множество горожан. На колонну черноморцев, шагавших к главной площади, дождем сыпались цветы.

«Да здравствует Советский Союз!», «Да живет мир во всем мире!». Такие возгласы слышались и на албанском и на русском языках.

На площади после митинга выступил Ансамбль песни и пляски Черноморского флота. Трудно описать, какой восторг охватил многотысячную аудиторию, когда с эстрады в исполнении советских артистов полились народные албанские песни! Потом ансамбль исполнил «Широка страна моя родная», и нашему дирижеру пришлось управлять не только своим хором, но и тысячами певцов, собравшихся на площади. После митинга торжество продолжалось... То тут, то там черноморца окружает группа людей и радушно приглашает в дом, к празднично накрытому столу. В застольной беседе то и дело слышались русские слова, произносимые звучными гортанными голосами албанцев.

Торжественно и тепло встретила черноморцев столица республики — Тирана. Грандиозный митинг на площади Скандербега, концерт под открытым небом, посещение Текстильного комбината имени Сталина — все проходило в обстановке самых горячих взаимных симпатий. Показывая нам предприятия, строящиеся дома, албанские друзья говорили: «Учимся у вас, строим новую жизнь с вашей помощью».

Председатель Совета министров Албании товарищ Энвер Ходжа, члены правительства и знатные люди республики принимали нас во дворце, окруженном тенистым парком. Этот дворец, некогда выстроенный для последнего албанского короля Зогу, стал теперь достоянием народа. Большое наслаждение доставило нам выступление албанских артистов. Недавно созданный в Тиране оперный театр поставил «Русалку» и сейчас готовит «Ивана Сусанина». В репертуаре драматических театров немало пьес русских классиков и советских авторов.

Во время стоянки в Дурресе черноморцы принимали гостей у себя на кораблях. На палубах, в каютах и кубриках мелькали красные галстуки юных пионеров и седые бороды албанских крестьян. Удобства жилых помещений команды и разносторонний культурный досуг моряков вызывали неизменное восхищение. На кораблях побывал товарищ Энвер Ходжа. Наших матросов и офицеров глубоко тронули простота и обаяние этого выдающегося государственного деятеля. Возвратившись на Родину, мне хочется повторить слова, слышанные на албанской земле от одного простого труженика:

— В нашей горной стране на берегах Адриатики живет всего 1 200 тысяч человек. Но вместе с советскими братьями, вместе с великим китайским народом и другими народами демократического лагеря нас 800 миллионов.

Советские моряки встретились со скандербеговцами — воспитанниками албанских военных училищ.

Председатель Совета министров Народной Республики Албании Энвер Ходжа беседует с советским матросом.

„Кинжал, направленный в сердце Франции"

ЖАН КУЭН,

заместитель ответственного редактора «Юманите»

Образы Франции, ее надежд, ее борьбы... Простые люди, с которыми тебя свела случайная встреча. И у каждого, словно рубец на сердце, воспоминание о бесчисленных ранах, нанесенных Франции хищным германским империализмом. У каждого в глазах, негодующих и печальных, отсвет видений, которые никогда не изгладятся из памяти: видений национального позора, страданий, крови, торжества оккупантов. Воспоминания сгущаются, выливаясь в гневные слова, идущие из самой глубины сердца.

Их много, им нет числа — французам, которые не хотят, чтобы это повторилось вновь.

Человек играл у порога дома с голубоглазой, белокурой дочкой. На дорогу упали первые бомбы вторгшегося врага. В панике эвакуации Парижа ребенок погиб, на руках у отца остался холодный трупик...

Девушка была в расцвете своей весны, когда ее привели в застенок гестапо. Через четыре года она вышла из Равенсбрука постаревшей, с осенней сединой в волосах...

У француза грудь покрыта солдатскими медалями. Две мировые войны, семь ран... Как? Гитлеровские генералы будут командовать французскими солдатами?!

Рабочие, изведавшие муки и тоску гитлеровских трудовых лагерей; матери, чьи дети отдали жизнь за Францию, сражаясь в рядах франтиреров и партизан; люди, которые до сих пор не могут выпрямиться после того, как французская земля была истоптана железной пятой фашистского вермахта... Их нельзя обмануть! Они знают, что «европейское оборонительное сообщество» означает возрождение германского милитаризма, а это — кинжал, направленный в сердце Франции.

С кем ни заговоришь из этих простых французов, каждый в безыскусных словах благодарит Советский Союз. Благодарит за то, что устами В. М. Молотова великая страна социализма сказала в Берлине полную правду о смертельной угрозе, которую несет с собой для Франции ее присоединение к «европейскому оборонительному сообществу»; за то, что Советский Союз указал надежный путь к миру в Европе, призвав заключить общеевропейский договор о коллективной безопасности.

Миллионы французов возмущены тем, что их правители хотят подчинить национальные интересы Франции корыстным интересам заокеанских денежных магнатов. Они собираются у памятников, воздвигнутых в честь павших за Францию, и клянутся не допустить нового предательства и нового порабощения родной страны. В сотнях тысяч писем, направляемых депутатам Национального собрания, они требуют одного: следовать ясно выраженной воле французской нации. Простые французы выражают волю к миру и безопасности через тысячи выбранных ими делегатов, которые в Женеве напоминают господину Бидо о необходимости выполнять то, чего твердо желает народ.

Жители Парижа возлагают цветы у памятника погибшим за родину.

Рис. французского художника Б. Таслицкого.

Но дадим слово им самим, рядовым французам, с которыми мы дружески и искренне обменялись мыслями о том, что так глубоко волнует каждого из нас.

РЕНЕ РАВЕНО, служащий

Да, соседи вам правильно сказали: это у меня погибла во время бегства населения из Парижа маленькая дочка Жаклина, пяти лет. Ее раздавили в вагоне. Потом я партизанил в горах Юры. Мы били оккупантов. Я никогда не забуду, как в отместку они расправлялись с мирными жителями окружающих деревень. Кровь стынет в жилах, когда вспоминаешь, что они творили на крестьянских фермах!.. Мы не хотим, чтобы это повторилось. Вы спрашиваете, что я думаю о «европейском оборонительном сообществе». Я, собственно, уже ответил вам тем, что рассказал о себе. Глупо самим совать голову в петлю, которую нам готовят в Западной Германии. Мы не согласны, чтобы гитлеровские генералы снова устроили мясорубку для французов и для всей Европы. Я думаю, что в конце концов этого не допустят и сами немцы.

БЛАНШ ШАСТАН, чулочница

Мне как раз исполнился 21 год, когда гитлеровцы посадили меня в тюрьму Фрэн. Оттуда я была переведена в Ля Рокетт, потом в центральную тюрьму в Ренне. Три года оккупанты держали меня во французских тюрьмах, затем я стала узницей Равенсбрука. Мне не надо вам рассказывать, что это такое... Нет, я не в обиде на немецкий народ, хотя немцам из Западной Германии не мешало бы утихомирить своих генералов, которые мечтают опять устроить кровопускание у нас во Франции. Конечно, было бы чудовищным, если бы французы сами благословили их на это.

А что касается предложения русских, чтобы все народы Европы подписали соглашение жить в мире, то я и мои подруги обсуждали это и одобрили. Русские — наши друзья. Для Советского Союза человек — это не морская свинка, как для американцев, которые испытывают водородную бомбу в Тихом океане. Я верю в Советский Союз и в его дипломатию, которая добивается мира для своей страны и для всех остальных.

БУАВЭН, металлист; ЛОЛИВЬЕ, наладчик станков; ПЕРРО, служащий

— Раз уж вы, трое французов, оказались вместе, не можете ли вы вместе и ответить на наш вопрос?

Буавэн. Очень охотно. Я помню, как еще после первой мировой войны начали перевооружать Германию. Теперь повторяется та же история. Я пять лет был в плену у гитлеровцев. Три раза бежал, три раза меня ловили и возвращали обратно. Кончилось это для меня плохо — дисциплинарным лагерем в Раве Рузской. Я не хочу новых гитлеровских походов на Европу, на Советский Союз, куда бы то ни было. Хватит!

Лоливье. По-моему, если у нас подпишут боннский и парижский договоры, то это верная война. И нам, французам, придется снова хлебнуть горя, как во времена оккупации, и даже хуже того. Я думаю, надо во что бы то ни стало помешать этому, и мы помешаем.

Перро. Эти господа, собственно, уже все сказали... Я инвалид войны 1914 года. Перенес и оккупацию. Мне и подумать противно, что в Париже могут снова появиться фашистские офицеры в стальных шлемах. А если будет ратифицирован этот грязный договор, они обязательно явятся сюда. Нет, мы не хотим этого! Лучше пусть правительство вспомнит о хорошем договоре, который у нас есть с Советским Союзом.

ФЕЛИСИ БЕРТО, домохозяйка

У меня есть свой ребенок, и я усыновила и воспитала еще троих. Я это сделала не для того, чтобы поставить моих детей под жерла пушек. Я мать, и этого достаточно, чтобы я всей душой была против новой фашистской армии в Германии.

ОГЮСТ АРДИ, инвалид войны

Я могу сказать, если вы этого хотите, какие у меня военные награды: солдатский крест за первую мировую, крест добровольца-охотника, медаль за ранение в 1940-м, медаль союзников, медаль за сражение на Рейне, крест солдата Сопротивления... Я слишком много перенес за две войны и не хочу третьей. Думаю, я вправе сказать вместе со всеми моими близкими: никакого пакта «европейского оборонительного сообщества», никакого перевооружения Германии!

МАДАМ ДЮМОН, продавщица

Мой муж погиб на войне. Теперь хотят подписать договор, который отдаст под команду немецких генералов моего сына. Я говорю: нет и нет!.. Я слишком хорошо знаю о том, как немецкие фашисты истребили всех мужчин, женщин и детей в Орадуре сюр Глан. Все возмущается во мне, когда я подумаю, что есть в нашем правительстве люди, которые хотят, чтобы Франция опять осталась беззащитной и снова была залита кровью.

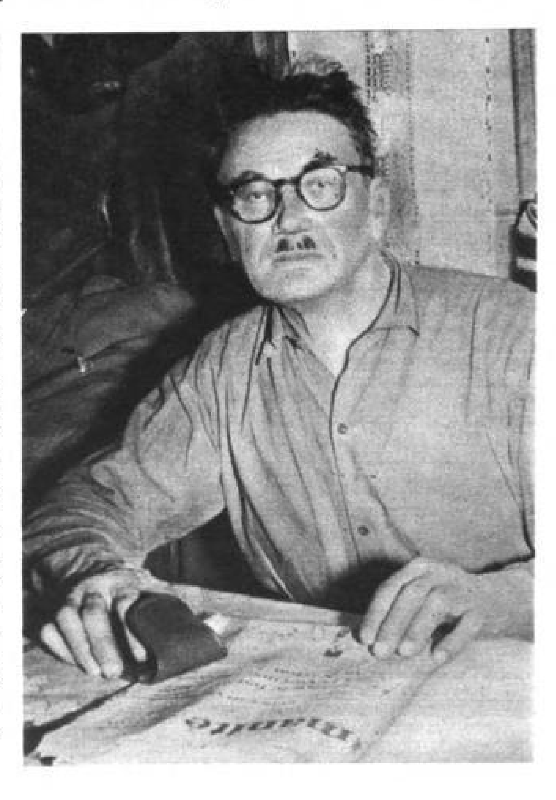
ЖАН ДЮПЛЕССИ, сапожник

«Европейское оборонительное сообщество»? Тут и слов тратить не стоит. Американская ловушка для Франции — вот что это такое! И пусть не заблуждаются там, в правительстве: все французы это очень ясно видят, как и я, в своей мастерской на углу площади Вольтера...

Согласиться с вооружением Западной Германии — это значит вложить нож в руки убийцы твоих собственных детей. А разговоры, что будет какой-то «контроль»... Ну, это мы все уже слышали, а получили 1940 год! Если бы у меня спросили совета, я бы сказал: «Ведь неплохо же получилось, когда мы шли вместе с Советским Союзом, чтобы избавиться от Гитлера! Почему бы нам не идти сегодня вместе с великой Советской страной, чтобы сохранить мир?»

РОБЕР БЕЛЛОНИ, работник коммунального хозяйства

Я — старый солдат. В августе 1944 года я дрался против гитлеровских войск на парижских улицах. 52 наших товарища из коммунальных учреждений Парижа были расстреляны или угнаны оккупантами. Как же я могу допустить, чтобы мой сын служил в этой гнусной «европейской армии», да еще под командой фашистских генералов! Мы не пойдем воевать ради американских банкиров и никогда не подымем оружия против Советского Союза, который не нападал и не собирается нападать на нас. Все служащие моего учреждения подписали петицию в Национальное собрание, где сказано ясно: Франция не должна ставить подпись под собственной гибелью!

НА ЖЕНЕВСКОМ СОВЕЩАНИИ

На седьмой неделе Женевского совещания американская делегация особенно демонстративно выражала свое «нетерпение». Однако «нетерпеливые» американцы, как это известно всем, на каждом шагу тормозят переговоры, стараясь всеми правдами и неправдами сколотить агрессивный блок в Юго-Восточной Азии и превратить Индо-Китай в новую Корею. Вербовка желающих принять участие в этой авантюре продвигается слабо, и именно поэтому мистер Смит всю свою энергию затрачивает на то, чтобы, упаси боже, дело не дошло до прекращения огня в Индо-Китае...

На открытом заседании по индо-китайскому вопросу портфели журналистов были до отказа забиты текстами выступлений различных делегаций. Кроме того, был поставлен своеобразный «рекорд» — состоялось шесть пресс-конференций! Однако внимание журналистов всего мира было приковано к блестящей речи главы советской делегации В. М. Молотова, который четко и прямо охарактеризовал враждебную делу мира политику США в индо-китайском вопросе и одновременно указал путь для ускорения переговоров.

Полной противоположностью этому ясному и принципиальному выступлению была речь господина Бидо. Французский делегат применил весьма несложный прием: все достигнутые на совещании успехи он не более, не менее, как... приписал в заслугу себе; вину же за отсутствие договоренности по нерешенным вопросам свалил на... «неуступчивость» Советского Союза, народного Китая и демократического Вьетнама! Произнося эту речь, г-н Бидо выглядел так, будто у него только и есть одна забота — поскорее восстановить мир в Индо-Китае.

Эту творимую на ходу легенду В. М. Молотов разрушил одной фразой, сказав, что декларация г-на Бидо получит большое значение, если французская делегация всерьез будет придерживаться своего заявления.

...В конце недели Женева опустела. Большинство журналистов и наблюдателей помчалось в Париж, чтобы вблизи полюбоваться разразившимся во Франции правительственным кризисом. Знаменательно, однако, что даже американские репортеры — эти набившие руку фабриканты пессимизма — меланхолически сознаются: «Несмотря ни на что, совещание продолжается, так как его... очень трудно сорвать...».

Сегодня из уст чуждого мне по мировоззрению журналиста, которого я спросил, что он думает о перспективах Женевского совещания, последовал следующий ответ:

— Я думаю, что советская делегация наверняка сумеет найти что-либо новое, чего мы не хотим, — и переговоры снова пойдут дальше!.. — Сказано это было внешне меланхолическим, но явно недоброжелательным тоном.

Едва ли следует добавлять, что этот мой американский собеседник отнюдь не принадлежит к сторонникам мирной политики, проводимой Советским Союзом. Но именно поэтому так обрадовала меня явная досада и бессильная злость этого представителя «свободного мира».

Эдмунд ОСМАНЧИК

Женева, 13 июня.

Один из первых результатов Женевского совещания — возвращение французских раненых военнопленных из Дьен Бьен Фу.

ГЕНЕРАЛЫ БЕЗ АРМИИ

Эта в своем роде уникальная фотография была помещена в майском номере журнала «Иллюстрейтед Лондон ньюс».

На ней изображены генералы, адмиралы и вице-адмиралы — руководители вооруженных сил пресловутого «НАТО» — Северо-атлантического союза. Из подписи к фотографии явствует, что все это блестящее общество в расшитых золотом мундирах собралось в окрестностях Парижа, чтобы... провести «занятия по теории обороны Европы».

О какой «обороне» идет речь, можно судить по облетевшим весь мир наглым и злобным воплям главнокомандующего вооруженными силами «НАТО» американского генерала Грюнтера.

Эта фотография дышит благодушием. Изображенные на ней генералы и адмиралы улыбаются. Они просто объявляют себя верховными властителями довольно значительной части земной поверхности, поделившими между собой нижеследующие объекты: стран больших и малых — 13 штук; море — 1 (Средиземное), океан — 1 (Атлантический).

Впрочем, раздел суши и морей произошел еще раньше — в те дни, когда был заключен Северо-атлантический пакт. И тут весьма основательно были смяты и перепутаны государственные западноевропейские границы. Перед каждой группой генералов вбит колышек. На колышке дощечка. На многих дощечках буквы. Они означают: «Северная Европа», «Центральная Европа», «Южная Европа», «Атлантика». В затылок «Атлантике» стоит «Средиземноморская зона». Понятие национального суверенитета эти бравые военные давно отбросили как «устаревшее».

Всего на фотографии свыше 80 высших чинов. Каждому из них вверен порядочный кусок тверди или хляби. Но тут же маршалы авиации; эти поделили между собой воздушный океан.

Особенно довольный и улыбчивый вид у генералов, стоящих впереди у табличек «Стэндинг-групп» (постоянная группа) и «Шейп» (Главный штаб сил НАТО в Европе). Четыре генерала и один адмирал, ведающие Европой, считают, что десяти миллионов километров европейской территории (по два миллиона километров на брата) вполне достаточно для них. Некоторые генералы и адмиралы из стоящих подальше выглядят не столь жизнерадостно; у них вид недовольный и брюзгливый. Может быть, у них неприятности, может быть, американцы, решительно преобладающие в «Шейпе», поставили им на занятиях под Парижем плохую отметку по поведению?..

Нелегко, наверное, было и фотографу расставить столько генералов перед объективом фотоаппарата и при этом соблюсти все требования атлантической политики и субординации. Фотограф, вероятно, метался по полю как угорелый и громко кричал: «Внимание, ваши превосходительства! Во избежание толкучки и свалки слушайте мои разъяснения... Европа — слева! Атлантика — справа! Турки — посторонитесь! Ваше место сзади. Господин норвежец! Не лезьте в Средиземное море!»

На фотографии американские генералы, занимающие ведущие посты в главных штабах, стоят спереди, у всех на виду. Зато американские генералы, которым надлежит командовать войсками США, расположены в «глубоких тылах», и их едва можно различить на самом заднем плане в середине фотографии. Одинокий люксембуржец, так сказать, грудью прикрывает американские военные силы в Европе; французы и нидерландцы «обороняют» левый фланг американских полководцев; итальянцы, канадцы, греки, турки, бельгийцы — правый. Расположение генеральских групп на парижском плацу поистине символично. Оно говорит об упорном желании руководителей американской стратегии и политики претворить в жизнь свой нашумевший принцип: «Пусть азиаты воюют в Азии, а европейцы в Европе...»

Что, однако, НЕ изображено на этой фотографии, где генералы с безобидным видом развлекаются на лоне природы вместе со своими табличками?

Нет, например, на фотографии атомной бомбы, которой яростно размахивал генерал Грюнтер (второй слева в группе «Шейп»). Нет на снимке и старых гитлеровских генералов и фельдмаршалов — Крювеля и Мантейфеля, Манштейна и Шпейделя, эсэсовцев Гилле и Хаусера. Чтобы эта семейная фотография атлантических генералов, объявивших себя «оборонителями» Европы, была полной, в самом центре ее не мешало бы поместить вооруженного до зубов вояку с фашистской свастикой на рукаве.

Генералы и фельдмаршалы бывшего гитлеровского вермахта, лелеющие планы новой агрессии, готовящиеся к реваншу, — вот невидимое «второе дно» снимка, помещенного в журнале «Иллюстрейтед Лондон ньюс».

...В свое время пытался перекроить карту мира Наполеон. После него этим же делом занялся Гитлер. Известно, чем кончились эти воинственные затеи. Интересно, слушали ли генералы из «НАТО» на своих занятиях под Парижем также и курс военной истории?

Л. ЧЕРНАЯ

Первые международные встречи

Одна из сильнейших профессиональных команд Франции, «Жиронда» из города Бордо, 10 июня выступила на столичном стадионе «Динамо». Наши зрители впервые увидели французских футболистов. И хотя первая встреча гостей с коллективом «Динамо» прошла под знаком превосходства москвичей и принесла им крупную победу, все же надо сказать, что футболисты из Бордо показали нам содержательную игру и хорошую технику свободного владения мячом. Уступали они москвичам в темпе и, пожалуй, в том, что защитники играли индивидуально и долгое время не могли разгадать комбинационных замыслов нападающих игроков «Динамо». Это им дорого обошлось. Быстрые и напористые москвичи, которые на сей раз вели наступательные действия лучше обычного, шесть раз заставили французского вратаря Р. Бернара вынимать мяч из своих ворот. Гости же забили только один гол. 14 июня команда «Жиронда» выступала в Тбилиси против местных динамовцев. Встреча закончилась победой советских футболистов со счетом 4:0.

Ниже мы публикуем две фотографии матча «Динамо» (Москва) — «Жиронда» (Бордо).

Разберемся, что происходит на этом снимке. Острый момент у ворот команды «Жиронда». Мяч, направленный с левой стороны поля, принял на голову В. Шабров (№ 7) и послал его своему партнеру Г. Бондаренко (крайний слева). Тот незамедлительно пустил мяч в ворота. Французские защитники не смогли предотвратить удар. Гол!

Итак, слева направо: Г. Бондаренко, рядом с ним М. Гарига, который не успел перехватить мяч, Ж. Окур (№ 6), который пытался отбить мяч головой, но тоже не успел, В. Шабров, С. Жанжевский, А. Арнандо (№ 3), Ж. Телечна. Вратаря французской команды не видно. Он стоит за А. Арнандо.

* * *

Красиво был забит пятый гол. С левой стороны поля В. Ильиным была послана отличная передача вдоль ворот. Никем не прикрытый В. Шабров резко прошел вперед и ударом головы послал мяч в сетку. Вратарь Р. Бернар не успел даже вытянуть рук...

Фото А. Бочинина.

Работы скульптора С. Эрьзи

В Москве в выставочном зале Союза художников открыта выставка произведений скульптора С. Д. Эрьзи. На снимке: уголок выставки.

Фото Я. Рюмкина.

СТОЛЕТНИЙ АРТИСТ НА СЦЕНЕ

Это было в 1913 году. Однажды к директору и известному артисту Краковского городского драматического театра пришел иностранец поздравить его с успешно и вполне реалистически сыгранной ролью Костюшко в пьесе В. Л. Анчица «Костюшко под Рацлавицами». Гость, как оказалось, жил в Галиции и уже не один раз посетил Краковский театр, в то время лучший в Польше. Слова искренней признательности необычного зрителя запомнились актеру: настолько далеки они были от стандартных восхвалений, которыми завсегдатаи театра встречали артистов.

Посетитель, заглянувший тогда к директору Краковского театра, был Владимир Ильич Ленин, а директор — Людвик Сосновский, более известный под псевдонимом — Сольский.

Сосновский-Сольский, до сегодняшнего дня не сошедший со сцены, продолжает трудиться на благо родной страны.

В роли Тадеуша Костюшки.

В 1893 году Сольский начинает работать в Кракове. Здесь крепнет мастерство талантливого артиста, который прошел все ступени сценической карьеры, от маленьких ролей в комедиях, опереттах, мелодрамах до главных ролей в великих творениях польских и иностранных классиков. В Кракове Сольский приобретает опыт режиссера, становится художественным руководителем и, наконец, директором театра. Сольский ставит на сцене прежде всего произведения великих классиков или тех современных ему писателей, которые искали реалистических средств для художественного выражения действительности. Ибсен и Шоу, Чехов и Горький, из польских авторов — Словацкий и Фредро, Выспянский и Запольская — таков был репертуар театра.

За свою актерскую жизнь Сольский сыграл около 1 500 ролей. В его репертуаре — драматические и комические, трагические и фарсовые роли, он создает и незабываемые эпизодические образы. На протяжении многих лет Сольский еженедельно осваивал новую роль, как этого требовал от артиста театр того времени. И притом каждый из его образов индивидуален, своеобразен, полон жизни. Замечательно играет он Перчихина в «Мещанах» Горького...

В роли польского народного героя Костюшко Сольский выступал еще в конце XIX века; играет он Костюшко и ныне, во второй половине XX века. И теперь артист, которому уже сто лет, неустанно работает над новыми ролями.

Общественность Варшавы торжественно отметила 100-летие со дня рождения и 80-летие театральной деятельности старейшего мастера сцены Людвика Сольского. Восторженной овацией встретили собравшиеся сообщение о том, что в день юбилея Государственный Совет наградил Людвика Сольского высшим орденом страны — «Строитель Народной Польши».

Людвик Сольский работает сейчас в Краковском театре, в том самом театре, где он заслужил первый свой лавровый венок мастера сцены. Молодые артисты, как это делали некогда их старшие товарищи, учатся у него ясности раскрытия главного в роли, умелому применению артистических средств, выразительности дикции.

К юбилярам в Польше принято обращаться с традиционным приветствием: «Живи сто лет, сто лет живи, живи сто лет для нас». По отношению к Сольскому уже понадобилось изменить это приветствие. Все горячо желают ему: «Живите двести лет!».

Польские зрители гордятся своим старым артистом. На его спектакли люди приезжают в Краков со всех концов страны.

Варшава. **И. ЩЕПАНСКИЙ**

В роли Ивана Грозного в пьесе Ал. Толстого.

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Рассказ

Юрий ЛАПТЕВ

Рисунок А. Каневского.

Уже первые слова Ильи Горбылева всем слушавшим его показались странными. А слушали Илью Петровича люди сплошь уважаемые: прокурор товарищ Младенцев и заведующий конторой Заготзерно Успеваев, пожилая учительница Ястребкова и молодой агроном Павел Крутых, два председателя колхозов и еще несколько товарищей, занимающих ответственные посты в учреждениях районного центра Энск.

— Вы, небось, рассчитываете, что Илья Горбылев опять начнет каяться: простите, дескать, товарищи, за то, что не оправдал высокого доверия. А я, дескать, со своей стороны, приложу все силы, чтобы загладить... Так, что ли, полагается?

Почти на всех лицах выразилось недоумение. Но, прежде чем кто-либо успел ответить Горбылеву на такой как будто бы неподходящий вопрос, он заговорил вновь и тем же наступательным тоном:

— Кто в сорок шестом году поставил меня председателем колхоза имени Буденного?.. Не кто иной, как общее собрание колхозников. И единогласно, заметьте, все руки вскинули! Это я не для хвастовства говорю, а для заходу...

Учительница Нина Петровна Ястребкова не могла сдержать улыбки. Илью Горбылева она знала еще с довоенных лет, и он ей нравился: рослый, крутоплечий, статью в отца-гренадера задался... Глаза и волосы тоже отцовские: глаза голубые, но неласковые, и волосы светлые, вьются, а тронь рукой — неподатливые, словно сосновая стружка. От матери же Илья Петрович унаследовал, пожалуй, только цвет лица — очень смуглый.

Прихрамывает еще Илья Петрович на левую ногу: таким демобилизовался. А воевал честно: орден Красного Знамени, два ордена Славы на груди принес и медалей аж четыре: «За отвагу», за Ленинград, за Кенигсберг и за окончательную победу над фашистской Германией.

Да и после войны поначалу Илья Петрович повел себя на людях совсем неплохо. Видно, не только по домашнему теплу да по жениной ласке стосковался солдат. Поэтому и избрали односельчане Горбылева председателем колхоза вместо хорошей, но пожилой, перетрудившейся за войну женщины Евдокии Степановны, по фамилии тоже Горбылевой. А всего Горбылевых в колхозе насчитывалось без двух тридцать семей — явление для русского села довольно обычное.

В сорок шестом году избрали, а в декабре сорок восьмого на отчетном собрании постановили: снять. «Вот и умный человек Илья Петрович и большим хозяйством руководить способен, но поскольку стал свыше меры баловаться вином, то не председатель!»

— Я это число — шестнадцатое декабря тысяча девятьсот сорок восьмого года — помню тверже, чем день своего рождения! Мне не поверите,— жену спросите: сколько ночей она глаз не сомкнула, за мной присматривала. Я и на курсы-то полеводческие тогда подал заявление потому больше, что по селу ходить было совестно! Но зла в ту пору ни на кого не держал. Правильно поступили: раз не оправдал доверия — коси под корень! А вот сейчас...

Илья Горбылев обвел настороженным взглядом находящихся в комнате людей. Все молча ждали его дальнейших слов.

— Сейчас я хочу задать своим колхозникам такой вопрос: а за каким чертом вы, уважаемые товарищи, в пятьдесят первом году меня вторично в председатели колхоза запятили?.. Между прочим, и из вас кое-кого касается это непонятное происшествие.

— Глупые слова! Запятить можно мерина в оглобли, а человек определяет свой путь самостоятельно. На то и разум ему дан! — возразил Горбылеву секретарь райкома Андрей Степанович Норцов.

— А кроме того, Илья Петрович, ты вот в этой самой комнате дал нам торжественное обещание покончить с пьянством раз и навсегда! И года три, наверное, слово свое держал честно,— попыталась смягчить строгую реплику секретаря учительница Ястребкова.

— Вот и главное. Да если бы не вино, с такого человека, как ты, Илья, хоть картину рисуй! — тоже с сочувствием пробасил председатель колхоза «Светлый путь» Роман Иванович Чернохват.

«Могутный человек — от такого и года, словно горошины, отскакивают»,— говорили про своего председателя колхозники «Светлого пути». И действительно, хотя Чернохвату было уже за шестьдесят, мало кто из молодых мог потягаться с ним силой и неутомимостью в работе; за то и звание высокое заслужил — Герой Социалистического Труда.

— Ну хорошо, тогда о другом спрошу: а почему, интересно, у нас за два прошедших года шесть председателей колхоза сняли за интерес к вину?..

— Да, шалят люди! — сказал Чернохват и озабоченно качнул головой.

— А в Кущах вместе с председателем колхоза и начальник милиции под суд пошел, по той же линии. И из сельпо двое,— добавил инструктор райкома Девяткин, которого колхозницы, неизвестно почему, прозвали «Неотложным вопросом». Так и говорили: «Сегодня у нас в бригаде «Неотложный вопрос» выступал».

— Ну, а ты, Илья Петрович, не задумывался над тем... чем же сам-то ты объясняешь это ненормальное явление? — спросил секретарь райкома, заинтересованный оборотом, который приняло обсуждение вопроса.— Говори начистоту!

— А я с тем и на бюро райкома шел, чтобы честно объяснить вам свое поведение. Ну, за других председателей я, конечно, ручаться не могу, но моя беда-причина заключается в том... Вот ответьте мне на такой вопрос: имеет право любой колхозник пригласить своего председателя в гости?.. Непонятно? Хорошо, иначе подступим: скажем, свадьба у вас или дитё, бывает, народилось, и желательно родителям, чтобы на семейном торжестве присутствовал председатель колхоза. Могу я отказать человеку в таком уважении?

— Ни в каком случае! — не задумываясь, отозвался Чернохват и для убедительности пристукнул по столу ребром тяжеленной, будто откованной ладони. И тут же, повернувшись к секретарю райкома, пояснил: — Зазнался председатель, скажут колхозники, выше людей себя ставит! Это уж, Андрей Степанович, вещь, полтыщи раз проверенная.

— Да, случается такое частенько — и в гости идти неохота, и отказать нельзя. Народ у нас на этот счет обидчивый,— подтвердил и третий из прибывших на бюро председателей колхоза — Анна Гавриловна Ложкина. Круглолицая, улыбчивая и на первый взгляд простовато-добродушная женщина, Ложкина к тридцати двум годам столько успела повидать, узнать и совершить, что, как говорила ее мать, «твоих, Анюта, делов на три старушечьих века хватило бы».

— Вы, Анна Гавриловна, с нашим братом себя не равняйте! — сказал, поворачиваясь к Ложкиной, Горбылев.— Ваше женское дело не в пример легче: если и забежала в гости на часок — другой, ну, для уважения пропустила лафитник, не без того, а за сим и до свиданьица: дескать, дома детишки ждут, не дождутся мамашу, или муж приказал не засиживаться — причина! А меня уж если поместили за стол... И не сесть нельзя! Живой пример: не далее как третьего дня прихожу домой, в обед дело было, а жена: «К тебе,— говорит,— Илья, Василиса Лагутина три раза наведывалась, сын у нее, видишь ли, черноморский моряк приехал на побывку, и очень желательно ему тебя повидать». А я не пошел: как раз в тот день мы семена в третьей бригаде перевешивали, а вечером... ну да, а вечером директор нашей МТС Дудников привел ко мне нового агронома, того, что из Киева прибыл. Должен я с таким человеком побеседовать как полагается? Ну и засиделись. Так эта самая Василиса Лагутина на другой день славила меня по всему селу: со всеми, говорит, наш распрекрасный председатель выпить радрадешенек, а моего Петра, старшину первой статьи, уважить не захотел! Ну, не придира баба?.. Или не понимают такие люди, что ихто четыре сотни хозяйств, а председатель на весь колхоз один! Арифметика простая: да если только третья часть моих колхозников и только по одному разу в год пожелает меня попотчевать,— это ведь получается чуть ли не по три захода в неделю! Мыслимо? Тут и товарищ Младенцев переложил бы, при таком уважении. А то и вовсе некрасиво получается: скажем, поможет колхоз колхознику крышу перекрыть или поставить сарай — да что там сарай! — подводу выделишь человеку на личные нужды, а он... на иного, поверите ли, даже зло возьмет: да кто я тебе — председатель колхоза или господский приказчик?!

— Ну, уж это, товарищ Горбылев, такой нелепый пережиток, о котором, по-моему, нам на бюро райкома и говорить стыдно! — возмущенно перебил Илью Петровича Девяткин.

— Нестоящий разговор? — нацеливаясь сердитым взглядом на инструктора райкома, спросил Горбылев.

— Говори, говори, Илья Петрович, все, что есть на душе, выкладывай! — сказал секретарь райкома и тоже недовольно покосился на Девяткина.

— Да, в бытовых вопросах нам да-авно следовало бы навести надлежащий порядок! — многозначительно протянул прокурор Младенцев и записал что-то в свой объемистый блокнот.

— Правильно, Андрей Степанович, это и я хотел сказать,— обращаясь к Норцову, снова заговорил Горбылев.— Иногда уж очень высоко забираетесь вы с агитацией, так спешите, что многие наши колхозники, просто сказать, не поспевают за вами. А не поспевают потому, что в этих самых пережитках, на которые товарищ Девяткин обижается, у них ноги вязнут!..

...Да вот не далее как в прошедшее воскресенье направили вы к нам профессора Затворницкого. Ничего не скажешь, человек он начитанный и очень толково объяснил, каким будет труд при коммунизме. Замечательная картина — вроде как для украшения своей жизни люди будут трудиться. Ну и сознательность, конечно, у каждого человека к тому времени поднимется на самый высокий уровень. Пройдешь по всей стране наскрозь — и

та на два! — пошутил Роман Чернохват. Однако на его шутку никто не отозвался.

Долго длилось молчание.

— После такого доклада,— насмешливо заговорил, наконец, инструктор райкома Девяткин,— не пришлось бы нам вместо резолюции спеть частушку:

Мой миленок чем-то
болен —
Всю неделю недоволен,
Все ему не глянется.
А доктор пишет —
пьяница!

Нет, серьезно, товарищи, сказать, что наши колхозники сами спаивают своих председателей,— это... Выходит, что если на яблоне завелся паразит, виновата яблоня! Так, что ли?.. И сваливать свою вину на то, что председателю колхоза частенько приходится принимать заезжих людей, простите, но и это я считаю неумной отговоркой. Яркий пример: ведь и ты, Роман Иванович, председатель колхоза, и народ тебя уважает не меньше, чем Горбылева, и гостей к вам в колхоз приезжает даже больше, чем к буденновцам, однако никому и в голову не придет назвать тебя пьяницей. Смешно!

ни лодыря, ни жулика не обнаружишь, как, к примеру, в настоящее время купца или кабатчика. Красивая жизнь!.. Потом об этой лекции наша областная газета даже статью напечатала под названием «Профессора едут в колхозы».

И все бы хорошо-чинно, да вот незадача — думается, больше половины моих колхозников не пришло на эту замечательную лекцию. Почему, спросите?.. А причина та, что на воскресенье у нас пришелся козырный день, иначе сказать, престольный праздник, и народ гулял по домам. Может, и об этом стыдно здесь разговаривать?..

А попробуйте вы такой пережиток искоренить! Да, хотите знать, эти отсталые люди даже наш советский лозунг подвели под свою церковную канитель. Ведь село наше называется Семеновка потому, что в нем была церковь какого-то Симеона-столпника. А колхоз наш, как вам известно, имени Буденного. Вот старухи и смекнули: мы, говорят, теперь не какого-то столпника чтим, а нашего уважаемого Семена Михайловича Буденного! Или, говорят, вам, партийным людям, не нравится, что мы отмечаем именины своего депутата?.. Во, брат, как, комар носу не подточит! И самого профессора Затворницкого эти ловкие старушки угостили после лекции так, что у человека сердцебиение образовалось.

— Черт знает, что такое! — возмутился прокурор, с нарастающим интересом слушавший Горбылева.—Не-ет, давно пора по-настоящему взяться за оздоровление быта! Назрело!

— Это еще не все, товарищ Младенцев: если мы начнем считать, сколько перебывало хотя бы за нынешнее лето в нашем колхозе всевозможных представителей, заготовителей и уполномоченных,— пальцев на руках не хватит не только у нас с вами, а и у всего бюро! Сами понимаете, колхоз у нас богатый: сад на полторы тысячи корней, фермы, сепараторная станция, пасека знаменитая,— ну и едут и едут кто за чем, как говорится, у каждого чина — своя причина! Ну, а кто всех этих товарищей принять должен, питанием обеспечить и тому подобное?.. Опять же председатель колхоза — он вроде хозяин. А ведь у нас как заведено: раз я хозяин, а вы у меня в доме гость... Короче сказать, именно через этих уважаемых гостей я и зарок свой нарушил! А помог мне в этом деле не кто иной, как сам Андрей Степанович.

— Вот тебе и раз! — искренне изумился секретарь райкома.— А мне казалось, что мы с тобой, Илья Петрович, никогда и четвертинки совместно не раскупорили.

— Дело тут не в четвертинке. Вспомни-ка, кто мне рекомендовал поставить в Козьей балке запруду и соорудить культурный водоем?.. Не ты, случаем? А мальков зеркального карпа нам прислали аж из Ростовской области по чьему ходатайству?

— Ничего не понимаю... При чем тут мальки и водоем культурный?

— А при том, что если человеку предназначено упасть, так он за собственное голенище зацепится! Конечно, и пруд и зеркальный карп — вещи в нашем колхозном хозяйстве полезные — плохо ли? — но мне это заведение боком вышло потому, что, наверное, половина области заинтересовалась этой чертовой рыбиной!

Оно и понятно: культурное рыбоводство — дело по нашей местности новое, а рыбку уважают все руководители. Так что каждому интересно, как говорится, на чужом опыте в зажиточность въехать. Вот и получилось: за прошедший год в нашем колхозе побывало, сказать не соврать, свыше сотни любителей рыбки. И из колхозов приезжали члены правления, и от вас из района все начальство перебывало, а райзо приезжал всей семьей и с удочками, и из области наведывалось человек с десяток, и даже из центрального института какого-то весной аж целая комиссия прикатила: ученая женщина Антонина Николаевна и три помощника при ней. Вот с этой комиссией-то я и начал опять закладывать. Правда, сама Антонина Николаевна — женщина серьезная, но уж помощники у нее подобрались — все трое, как сосунки от одной матки. Или профессия у них располагающая: недаром ведь говорится, что рыба идет на червяка, а пьяница на рыбку! А я скажу, что не только пьяница: кто бы ни приехал, первым делом интересуется: а как ростовский карп, акклиматизировался в нашей воде? Посмотреть бы... Да разве при такой заинтересованности акклиматизируешься? Было запущено около тысячи мальков, а сейчас если валандается полсотни рыбин по всему пруду,— скажите спасибо!

— Неужели?! — вяло поинтересовался прокурор товарищ Младенцев, утерявший вдруг вкус к разговору.

— Зато каждая рыбина, небось, потянет фун-

— Смешного тут мало, потому что человек человеку рознь! — возразил инструктору райкома Чернохват.— Ты вон с тридцати лет лысиной светишь, а Коржев и в сорок пять кудрявый, как жених. Или я, к примеру, Волгу под Сталинградом переплывал саженками, а ветеринар Ситников у нас в Алешне утоп. Разница?.. Значит, должны мы людей разбирать не только, скажем, по росту или по голосу — кто споет красивее, а оценивать каждого человека по всем его качествам. И не бросаться людьми! Вот ты, товарищ Девяткин, осердившись на Илью Петровича, даже к яблоневому паразиту его приравнял — уместно ли?.. А главное, себя ты такой притчей случаем не подремизил?.. Да заведись у меня в колхозном саду плодожорка, я в первую очередь взгрею садоводов: куда глядели? Почему в зародыше вредителя не вывели? Так и тут: наш товарищ Илья Петрович Горбылев, член партии и человек, которого все мы еще недавно считали передовым руководителем колхоза, оказывается, всех карпов из колхозного пруда выловил на закуску, а мы до сих пор и внимания не обращали на это безобразие! Дескать, стоит ли нам на бюро райкома разговаривать о таких мелочах, как именины да крестины, угощения или престольные праздники?.. Оно и получается: сруб поставили хороший, и железом покрыли наш колхозный дом, а такой промашки, что иногда в щели начинает поддувать, не замечаем, пока чихать не начнем!

— Верно! — поддержал слова Романа Чернохвата секретарь райкома Буштуев.— Дело не в том, что кто-то из нас хочет оправдать пьяницу, нет! Такое поведение для члена партии непростительно, и я первый буду голосовать за суровое взыскание! Но мы не можем пройти мимо того, что Горбылев по нашему району является седьмым председателем колхоза, который не оправдал доверия своих колхозников!.. Над этим давно пора призадуматься; значит, не перевелись еще по нашим селам и деревням явления, способствующие бытовому и моральному разложению руководителей колхозов. Так или нет? ...А если так, давайте поставим вопрос пошире и посерьезнее, чтобы над своим поведением призадумались не только любители всяческих угощений и подношений, а и те люди, которые таким руководящим пьянчужкам потворствуют!

ЛИЛЬЯ

Рассказ о жизни и смерти Небукаднесара Небукаднесарссона

Халдор ЛАКСНЕСС

Рисунки А. Кокорина.

Я так назвал этого человека только для того, чтобы люди обратили внимание на мой рассказ и про себя подумали: «О, это, должно быть, очень занятная история!» В противном случае я бы только поставил инициалы «Н. Н.», так как, говоря откровенно, я забыл, или, вернее, никогда не знал, как его зовут. Но что нам в его имени? Как читатель заметил, в заглавии рассказа поставлено другое имя, и в нем — вся суть. История, которую я расскажу вам, очень длинна, слишком длинна. Как подумаешь об этом, даже страшно становится, до чего она длинна! Но все же начало ее связано с одной из самых коротких мелодий, какие мне когда-либо приходилось слышать. Это была даже не мелодия, скорее, отрывок, заключительный аккорд какой-то мелодии, но как заключительный аккорд он был, пожалуй, растянут, так что, исходя из всех правил разумных пропорций, мы имели бы право представить себе, что это конец большой симфонии одного из известных композиторов. Я познакомил с этой мелодией одного из моих друзей, который собирается стать композитором и написать на основе ее симфонию, когда у него будет вдохновение и в мире пробудится интерес к теме, которая родилась в душе одного из жителей Снефеллснеса.

А теперь слушайте.

Это произошло, когда я еще был школьником и жил в Рейкьявике в маленькой лачужке, примыкающей к котельной соседнего дома, от которой отделяла нас только тонкая стена. Зимой я слышал, как кто-то в котельной напевает эту мелодию, особенно часто по вечерам, когда котел наполнялся на ночь. Кто-то пел ее вновь и вновь угрюмым голосом, похожим на закрученный, лохматый канат, и на последних нотах поющий как бы забывал вдохнуть воздух, и звук под конец совсем замирал, наступала такая тишина, что казалось, человек умер вместе с песней. Несколько мгновений ничего не было слышно, но затем вновь раздавалось бормотанье, которое медленно и с длинными паузами превращалось в мелодию. И чувствовалось, что мелодия продолжала жить в груди поющего, хотя голос у него был хриплый, надтреснутый и звуки застревали в горле. Поющий, казалось, выражал себя, свою душу в этой мелодии, которая, как уже говорилось, может быть, станет большой симфонией.

Так всю зиму напролет кто-то пел для меня в тиши вечеров, и когда я пытался дознаться, кто же поет эту вечернюю песнь, выяснилось, что поет ее истопник. В полночь он уходил.

Однажды вечером я зашел в котельную. В открытой топке пылали раскаленные угольки. А перед топкой, почти невидимый в темноте, сидел Небукаднесар Небукаднесарссон и пел.

— Добрый вечер,—сказал я.

— Добрый вечер,— прозвучал в темноте старческий, хриплый голос.

— Здесь тепло и хорошо,— заметил я.

— Мне нужно уходить.

— Разве ты живешь не здесь?

— Нет,— ответил он.

— Вот как. Однако я очень часто слышу, как ты поешь здесь по вечерам.

— Я не пою,— пробормотал он.

— Тем не менее я часто слышу тебя,— настаивал я.

— Нет. Я никогда не умел петь.

— Я даже выучил мелодию, — сказал я.

Но он только проворчал что-то себе под нос, собираясь улизнуть от меня.

— Не буду тебя беспокоить,— сказал я.

— Пора идти спать,— ответил он и ушел.

Однажды мне показали на берегу за какими-то уступами ящик от пианино; в нем ютился Небукаднесар Небукаднесарссон, а было это в мороз и вьюгу. «Вот почему этот старик так музыкален, он живет в ящике от музыкального инструмента»,— подумал я.

Несколько вечеров в котельной не было слышно ни звука. Но спустя некоторое время старик забыл обо мне и вновь начал петь, как и прежде, тем же низким, замирающим голосом. Я опять зашел к нему.

— Добрый вечер, — приветствовал я его.

— Добрый вечер.

— Ты поешь, я слышал.

— Нет.

— Где ты выучил эту мелодию?

— Мелодию? Это вовсе не мелодия.

— Во всяком случае, ты всегда ее поешь.

— Я вовсе не пою,— сказал он,— я никогда не умел петь... Когда-то я страстно хотел петь. Но то время давно прошло. Теперь такие мысли не приходят мне в голову. Иногда, когда я разведу огонь, мне приятно посидеть у топки.

— Откуда ты? — спросил я.

— С Запада.

— Откуда именно?

— Из Улафсвика.

— Это хорошее место?

— В Улафсвике бывают сильные прибои, как, впрочем, и в других местах,— сказал он.

— У тебя есть родственники на Западе?

— Они умерли.

— Почему ты приехал в Рейкьявик?

Он долго молчал и наконец ответил:

— Там, на Западе, у меня ничего не осталось, ничего...

— Ты, конечно, правильно сделал, что приехал в Рейкьявик,— сказал я. — Я считаю Рейкьявик лучшим городом в стране.

Он опять надолго умолк, усевшись на ящик перед топкой. На этот раз в котельной было светло, он мог разглядеть дыры на своих сапогах.

— Первую ночь в Рейкьявике я спал на кладбище,— произнес он.

— Вот как? — сказал я и, стараясь утешить его, добавил: — Сейчас многим приходится спать на кладбище больше, чем одну ночь.

— Да,— сказал он.

На лице у него были грязные разводы, а седая борода была всклокочена.

— У тебя рваные сапоги,— сказал я.

— О, они не так уж плохи, я нашел их в позапрошлом году в Ватнсмюри. Должно быть, кто-то забыл их в торфяном болоте.

Он поднялся, снял шляпу, висевшую на крючке за печью. Это был котелок, один из тех, которые обычно носят торговцы. Когда обтреплются поля или же какой-нибудь ребенок умудрится проткнуть в них дырку, их обычно выбрасывают в мусорный ящик.

— Можно мне посмотреть твою шляпу? — спросил я.

Дыра в шляпе была так велика, что через нее прошел бы детский кулачок.

— Это старая шляпа,— сказал я и поглядел через отверстие на свет.

Но легко было догадаться, что когда-то это была хорошая шляпа. Я протянул ее обратно старику, он взял ее и тоже посмотрел на свет через дыру.

— Не всякий может смотреть на своего небесного отца сквозь собственную шляпу,— сказал он и ухмыльнулся.

У него был только один зуб.

...Наконец пришла благословенная весна. Никогда не бывает так соблазнительно высунуться из окна, как весной, когда надо сидеть и готовиться к экзаменам. Так интересно наблюдать за всем происходящим на улице, особенно за всеми мелочами, которым начинаешь придавать большое философское значение.

Однажды в квартиру на втором этаже въехали новые жильцы. Я не обратил на них особого внимания. Я заметил только, что это муж и жена, и что у них есть маленькая дочка лет восьми, и что звали ее Лилья. По внешнему виду девочки я заключил, что жильцы не здешние; у девочки были светлые косички, и она разгуливала в шерстяных чулках домашней работы. Девочка играла со своими сверстниками у дверей моей комнаты. Видно, мать ее обожала. Она целый день лежала на подоконнике и командовала дочкой, словно целым полком солдат. Одно приказание сменялось другим. «Смотри,— кричала она,— будь осторожна! Берегись собаки! Берегись пьяного! Берегись машины, Лилья! Берегись!»

В то время еще существовали старые каменные заборы, сложенные из булыжника. Они тянулись по обеим сторонам улицы. Наша улица была очень тихая, на ней почти не было движения.

Однажды я увидел, что на заборе сидит Небукаднесар Небукаднесарссон, греясь в голубых лучах весеннего солнца, и смотрит на детей, играющих у ворот дома. Все его лицо, запачканное сажей, и даже, казалось, всклокоченная борода выражали радость.

Когда начало смеркаться, дети устали и разошлись по домам, осталась только одна Лилья. Она с увлечением прыгала на одной ножке. Небукаднесар Небукаднесарссон окликнул ее:

— Лилья!

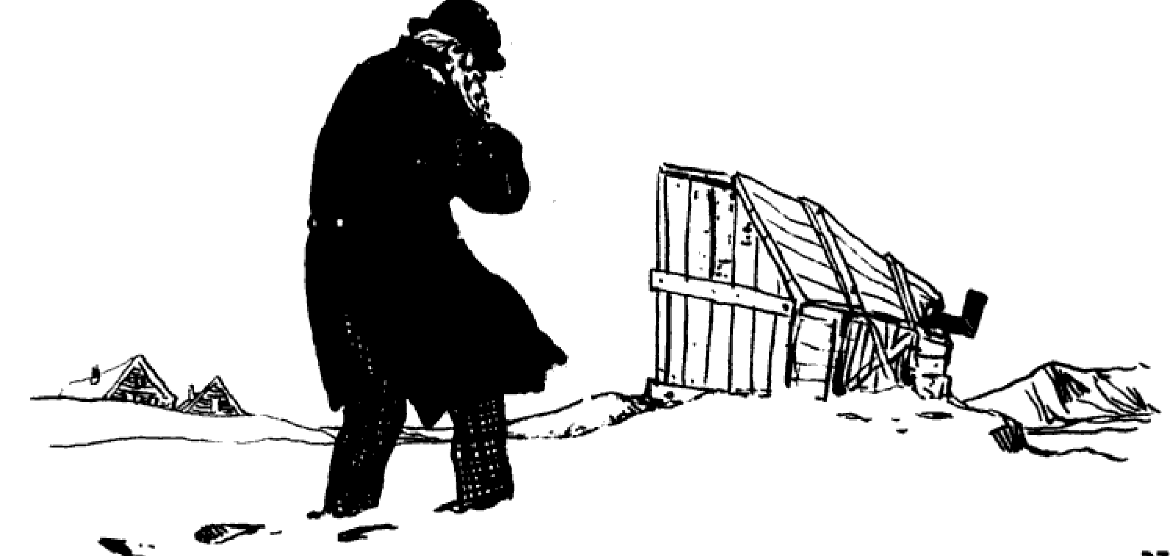
Но она притворилась, что не слышит, и продолжала отчаянно прыгать, как бы соревнуясь с кем-то. Небукаднесар Небукаднесарссон вновь позвал ее:

— Лилья! Лилья!

Девочка попрежнему делала вид, что не слышит, однако взглянула на окно, там ли мать, но матери не было: она ушла на кухню готовить ужин.

— Маленькая Лилья не хочет сегодня разговаривать со старым Небукаднесаром Небукаднесарссоном? — спросил он и достал из кармана бумажный кулечек.

Девочка неуверенным шагом перешла двор и, заложив руки за спину, поглядывала то на кулек, то на окно. В кульке был изюм, ни больше, ни меньше. Однако Лилья сделала вид, что это ее нисколько не удивляет и ни чуточки не интересует. Кончилось это тем, что они оба уселись на заборе и уплетали изюм — она десять изюминок, он за это время одну. Девочка неуклюже болтала ногой и критиче-

Халдор Лакснесс — известный исландский писатель, лауреат Международной премии мира. На страницах «Огонька» (№ 29, 1953 г.) был помещен его рассказ «Происшествие в Рейкьявике».

ски осматривала спутанную бороду старика. Затем она стала прыгать перед ним на одной ножке. Мать кликнула ее из окна, но девочка, поужинав, вернулась обратно: она знала, что в кульке кое-что оставалось.

Так прошла весна. Лилья перестала бояться Небукаднесара Небукаднесарссона. Едва завидев его, она бежала ему навстречу, засовывала руку в карман и извлекала оттуда кулечек с изюмом. Часто по вечерам они сидели на заборе, и мне казалось, что старик рассказывает девочке занятные истории: она слушала его с таким вниманием.

— Эти люди — твои родственники? — спросил я однажды.

— Они с Запада,— ответил он.

— Ты знаком с ними?

— Да,— сказал он.— С маленькой Лильей.

Я не всегда понимал старика. Он казался мне несколько странным, но я не очень задумывался над этим. В то время мои мысли были заняты совсем другим. И хотя я думал, что семья эта вовсе не с Запада, а с Востока, мне не хотелось пререкаться со стариком.

До меня ясно доносились слова старика:

— Ему минуло двадцать лет, а она родилась всего лишь на несколько месяцев позже, в марте. Они всегда знали друг друга. Он хотел построить для нее домик с огородом на зеленой лужайке. В то время он ловил рыбу на паях с покойным Гудмундуром, его дела шли тогда неплохо, но он никогда не умел петь. Ее звали Лилья.

— А дальше что? — спрашивала девочка.

У меня не было времени дослушать рассказ до конца, и я подумал тогда про себя: «Он рассказывает ей какую-нибудь старую историю о том, что происходило когда-то на Западе».

* * *

Осенью я вновь приехал в Рейкьявик. Однажды, разговаривая на улице со своими приятелями, я заметил неподалеку человека, который глядел на меня, не спуская глаз. Он, видимо, ждал, когда я расстанусь с товарищами, и не успел я распрощаться, как он устремился в мою сторону и протянул свою грязную руку.

— Небукаднесар Небукаднесарссон.

— Что нового? — спросил я.

— Да ничего особенного...

— У тебя какое-нибудь дело ко мне?

— Нет, —ответил он,— мне просто было интересно, узнаете ли вы меня.

— А как же,— ответил я,— я даже помню еще мелодию, которую ты тогда напевал. Как поживает твоя маленькая подружка?

— Меня лишили пенсии, тех тридцати крон, которые полагались мне по старости.

— Почему же?

— Да Йосеп донес, что я трачу их на изюм. Вы, наверно, хорошо разбираетесь в законах. Скажите, что мне делать?

— А кто это Йосеп?

— Мой родственник. Он иногда дает мне немного рыбы или еще чего-нибудь.

— Надо обратиться к бургомистру,— посоветовал я.— Лично у меня нет времени заняться этим.

— Не знаю, выйдет ли из этого что-нибудь. Может быть, мне удастся наняться в один дом.

— Как наняться?

— Да как в прошлом году.

— Разве ты не работаешь истопником в том доме?

— Нет,— ответил он.— С тем домом все покончено, все...

— Как же это случилось?

— Не знаю, не знаю... — ответил он.

— Ну, прощай,— сказал я.

— Прощайте, спасибо за внимание.

Он снял шляпу.

* * *

Много лет спустя я увидел его вновь. Я тогда изучал медицину. Его внесли в анатомичку, завернутого в покрывало, я его тотчас узнал, хотя он был уже обмыт. Он не вызвал во мне никакого особого чувства, разве лишь то, какое невольно испытываешь в присутствии покойника, независимо от его места в обществе. Только лишь после похорон я задумался над его жизнью и смертью. Вот человек, к которому никто не имел претензий, он умер одиноко в своем ящике, никто не знал его имени, происхождения, его мыслей и чувств.

В день, когда мы его вскрывали, я даже не вспомнил мелодию, которую он когда-то напевал. Одно было очевидно: его вскрывали со всей научной тщательностью, и покойник был предметом такого пристального внимания, какого он никогда не знал при жизни.

...Впрочем, к чему объяснять все это, я уже давно потерял интерес к медицине и занимаюсь другим. Но именно потому, что с тех пор прошло много лет, я утверждаю, что во имя науки с ним поступили не совсем почтительно, а именно: взяли только скелет покойника, а остальное выбросили. Сейчас этот скелет служит для научных демонстраций. Я не хочу говорить, где,— это тайна и заговор во имя науки. В гроб положили камни, и мы, несколько студентов-медиков, отправились провожать его на кладбище; мы боялись, что кому-нибудь вздумается взглянуть на покойника. Мы внесли гроб в церковь и сами вынесли его оттуда. Был канун рождества, мглистый, морозный день. Церемонию нужно было завершить как можно скорее. Стены церкви были обтянуты черным крепом: именно в этот день, в двенадцать часов, предстояли похороны какого-то важного сановника.

И вот сюда был внесен гроб Небукаднесара Небукаднесарссона. Кладбищенские власти допустили такую наглость ввиду того, что наступал праздник, и похороны Небукаднесара Небукаднесарссона должны были состояться либо сегодня, либо никогда.

Это был истинный скандал, что похороны такого ничтожного человека проходили в такой торжественной обстановке!

Дул резкий, холодный ветер с юго-запада. Мы с трудом пробились с гробом через сильную пургу и внесли его в церковь. Больше всего нас беспокоило, как бы в середине торжественной церемонии не вывалилось дно гроба и камни не выпали на пол. От грохота перекатывающихся камней я содрогался и едва сдержал себя, чтобы не выругать того идиота, который вздумал положить их в гроб. Мы почти изнемогали под тяжестью ноши. Наконец мы уселись на переднюю скамью в роли родственников покойного. Священник поспешно спустился с хоров. Как и следовало ожидать, он был несколько сконфужен допущенным злоупотреблением (слава богу, что семья сановника ни о чем не дозналась) и скороговоркой произнес надгробное слово, которое он заготовил на прошлой неделе по случаю смерти одной крестьянки. И, естественно, он все время сбивался и терял нить. Изредка, когда нужно было сказать: «Наш дорогой усопший брат», он говорил: «Наша дорогая сестра», а однажды даже сказал: «И где-то в другой стороне нашу дорогую усопшую сестру оплакивают оставшийся муж и дети».

Я боялся, как бы кто-нибудь не обратил внимания на эти ошибки, и беспокойно озирался по сторонам. Я заметил, что в церкви, кроме кладбищенского служащего, была только одна старуха. Она сидела в самом последнем ряду и, казалось, была глуха, как стена. Я пытался успокоить себя мыслью, что она зашла сюда случайно, укрываясь от непогоды, и покойник ее нисколько не интересует.

Когда мы вынесли гроб и погребальные дроги медленно тронулись в путь, кто же, вы думаете, пошел за нами? Старуха в синем переднике, в черной праздничной шали, обрамлявшей ее морщинистое лицо. Пришлось и мне со своими спутниками пойти за гробом, а то как бы старуха не учинила скандала на кладбище. Мы были не очень уверены в благополучном исходе похорон. Нет, мы не могли успокоиться, пока не будет засыпана могила. Однако моим товарищам надоело терять попусту драгоценное время, и они ускользнули в кафе «Упсалир», предоставив мне сопровождать процессию до конца. Мы медленно двигались за гробом: старуха, я, священник, кладбищенский служитель.

Уже была засыпана могила, уже ушли священник и кладбищенский служитель, а старуха все стояла и смотрела на снежный холмик. Я подождал некоторое время у кладбищенской ограды, но женщина не двигалась, и я вернулся опять к могиле.

— Чего ты еще ждешь здесь, дорогая? — спросил я. —Ты знала его?

Она испуганно взглянула на меня, на лице у нее собрались морщины, губы задрожали, рот искривился, обнажив беззубые десны. Старческие воспаленные глаза наполнились слезами. Я уже описывал где-то, как тяжело смотреть на старых людей, когда они плачут.

— Не плачь, милая,— сказал я.— Он отправился к богу.

— Да,— ответила она и вытерла слезы краем фартука.

— Иди домой, а то замерзнешь,— сказал я.

Я был не очень уверен, что женщина не захочет докопаться до истины. Мы вместе покинули кладбище.

— Откуда ты родом? — спросил я.

— Я приехала с Запада.

— Из Улафсвика, что ли?

— Да.

— И ты знала его?

— Да, мы были однолетки. Но я вышла замуж и уехала на Юг. Я прожила там сорок лет.

— Как тебя зовут?

— Лилья.

— А муж твой жив?

— Нет, давным-давно умер.

— У тебя есть дети?

— О, у меня их тринадцать,— ответила женщина с такой безнадежностью в голосе, что я увидел в своем воображении, кроме тринадцати детей, еще ораву внуков.

— Да, в мире много удивительного,—сказал я.— Он был всегда одинок.

Она молча шла рядом со мной, я не рассчитывал, что она ответит мне. С юга, от Шеряддфиорда, надвигалась снеговая туча. Я решил расстаться с ней у ворот кладбища и приподнял шляпу.

— Прощай.

Она протянула мне старческую узловатую руку и посмотрела мне в лицо, мне, единственному, кто разделил ее горе, и сказала:

— Я также была всегда одинока.

Ее лицо снова исказилось, и она, быстро поднеся к глазам край передника, отвернулась.

На этом кончается рассказ о Небукаднесаре Небукаднесарссоне, который только одну ночь провел на кладбище.

Перевела с датского **В. МОРОЗОВА.**

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

РУССКИЙ ЛЕС

Из лесной глуши, из Пашутинского лесничества, что на реке Енге, приехала в Москву восемнадцатилетняя Поля. Чемодан ее набит книгами отца — профессора Вихрова. Видно, немало он весит, если даже оторвалась ручка.

Москва радушно отнеслась к молоденькой девушке. Паровозный кочегар донес полины вещи до троллейбуса. Потом «чудеса пошли так густо, что нельзя стало различить, где кончалось одно и начиналось другое». В троллейбусе легко разместился багаж приезжей. Попутчики донесли его потом до нужного Поле дома, где живет ее лучшая подруга Варя. После свидания с Варей Поля идет по Москве, и великий город встречает ее радостными открытиями и неожиданно открытыми радостями.

Читая роман Леонида Леонова «Русский лес», все время испытываешь такое же чувство — радостного открывания. Красочный народный язык. Вылепленные уверенной рукой художника, навсегда запоминающиеся образы отца Поли профессора Вихрова, его противника Грацианского, беспринципного бюрократа Чередилова, матери Поли Леночки, испытавшей всю тяжесть унижений, выпавших на долю подкидыша в помещичьем доме, воспитанника профессора Вихрова Сергея и многих других. Великолепны пейзажи Москвы и далекой Енги, картины лесов, раскинувшихся на необозримых просторах нашей Родины.

Роман Леонида Леонова «Русский лес», бесспорно, одно из самых значительных литературных явлений 1953 года. Уже стали нарицательными имена неутомимого борца за русский лес Вихрова и его постоянного «спутника», паразитирующего псевдоученого Грацианского, накапливающего свой сомнительный научный капитал путем разгрома любого произведения своего давнего знакомого.

Профессор Вихров — это честный советский ученый. Пусть не хватает ему качеств бойца-трибуна, пусть испытывает он минутные слабости, но никогда не идет Вихров на сделки со своей совестью, никогда не поступается своими научными взглядами Он требует рачительного отношения к лесу, этому зеленому другу человека, доказывает, что нельзя безрассудно рубить лес в европейской части Советского Союза, утешаясь лесными массивами Сибири. Надо заботиться обо всем лесном хозяйстве! Ведь нельзя считать равноценными вырубленные кряжевые деревья и выросшие на их месте, годные лишь на дрова корявые березки да гнилые осинки, нельзя продолжать числить в «лесных массивах» возникшие на месте порубок болота, где растет лишь чахлый кустарник.

А вот профессору Грацианскому нет дела до судеб русского леса. Он думает только о собственной карьере да о том, как спрятать свое подлинное лицо. Когда-то в молодости Грацианский подумывал о борьбе с царским самодержавием, но и тут его привлекала лишь возможность выдвинуться, стать вождем. Первая же встреча с царской охранкой привела к тому, что Грацианский оказался предателем. Жандармский полковник Чандвецкий подослал ему под видом своей жены «даму Эмму», обитательницу жалких меблированных комнат, выполняющую любые поручения охранного отделения. И этой-то «даме Эмме» Саша Грацианский выдает своего товарища Валерия Крайнова, успокаивая свою нетребовательную совесть тем, что, мол, Эмма не сможет выдать Крайнова охранке, так как иначе будут разоблачены ее встречи с Грацианским.

Как-то мне привелось видеть сосны, по могучим стволам которых вился дикий виноград. Внешне он казался совершенно безобидным и даже украшал своей зеленью золотистые стволы, но местный старожил показал мне деревья, задушенные виноградом. Раскинув свои листья по всей кроне, он лишал светолюбивые деревья солнца, и они погибали.

Грацианский напомнил мне такой виноград, вьющийся по чужому стволу в поисках солнца для себя. Он тоже паразитирует на чужой научной работе.

Леонид Леонов глава за главой раскрывает характер и облик Грацианского. Нет, не случайной ошибкой молодости была его связь с охранкой. Впоследствии Грацианский, заявив о своем намерении писать труд о революционном движении среди молодежи, основательно покопался в архивах охранки и уничтожил компрометировавшие его документы. Но в душе он остался все тем же человеком, способным на любую подлость, трусом, ставящим выше всего собственное благополучие.

Образ Грацианского выписан автором с большой силой, выписан гневным пером художника, умеющего непримиримо изобличать негодное. Такие же сатирические краски сверкают в палитре писателя, когда он показывает сторонников Грацианского — «вертодоксов», людей, лишенных убеждений и готовых всегда держать нос по ветру.

Старый спор между Вихровым и Грацианским играет большую роль в судьбе восемнадцатилетней Поли. Еще живя в Пашутинском лесничестве с матерью, она читала статьи Грацианского об отце. Она верила этим статьям, потому что горячо любила мать и считала: раз мать ушла от отца,— значит, отец плохой. Только постепенно убеждается она в правоте отца и распознает сущность Грацианского.

Образ Поли полон внутреннего обаяния. Она непримирима к любой фальши, она рвется в коммунистическое завтра, где должны быть чисты все побуждения. Без колебаний идет Поля на опасное задание — в тыл к гитлеровским оккупантам.

Леонид Леонов — писатель ярко выраженной индивидуальности, и трудно сравнивать его роман с другими литературными произведениями. Но все же, пожалуй, со времени появления «Молодой гвардии» А. Фадеева мы не встречали выписанных с такой любовью образов нашей молодежи. Обаятелен образ Вари, внешне некрасивой девушки, узнавшей горечь разочарования, когда любимый ею юноша женился на другой, но находящей в себе огромные духовные силы, чтобы подбодрить Полю и чтобы самой пойти на смерть во имя счастья Родины.

Сложней путь Сергея, тяготящегося тем, что отец его — раскулаченный. Воспитанный без матери, он рано постиг книжные премудрости, но мало знает жизнь и привык ко всему относиться несколько свысока. Найти себя помогает Сергею рабочий коллектив и дружба с Морщихиным, коммунистом, который во время войны становится комиссаром бронепоезда.

Надо сказать, что из всех персонажей романа Морщихин получился наиболее бледным, у автора не нашлось для него запоминающейся характеристики.

События в романе развертываются всего на протяжении двух военных лет, но авторские отступления в прошлое дают ему возможность показать жизнь героев «старшего поколения» на протяжении полувека. И на протяжении этого полувека показаны судьбы русского леса, с которым неразрывно связаны судьбы большинства персонажей романа.

Еще в детстве Ваня Вихров стал свидетелем того, как лесопромышленник Кнышев сводил лес. Жадный стяжатель уничтожал леса в разных концах России, скупая их у оскудевшего дворянства. Хищническая сущность капитализма воплощена в образе Кнышева с большой художественной силой.

Крестьянский мальчик Ваня Вихров с детства слыхал легенды о живущем в лесу богатыре Калине Тимофеевиче, будто бы подручном самого Степана Разина. Но встретившийся в лесу старик Калина оказался самым обычным человеком, водившим пчел да возившим на продажу мед. Когда Кнышев сводит лес, Калина не может ему противодействовать. Это еще не борец за народное дело, это лишь носитель патриархальной крестьянской правды.

Нет, не сказочные силы могут сохранить русский лес, поставить его на службу свободному народу. Всю свою жизнь отдает Вихров заветной мечте, борясь за то, чтобы не скудели леса, чтобы на месте вырубленных появлялись новые, и не хуже тех, что были.

Глубоким чувством патриотизма вдохновлен роман Леонида Леонова. Писатель борется за хозяйское отношение к лесу, восстает против теорий, позволяющих рубить леса без оглядки: их, мол, у нас все равно много!

«Любой букварь неполноценен без вводной странички о значении и красе родной природы, леса в том числе; и плох учитель, если не сумел обучить свою паству этой самой действенной и благородной из наук,— говорит профессор Вихров в своей проникновенной лекции в институте.— Терпеливо растолкуйте детям, что лес входит в понятие родины, что чувство патриотизма всегда пропорционально количеству вложенного в нее личного труда».

Именно этой горячей любовью к родной природе пронизан «Русский лес». Это та воинствующая любовь, которая не мирится с недостатками, которой чужда созерцательность.

В короткой рецензии невозможно разобрать все достоинства романа. О нем уже написано много статей и, надо думать, немало еще появится. О нем спорят не только на читательских конференциях, но и в среде работников лесного дела, где роман находит и своих горячих приверженцев и противников. Думается, что роману суждена долгая и полезная жизнь.

П. ШЕБУНИН

Леонид Леонов. Русский лес. Роман. «Знамя». 1953. №№ 10—12.

ВПЕРВЫЕ НА ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Перед нами — сборник стихов Маяковского, недавно вышедший в Демократической Республике Вьетнам. В книгу включены отрывки из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!», стихотворения «Левый марш», «Мы не верим!», «Лучший стих» и фрагмент из стихотворения «Домой!». Эти первые переводы стихов Маяковского на вьетнамский язык принадлежат перу известного поэта Хоанг Чунг Тхонга.

С особенным чувством, вероятно, читают свободолюбивые вьетнамцы «Лучший стих» Маяковского, проникнутый горячим сочувствием «незнаемым и родным китайским кули», поднявшимся против иноземных притеснителей.

Можно ли сомневаться в том, что, живи поэт сейчас, он обратился бы с таким же страстным приветствием к «незнаемым и родным» сыновьям и дочерям героического Вьетнама!

Н. РЕФОРМАТСКАЯ

Находка в крепостной стене

А. А. Алескер-заде у каменной плиты с надписью.
Фото И. Рубенчика.

В самом центре Баку, близ площади Низами, высятся стены древней крепости. За последние годы проведены большие работы по восстановлению первоначального облика крепостной стены. На трехсотметровом участке реставрированы короны восьми башен, зубцы стрельчатой формы.

Бакинская крепостная стена издавна привлекает к себе внимание историков и зодчих. Одни ученые относили ее возникновение к XIV веку, другие — к более позднему времени. Недавно при реставрационных работах в крепости была найдена массивная каменная плита с надписью, представляющей большой научный интерес. На плите длиной в 205, шириной в 72 и толщиной в 14 сантиметров отчетливо выделяются три строчки надписи, украшенной затейливым орнаментом.

Расшифровав ее, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Азербайджанской ССР Аджар Али оглы Алескер-заде прочел:

«Приказал строить городскую стену царь великий, ученый, справедливый... величайший Ширваншах Абуль-Хайджа Манучехр, сын...» На этом надпись обрывается.

Известно, что Манучехр I из династии Ширваншахов Кесранидов правил Ширванским государством в XII веке. Следовательно, находка позволяет назвать более точную дату возникновения городских стен. Ученые предполагают, что надпись была высечена на двух плитах. Вторую из них обнаружить пока не удалось.

Установлено, что при разрушении первых стен камень использовался для сооружения последующих. Так и попала в сохранившуюся до наших дней стену плита с надписью.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Сосиски производит автомат

В просторном и светлом зале одного из павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, сверкая никелем и свежей окраской, стоит новенький агрегат. Нигде не видно мяса, не чувствуется даже специфического его запаха. Но вот нажимается кнопка управления. Агрегат начинает действовать, и вдруг, словно это фокус иллюзиониста, из отверстия выскакивают сосиски и одна за другой сползают на ленту конвейера.

Бесконечным потоком движутся они, ровные и гладкие, как на подбор. Большой металлический шкаф, преградивший им путь, поглощает их. Здесь строй сосисок ломается: своеобразными цепочками висят они на крючках штанг, медленно двигающихся внутри шкафа, и бесследно исчезают в его глубине.

Проходит полчаса. На противоположном конце шкафа появляется штанга с сосисками, теперь уже проваренными и окончательно готовыми. Можно снимать их. Сочные, горячие сосиски прямо сами просятся в рот... Откуда же берутся сосиски?

Весь процесс начинается в приемном бункере — белом ящике, закрытом со всех сторон. Бункер наполнен заранее приготовленным, тоже с помощью специального автомата, мясным фаршем. С помощью целой системы устройств и механизмов фаршем наполняются оболочки сосисок.

Сосиски еще сырые, их надо подвергнуть подсушке, обжарке, варке. Все эти операции выполняются вторым автоматом — агрегатом термической обработки, состоящим из нескольких камер.

Так работает первый и пока единственный опытный автомат для производства сосисок, сконструированный советским изобретателем Борисом Никитичем Еленичем. Обслуживают агрегат только три человека. Существующий агрегат мал по размерам, обладает относительно небольшой производительностью — всего тонна сосисок в смену. Сейчас заканчивается строительство промышленного сосисочного автомата, который будет давать 3 тонны сосисок.

Наряду с этим агрегатом советскими учеными и инженерами созданы автоматические установки для производства и других колбасных изделий — сарделек, чайной, любительской и других сортов колбас.

Государственный институт по проектированию предприятий мясной и молочной промышленности в настоящее время составляет проект первого автоматизированного завода производительностью в 50 тонн колбас в смену. Здесь все основные процессы, начиная от разделки мяса и кончая выпуском готовых колбас различных сортов, будут производиться машинами.

А. ПРИСС

Самоходная тележка для строителей

...По строительной площадке движется необычная машина — не то мотоцикл, не то тележка. Вот, слегка покачнувшись, она переехала через груду кирпича, затем ее большие колеса легко перекатываются через канавку. Впереди — самое сложное препятствие. Надо преодолеть подъем, затем повернуться на 120 градусов, проехать сквозь дверной проем шириною немногим больше метра и крутыми зигзагами двигаться между фермами. Водитель — он сидит сзади на седле, как у мотоцикла,— включает малую скорость. Мотор работает с напряжением. Тележка уверенно поднимается в гору. Нажата левая рукоятка — большое колесо с левой стороны остановилось, в то время как правое продолжает вращаться. Тележка плавно поворачивается на месте, оставляя на земле след правильной дуги. Поворот прошел отлично! Водитель, затормаживая то одно, то другое колесо, ведет машину по сложной кривой линии.

Вот и конец пути. Человек нажимает рычажок — ковш медленно опрокидывается, высыпая кучу песка. Теперь надо перевезти большой ящик с раствором. Двое рабочих быстро снимают ковш и взамен его укрепляют специальный вилочный захват, напоминающий автопогрузчик, только значительно меньший по размерам. Прошли 3—4 минуты, и машина, подняв ящик, уже мчится по другому маршруту.

Опытный образец новой самоходной тележки успешно прошел испытания на строительстве многоэтажного здания. Здесь тележка особенно полезна. Подать строительные материалы внутрь каркаса краном нельзя. Подъемник может доставить, скажем, кирпич только в одно место. А как же переместить его внутри каркаса? Приходится прибегать к помощи ручных тачек.

Теперь труд людей заменит машина, вес которой вместе с грузом и водителем не превышает 750 килограммов,— ее легко выдерживают перекрытия и временные подмостки. Она небольших размеров, маневренна, проста в управлении. Тележка приводится в действие мотором трехколесного мотоцикла, расходует очень мало бензина — 3—3,5 литра за 8 часов.

Самоходная тележка сконструирована во Всесоюзном научно-исследовательском институте организации и механизации строительства под руководством старшего инженера Р. Н. Уланова. Сам Уланов — бывший танкист. Чтобы сделать машину поворотливой, он использовал принцип управления танком или гусеничным трактором. Поворачивая рукоятку на себя, водитель слегка притормаживает или останавливает совсем одно колесо, и тогда тележка поворачивается буквально вокруг своей оси.

Инженер Р. Н. Уланов испытывает сконструированную им самоходную тележку.
Фото В. Шустина.

Новая машина может найти широкое применение и в сельском хозяйстве. Легко представить, как удобно перевозить на ней фрукты в большом колхозном саду. Она может быть использована и на перевозке овощей, удобрений и для буксировки груженой тележки. Самоходная тележка найдет применение и в городском коммунальном хозяйстве.

М. МИКРЮКОВ

Торф дает пар

Мы зашли в лабораторию теплотехники Института энергетики и электротехники Латвийской академии наук как раз в тот момент, когда в воронку, венчающую один из отростков установки, выплеснули полведра жидкой грязной массы.

— Засеките время,— предложил старший научный сотрудник Г. П. Индриксон.

Прошло две минуты, и из установки высыпались дымящиеся темнокоричневые шарики, цветом и запахом напоминающие цикорий. Их подхватили на совок и тут же бросили в расположенную у основания установки топку. А в воронку выплеснули новую порцию полужидкой массы, чтобы через две минуты опять получить дымящиеся шарики и вновь предать их огню...

Из полуоткрытого клапана вырвался белый, как молоко, клубок пара. Откуда же он взялся?

— Из торфа,— отвечает Индриксон, указывая на полужидкую массу.

В составе сырого торфа больше всего воды. Естественно, что сырой торф, столь великодушно брошенный природой нам прямо под ноги, как топливо никуда не годится. Зато сухой дает массу тепла, почти не уступая самым лучшим сортам угля.

Более ста лет стремились ученые насильно отделить торф от воды. Но и искусственный нагрев и отжимка на специальных прессах обходились слишком дорого. А просушивать торф солнцем долго, трудоемко и ненадежно.

Исследователи поставили перед собой задачу добыть пар прямо из торфа. Но от заманчивой идеи даже до лабораторной установки долгий путь. Очень сложной и «хитрой» оказалась конструкция этой установки, хотя внешне она выглядит простой.

Сразу же из бункера торф попадает в сильно нагретые трубы. Непрерывно перемещаясь, он слегка просыхает в них, как в духовке. Но толстую торфяную «коврижку» быстро не «пропечешь». И особые приспособления, захватив ее, мельчат и крошат. Вот теперь, когда влаге негде укрыться в небольших комочках торфа, ее по-настоящему, со всех сторон, атакует жар. Температура более 400 градусов почти мгновенно заставляет воду превращаться в пар.

Потребляя тонну сырого торфа в час, проектируемая установка за то же время даст около 650 килограммов пара под давлением в 15 атмосфер. Этого достаточно для того, чтобы заставить работать небольшую сельскую электростанцию мощностью в 60 киловатт.

Трудно переоценить значение такого торфоперерабатывающего агрегата для коллективных хозяйств Прибалтики, Белоруссии, северных областей, расположенных невдалеке от торфяных болот. Пар будет использован не только для артельного производства, но и в быту.

Крупные установки подобного типа по-новому разрешат и снабжение энергией городов, имеющих поблизости большие запасы торфа. Вокруг Риги, например, они так велики, что энергией, полученной при их сжигании, как подсчитали ученые, можно было бы освещать город, снабжать его паром и горячей водой в течение ста лет.

Монтаж установки не вызывает больших хлопот. Она может быть укреплена на плоту или барже, прямо на болоте. Ей не нужен даже водопровод—необходимейшая деталь всех паровых устройств. Работать она способна круглый год. Тараня отработанным паром скованное морозом болото, она метр за метром будет сама себе добывать «корм». Новый торфоперерабатывающий агрегат может действовать даже среди безбрежных болот тундры, в условиях вечной мерзлоты.

С. ИКОННИКОВА

Кандидат технических наук Г. П. Индриксон проводит очередной опыт.

ФИЛЬМЫ современной ЯПОНИИ

Один из японских портовых городов. По улице медленно идет мальчик. Его отец — американский солдат, а мать — японка. Но Генри никогда не видел отца, а матери некогда возиться с ребенком: у нее «в гостях» американец, она гонит сына прочь. И мальчик, голодный, заброшенный, бредет по улице неизвестно куда.

Таких обездоленных «детей смешанной крови» в Японии, даже по официальным данным, насчитывается сейчас более 200 тысяч.

С большой художественной силой и драматизмом рассказывает о судьбе этих детей японский кинофильм «Дети смешанной крови», поставленный прогрессивным режиссером Сэкикава Хидео.

«За плывущими облаками». Кадр из фильма о пилотах-смертниках.

200 тысяч «детей смешанной крови» — это 200 тысяч свидетельств бесчинств и насилий американских оккупационных войск в Японии! Отцы их давно забыли о «маленьких приключениях» в далекой Японии, матери многих погибли от голода и болезней. Несколько детских приютов могут принять едва десятую часть этих сирот, остальные обречены на голод, нищенство, беспризорность.

...По дорогам Японии мчится автомашина. Около детского приюта она останавливается. Из машины выходит японка с девочкой. За рулем, покуривая, остается сидеть американец. Но свободных мест нет. И машина мчится дальше.

— Почему вы хотите отдать девочку в приют? — спросили мать.

— Ах, мне так тяжело, так тяжело ее отдавать,— отвечает японка,— но он сердится... Он считает, что девочка нам будет мешать.

И вот на одной из дорог они бросают ребенка...

Маленький Генри жаждет материнской ласки, он повсюду разыскивает свою мать: в городе, в кабаре американского военного лагеря. На военном полигоне и погибает в разрывах снарядов измученный ребенок, забредший туда в полном отчаянии.

В феодальной Японии существовало когда-то сословие париев — «этá». Считалось, что общение с ними оскверняет. В современной Японии появилось новое сословие «этá» — «дети смешанной крови». На них с презрением смотрят некоторые «чистокровные» японцы. Они требуют, чтобы в школах, где учатся их дети, не обучали бы несчастных сирот.

Нельзя без содрогания и гнева смотреть этот фильм о горькой участи маленьких «париев», об их незаслуженных страданиях. Следует особенно отметить трогательную игру актрисы Нацукава Сидзуэ, снимавшейся в роли «мамы-тян» — этим именем приютские дети, не знавшие настоящих матерей, называли старшую воспитательницу.

Недавно на экранах Японии появился фильм «Хиросима», с потрясающим реализмом рассказывающий об ужасных страданиях, выпавших на долю жителей Хиросимы, на которую была сброшена атомная бомба.

Сниматься в кинофильме пожелали лучшие японские прогрессивные актрисы и актеры — Исудзу Ямада, Хатаэ Киси, Эйдзи Окада и многие другие. Неоценимую помощь оказали при массовых съемках простые люди Хиросимы, многие из которых были свидетелями атомного взрыва. Стоит вспомнить простую женщину, снимавшуюся в роли матери, разыскивающей среди развалин и пожаров своего ребенка: несчастной матери пришлось это испытать в действительности.

Когда съемка была закончена, крупнейшие японские кинокомпании Дайэй, Тохо и другие заявили, что будут бойкотировать фильм. Но самым лучшим ответом на этот бойкот был колоссальный успех фильма: уже в первую неделю его просмотрело два миллиона зрителей.

Недавно независимое кинотоварищество Гендай выпустило на экраны фильм «Краболов» (режиссер Ямамура Сатору). Сценарий создан по одноименной книге классика японской пролетарской литературы Кобаяси Такидзи, зверски замученного японской охранкой. В картине показаны события, происходившие на одном из японских краболовных судов, получивших печальное название «адских».

Рыбаки и рабочие, завербованные на краболовное судно и доведенные до отчаяния невыносимыми условиями труда, подняли бунт. Неравная борьба кончается жестокой расправой с восставшими, которую учиняет команда эсминца японского императорского флота. Хотя события, показанные на экране, происходили в 1925 году, фильм «Краболов» не теряет актуальности и в наши дни. Еще не забыта недавняя расправа с рыбаками, осмелившимися ловить рыбу в зонах американских военных баз в Японии.

Фильм «Краболов» не лишен элементов натурализма. Они сказываются и в фильме «Дети смешанной крови» и в других картинах. Тем не менее можно с полным правом сказать, что прогрессивные кинематографисты Японии стали на путь реализма.

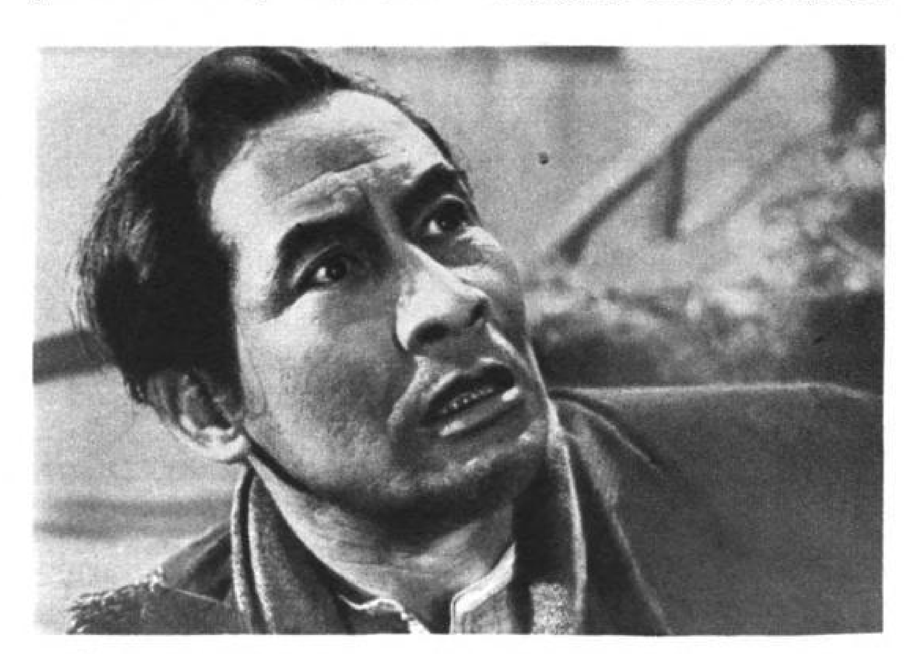
«Адские ворота». Кадр из фильма. Кэса — героиня кинноповести.

Сейчас режиссер Иэки Миёдзи заканчивает съемки нового художественного фильма — «Целомудрие Японии» (производство кинотоварищества «Синсэй Эйга»). В основу сценария положены подлинные дневники одной японской женщины. Оценивая значение этого фильма, газета «Акахата» пишет: «Сейчас, когда по всей Японии американцы издеваются и позорят японских женщин, этот фильм явится протестом всей японской нации».

В фильме «База номер 605» («Первое сопротивление»), над которым работал режиссер Ямамото Сацуо, рассказывается о победе, одержанной населением префектуры Нагоя в борьбе против создания американской военной базы.

В то время, как крупнейшие японские монополистические кинообъединения выпускают, в подражание Голливуду, десятки боевиков, пропагандирующих войну, смакующих грубую эротику, воспевающих убийства и самурайский кодекс морали, передовые работники японского кино, несмотря на все материальные трудности и преследования, выполняют поистине героическую работу: они создают фильмы, срывающие покровы с темных сторон жизни современной Японии.

Следует отметить, что некоторым режиссерам японского буржуазного кино удается создать хорошие фильмы, когда они, отказавшись от приемов, излюбленных Голливудом, обращаются, например, к экранизации выдающихся произведений национальной литературы. Недавно на кинофестивале в Канне получил первую премию цветной японский фильм «Адские ворота» (режиссер Кинугаса Тэйносунэ). Сценарий фильма написан по роману классика японской литературы Кикути Кан. Фильм переносит нас в XII век и на фоне борьбы кланов Таира и Минамото повествует о трагической любви воина Морито к девушке Кэса, имя которой стало в Японии символом чистоты и верности.

«Краболов». Кадр из фильма. Я. Сатору в роли краболова-пьяницы.

Б. РАСКИН

СТОРОЖА И ПОМОЩНИКИ

— Направо! Налево! Кругом! — слышатся слова команды. Команда четко выполняется... собаками, которые находятся в центре большого зеленого поля. Зрители заинтересованы происходящим, особенно бурно выражают свой восторг мальчишки,

Повинуясь приказанию хозяина, собака преодолевает препятствие.

которые, несмотря на энергичное вмешательство милиционеров, подползали чуть ли не под нос к овчаркам и доберманам.

Собаки демонстрируют умение быстро повиноваться словам и жестам своего хо-

«Диверсант», конвоируемый собакой...

зяина. Вот он резко поднимает вверх руку, и животное преодолевает барьер, метра в три высотой. Хозяин резко опускает руку вниз — собака ложится.

Легче всего поддаются воспитанию умные и грозные собаки-овчарки, которые стерегут стада от волков, охраняют промышленные и военные объекты, несут службу на границе нашей Родины.

Сейчас с их участием на поле развертывается целое представление на тему «Охрана хозяина и поимка диверсанта». Человек, одетый в широкий ватный халат (роль эту по желанию может исполнить любой из присутствующих), выходит в круг. Он медленно прохаживается и неожиданно нападает на хозяина, за которого мгновенно вступается пес. Короткая борьба. Хозяин жестом останавливает животное. И вот «диверсант», конвоируемый собакой, удаляется с поля.

Такие упражнения показывались на одном из рингов краснопресненского парка культуры и отдыха, где происходила XVIII московская выставка служебных собак ДОСААФ. Парк был разделен на одиннадцать рингов-площадок. На одном демонстрировалась работа служебных собак, а на других посетители могли наблюдать такие картины: по кругу прохаживались с важным и серьезным видом люди, держа на привязи собак-соревнователей. На одном ринге — колли, на другом — боксеры, на третьем — эрдель-терьеры, на четвертом — пудели... Призы здесь выдавались за экстерьер — за внешний вид собаки — и за ее потомство.

Не все проходит гладко: хозяева заговорились, и два добермана вступили в отчаянный бой. В драку ввязались и другие собаки. Во-время подоспевший милиционер делает хозяевам строгое внушение: «Плохо вы воспитываете ваших собак!»

Воспитанием и обучением собак защитно-караульной службе занимается клуб служебного собаководства ДОСААФ. Инструкторами клуба работают общественники, члены ДОСААФ. Они отдают этим занятиям свободные дни и часы.

Вот Е. М. Шагов. Он член клуба с 1948 года, а с 1950 года инструктор на учебно-дрессировочной площадке. Во время войны при форсировании Одера Шагов — тогда танкист-десантник — был тя-

Такие чужого не пропустят!

жело ранен. От смерти его спасли собаки-санитары, под пулями подползшие к раненому...

Питомцы Шагова показали на выставке отличную работу. Награжденные призами, золотыми и серебряными медалями и грамотами ДОСААФ, многие из них участвовали в смотре победителей, состоявшемся после закрытия выставки.

Т. КОНЮШКОВА

Фото Р. Амирова, Р. Лихач.

Перед смотром пошел дождь...

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Советский биолог. 7. Сосновый лес. 12. Тропическое и субтропическое растение. 13. Водоотводная канава. 14. Квасцовый камень. 17. Места в зрительном зале. 18. Советский кинорежиссер. 19. Город в Краснодарском крае. 20. Птица из семейства куриных. 21. Жидкость, применяемая для наркоза. 23. Река во Франции. 24. Специальность в сельском хозяйстве. 25. Группа животных одного вида. 26. Яркая звезда. 28. Пьеса А. Корнейчука. 30. Фаза развития. 31. Пение на одних гласных звуках. 32. Роман Л. Н. Толстого.

По вертикали:

1. Подстилка под седло. 2. Южный фрукт. 3. Трава из семейства злаковых. 4. Точка зрения. 5. Бумага для снятия копий. 8. Уничтожение или сокращение средств войны. 9. Просвещение. 10. Искусственное удобрение. 11. Научная работа. 15. Частица, входящая в ядро атома. 16. Русский композитор. 22. Самокат. 27. Прием, метод. 28. Цветок. 29. Один из брусьев, образующих корму судна. 30. Явление природы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

7. Хронометр. 8. Идеология. 10. Свод. 11. Хлопковод. 12. Груз. 15. Славянск. 18. Строение. 20. Токката. 21. Полет. 22. Стиль. 23. «Гобсек». 24. Дикция. 28. Весть. 29. Оскол. 30. Бисквит. 32. Академия. 34. Кривошип. 36. Янка. 38. Сокровище. 39. Граб. 40. Рукоделие. 41. Наборщица.

По вертикали:

1. Привал. 2. Анод. 3. Реалист. 4. Реторта. 5. Гонг. 6. Пикули. 9. Якушкин. 13. Тяжелоатлет. 14. Достоинство. 16. Азот. 17. Концепция. 18. Статистик. 19. Наль. 25. Лена. 26. Рокотов. 27. Ковш. 30. Бинокль. 31. Трущоба. 33. Кунгур. 35. Иранцы. 37. Алоэ. 39. Гуща.

НЕИСПРАВИМЫЙ

Рисунок Ю. Узбякова.

В этом номере на вкладках восемь страниц индийских этюдов А. М. Герасимова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д—47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05050. Подп. к печ. 15/VI 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 510. Заказ 1706. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д—47, ул. «Правды», 24.

Яблонька цветет
Слова Ант. ПРИШЕЛЬЦА.
Музыка Юр. СЛОНОВА.
Не спеша, мягко
Голос
Над ве.сенней реч.кой, где тро.пин.ка-брод, над ве.сен.ней реч.кой
яб.лонь.ка цве.тёт. В первый раз, пер.вым цве.том яб.лонь.ка цве.
.тёт! Яб.лонь.ка цве.тёт! Яб.лонь.ка цве.тёт!
rit.
legato
Для окончания
ша!
тёт!
pp
*) Нота в скобках для окончания
Над весенней речкой,
Где тропинка-брод,
Над весенней речкой
Яблонька цветет.
В первый раз,
Первым цветом
Яблонька цветет!
Яблонька цветет.
Яблонька цветет.
Паренек увидел —
Замерла душа.
— До чего красива! —
Шепчет, чуть дыша.
— До чего ж
Ты красива!
Как ты хороша!
Как ты хороша!
Как ты хороша!
Соловей заречный
Нынче сам не свой:
Пролетал, увидел —
Потерял покой,
Так запел,
Так защелкал
Для нее одной!
Для нее одной.
Для нее одной.
Кто б ни шел тропинкой,
Мимо не пройдет,
Ей от всех вниманье,
Ей от всех почет:
В первый раз,
Первым цветом
Яблонька цветет!
Яблонька цветет.
Яблонька цветет.

Цена номера 3 руб.